

Ника Орлова

**РАЗЖИГАЯ ПЛАМЯ
НА СНЕГУ**

Он встает из-за стола, кажется, будто заполняет собой половину пространства, двое других — лысый и мужик с кавказкой внешностью, тоже поднимаются.

— С нами поедет.

— Нет! — вырывается у меня.

Дядя хватается ртом воздух, но не может произнести ни слова. В течение нескольких секунд его шок сменяется паническим страхом.

— Оставьте девочку в покое, я найду деньги, обещаю! — чуть не плача, умоляет он.

— Вернешь деньги, я верну твою девочку, — рубит главный.

Обстоятельства вынудили Его взять Ее в заложницы. Но все оказалось не так просто, как Ему хотелось.

Разжигая пламя на снегу

Ника Орлова

Глава 1

Лиза

Вечерняя столица встречает пасмурной погодой, хотя уже достаточно тепло, июнь принес, прямо-таки настоящее, лето. Сливаемся со, спешащей покинуть аэропорт, толпой и подходим с Альбиной к багажной ленте. Мой чемодан выезжает первым, подруга замечает свой через пару минут. Снимая его с ленты, случайно мажет губами по белоснежной рубашке впереди стоящего мужика. Вижу испуганную гримасу на ее лице, но, когда она понимает, что он этого не заметил, улыбаясь, зыркает на меня, забирает чемодан и мы, веселясь, идем на выход.

— Кажется, у кого-то сегодня будет дома допрос с пристрастием, — говорю я, заметив на его пальце обручальное кольцо.

— Вот и поделом. Мог бы помочь даме спустить багаж, видел же, что чемодан тяжелый, — забавляется Альбина.

— Смачно ты его, — улыбаюсь в ответ.

Дорофеева, и без того имея яркую внешность — темные каштановые волосы и карие глаза, практически всегда красит губы красной помадой. И то, что ее отпечаток теперь красуется на чужом мужском плече, похоже, ни капли не смущает подругу.

Вообще-то, ее трудно чем-либо смутить, впрочем, меня тоже. Мы теперь не из робкого десятка. Вряд ли кто-то узнает в нынешних москвичках, приехавших когда-то покорять столицу, провинциалок. За четыре года многое изменилось и в нашей жизни, и в нас самих.

На выходе прощаемся на позитиве и разбегаемся каждая в свое такси.

Выехав на трассу, водитель включает негромко радио и я, радуясь, что не успела попасть под, начинающий моросить, мелкий дождик, окунаюсь в воспоминания о поездке.

Как-то спонтанно десять дней назад, болтая у меня в офисе с подругой, мы решили поехать отдохнуть в Испанию. Через пару часов у нас на руках были путевки, а следующим утром мы уже летели ранним рейсом к теплым пескам Средиземного моря. Отдых получился насыщенным и запоминающимся, впрочем, как и всегда с Дорофеевой. Невольно улыбаюсь, вспоминаю ее любимую фразу:

— Элис, неправильно говорят — нужно брать от жизни все. Нужно брать от жизни только качественное, а все — пусть остается другим, кто не перебирает.

Да, кто бы мог подумать, что я по щелчку собственного пальца смогу поехать за границу, когда и сколько захочу...

Еще со школы в родном Саратове мы с Дорофеевой стали лучшими подругами, вместе поступили в институт на факультет иностранных языков, позже переехали в Москву, в общую съемную захудалую двушку.

Меня воспитывала бабушка, родителей я потеряла в восемь лет. Мало что о них помню, хотя мама мне снится часто, такая, как на фотографии на бабушкином комод.

У бабушки, кроме моей мамы, есть старший сын. Он нам помогал, после смерти родителей, чем мог. И, хоть мы знали, что он не бедный человек, достатком нас не баловали. Я только в более взрослом возрасте поняла почему. Все имущество дяди Севы принадлежало по документам жене. Ирина Львовна была женщиной корыстной и жадной, и помогал дядя родной матери с внучкой втихаря, когда получалось выкрутить копейку. Приезжал тоже крайне редко — раз в год, а то и полтора. А вот звонил часто. Бабушка говорила, что так он

стараются загладить вину, ведь мы были для его жены и сына бедные родственники из глуши.

Брата я видела пару раз, а дома у них мы побывали впервые только на его похоронах. Когда Андрею исполнилось двадцать, он умер от передозировки. И хоть был всегда непутевый, тетка плохо перенесла смерть сына, стала болеть, пару лет лежала парализованная, а год назад умерла.

Через месяц дядя пригласил меня жить к себе. Я сначала сомневалась, но Альбина до пены у рта убеждала, что я вытащила счастливый билетик и нужно этим пользоваться. В итоге, теперь у меня есть дом, машина и хорошая работа.

Всеволод Разумовский оказался намного богаче, чем я предполагала. Не скажу, что он миллионер, но живет довольно обеспечено, ни в чем не нуждается и не отказывается от излишеств. Возможно, понимает, что не так много лет у него осталось, а деньги с собой не заберешь.

Когда умерла бабушка, я заканчивала пятый курс института. После похорон, он остался лишь до вечера. Но мы почти все это время проговорили.

Тогда я почувствовала, что этот разговор был для него важен и необходим. Он искренне о многом сожалел в своей жизни, сокрушался, что прожил зря, семейного счастья не испытал, единственного сына упустил, пока деньги зарабатывал, на мать времени никогда не было. Когда уезжал, сказал, что у него осталась только я, приглашал в Москву после окончания вуза, обещал помочь с работой.

И мы с Альбиной приехали. Дядя дал мне небольшую сумму денег на аренду квартиры и устроиться. А мы добавили все, что у нас было на двоих, сняли помещение и открыли бюро переводов. Заехали в самую обшарпанную квартиру, которую я только видела в своей жизни, навели там, насколько это было возможно, порядок и думали, деньги потекут рекой.

Молодость берет вершины, потому что не знает, что их нельзя взять. Вначале были большие трудности, проблемы и косяки, но мы свято верили в свое дело. А когда совсем было туго, приходилось обращаться к родственнику. Он не отказывал, но и беспечную жизнь не обустроивал. Я была не в обиде, он сильно обжегся с Андреем, предоставляя неограниченный доступ к деньгам. Да и не обязан мне ничем, спасибо и за малое.

Дело пошло в гору только через полтора года, когда мы сменили локацию офиса, вложились в рекламу, наработали клиентуру и вообще освоились в своем деле и в городе.

А когда я переехала к дяде, он предложил мне стать директором сети его туристических агентств. По Москве у нас четыре филиала, приличный доход, база постоянных клиентов, среди которых не последние в городе люди. В общем, Дорофеева была права, я ни разу за это время не пожалела, что приняла предложение родственника.

Подъезжая к дому, замечаю возле двора два незнакомых джипа с крутыми номерами — черный и серебристый. Странно, у нас не так часто бывают гости. Я бы даже сказала, крайне редко. Дядя Сева в последнее время больше сам выходит куда-то, не забывая таскать меня за собой, в надежде найти выгодную партию. Прямо он этого не говорит, но я уже хорошо его изучила, понимаю его уловки и приемы.

Вставляю ключ — не заперто, делаю шаг в прихожую и замираю.

— Но я не знаю, где его искать, меня подставили, я не имею к этому никакого отношения, — слышу упавший голос дяди.

Дверь в гостиную приоткрыта, за большим столом расположились трое здоровых мужчин, похожие на бандюков, дядю я не вижу, но предполагаю, он сидит в торце, на своем любимом месте.

Лиза

— Но я не знаю, где его искать, меня подставили, я не имею к этому никакого отношения.

Мое сердце набирает обороты и несется вскачь. Эти гости с недобрыми намерениями. Останавливаюсь, как вкопанная, даже пошевелиться страшно.

— Это твои проблемы, даю тебе неделю времени! Найдешь его или деньги, отдашь налом, как договаривались. Если нет, поставлю на счетчик, — говорит сидящий ближе всех мужчина. На вид ему около тридцати, может, чуть больше, но низкий голос и не терпящий возражений тон, выдает в нем дерзкого и осознающего свою силу человека.

— Но я не смогу достать такую сумму за неделю, это нереально, — мне кажется я слышу каждую вибрирующую нотку испуга в голосе дяди.

— Значит, ищи своего человека и лучше, если ты найдешь его первым.

Мое терпение дает сбой, что это за братки из девяностых? По какому праву они явились в дом и втроем наехали на одного старого человека?

С бешеным стуком в груди и трясущимися ногами вхожу в комнату, выдыхаю, ладони сами сжимаются в кулаки:

— Что здесь происходит?

На меня поворачивается сразу четыре пары глаз, дядя Сева смотрит затравлено, остальные с интересом.

— Это кто? — спрашивает все тот-то же, который говорил до этого.

— Это племянница, в гости приехала, — сходу врёт родственник.

— Она с ним живет, — безапелляционно кроет лысый, с ухоженной щетиной, качок.

— Макс, она вообще не в курсе этих дел, — пытается достучаться дядя Сева, при этом смотрит на угрожавшего ему изначально.

Теперь я четко понимаю, кто тут главный, но также понимаю, что дядя куда-то влип и пытается выгородить меня.

Макс окидывает меня пренебрежительным взглядом, во взгляде скользит злость и превосходство. Он встает из-за стола, кажется, будто заполняет собой половину пространства, двое других — лысый и мужик с кавказкой внешностью, тоже поднимаются.

— С нами поедет.

— Нет! — вырывается у меня.

Дядя хватая ртом воздух, но не может произнести ни слова. В течение нескольких секунд его шок сменяется паническим страхом.

— Оставьте девочку в покое, я найду деньги, обещаю! — чуть не плача, умоляет он.

— Вернешь деньги, я верну твою девочку, — рубит главный.

Они направляются на выход, кавказец смотрит на меня так, что я понимаю — разговоров больше не будет. Двое первых проходят мимо к двери, а этот небритый кавказский амбал ждет пока я выйду вперед него.

Ноги подкашиваются, мое состояние близко к обмороку, но я где-то нахожу силы, делаю бесстрашное выражение лица и выхожу. На автомате хватаю дорожный кейс со стоящего в коридоре чемодана, в нем средства гигиены, запасной комплект белья, кто знает, сколько я просижу в каком-нибудь чулане.

Макс и лысый подходят к черному джипу, лысый открывает мне заднюю дверь. Усаживаюсь, дрожа и проклиная про себя это стечение обстоятельств. Попади по дороге из аэропорта в пробку, могла бы не пересечься с ними. Кавказец машет им, прыгает в серебристый джип и уезжает. Мы тоже трогаемся. За рулем Макс, мне видно его в профиль. Может, мне показалось, но сев в авто, его, похоже, отпустило, лицо стало не таким напряженным и жестким.

Сначала просто едем молча, я в турборежиме прокручиваю варианты, как я могла бы убежать, если бы заехали на заправку, к примеру. Или, когда подъедем к месту, где меня будут держать. Боже, холодный озноб пробирает только от мысли, что могут со мной сделать эти двое.

Через какое-то время лысый нарушает тишину.

— Макс, на х*р она тебе? — кивает на меня.

— Для подстраховки... Чувствую, старый лис что-то не договаривает.

— Считаешь это замутил он?

— Считаю, когда выбор между бабками и близким человеком, бабки проигрывают. А, значит, быстрее вернутся к нам.

— А если он правда, не при делах?

— Что прикажешь делать, Гриш? Просто сидеть и ждать? — у Гриши иссякают аргументы, и он устремляет взгляд на дорогу — Откуда знаешь про нее?

Меня возмущает факт того, что они разговаривают обо мне, как будто меня здесь нет. Но я боюсь проронить даже вздох, не то, что сказать что-то.

— Видел ее как-то с дядюшкой в ресторане Риткиного отца, Ритка сказала, что Разумовский на старости лет племянницу нашел, мол наследница появилась. Руководит турфирмами его.

Макс поворачивается и в темноте салона пристально смеряет меня взглядом, прищурился глазами.

— Так может ты знаешь, в какие края укатил беглец?

Подрагивание в конечностях переходит в частый тремор, а желудок вообще скручивается в узел.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. Не знаю никакого беглеца и про ваши дела с дядей тоже не знаю.

— Ладно, времени у нас достаточно, обязательно выясним. Тебя где выкинуть? — обращается он уже к товарищу.

— У офиса притормози.

Пока подъезжаем до здания известного бизнес-центра, они обсуждают еще какие-то акции, инвестиции и прочие непонятные для меня вещи, мой страх немного ослабевает, поскольку со мной остается один. Высаживаем этого Гришу на стоянке одного из высотных стеклянных зданий и выгружаем на набережную. В машине поселяется гробовая тишина, и лишь запах мужского парфюма с древесно-пряными нотками, напоминает мне, уткнувшись в окно, в попытке распознать дорогу и понять, куда меня везут, о том, что рядом со мной мужчина из плоти, а не молот с наковальней, который раздавит меня при первой же возможности.

Лиза

В темноте улиц я, все-таки, теряю нить дороги и уже не понимаю, куда мы направляемся. Даже на указателях читаю незнакомые мне названия, никогда не была в этой части города. А может, это за городом.

Сворачиваем в поворот и заезжаем в элитный частный сектор. Доехав почти до конца улицы, с обеих сторон которой, высокие заборы скрывают шикарные особняки и дома — один другого краше, останавливаемся у кованых ворот одного из них.

— Приехали, — мужчина выходит из машины, одна из двух автоматических дверей гаража открывается, навстречу шустрым шагом выходит охранник.

Я тоже покидаю салон и прирастаю к земле, дрожь в коленках усиливается, по позвонкам простреливает холодными иглами, а в мозгу ураган, как перед прыжком в неизвестность.

Получив ключи от машины из рук хозяина, видимо, чтобы загнать ее, охранник, косясь в мою сторону, проходит мимо и садится за руль.

— Тебе что, пригласительный прислать? — раздраженно кидает через плечо Макс — Пошли!

Следую за ним в калитку, дышу глубоко, пытаюсь заглушить гулкие удары сердца. Мне кажется, их слышит даже он. Пока идем по аллейке, идеально оформленного многоуровневого двора с газонами и клумбами с подсветкой, он нажимает что-то на телефоне, и на первом этаже дома загорается освещение. У меня даже сбивается дыхание. Выполненное в стекле здание, полностью без штор, светится насквозь, открывая вид на внутренний интерьер — завораживающе. Я никогда не бывала в таких домах, словно в кино попала. Макс открывает входную дверь, удивляя еще больше, пропускает меня вперед. Ступаю на белый мрамор и оказываюсь в нереально красивой огромной гостиной. Здесь все кричит о немислимом богатстве — дизайнерская мебель, светильники, хрусталь, металл и стекло, современные предметы декора. Вокруг стерильно чисто, такое ощущение, что люди в этом доме не живут.

Он проходит дальше, поднимается на второй этаж, плетусь за ним, хуже никогда себя не чувствовала. Тревога потихоньку угасает, в погреб меня, похоже, запирают не будут. Макс открывает дверь в одну из спален, кивком показывает мне проходить. Моя тюрьма оказывается просторной комнатой с видом на задний двор с бассейном и садом, лавочками и белоснежной беседкой.

— Жить будешь здесь. В твоём распоряжении дом и территория двора. За периметр тебя не выпустят. Здесь везде камеры, сбежать не получится.

Он обращает внимание на кейс в моих руках.

— Что там?

— Личные вещи.

— Открывай.

— Что? — меня возмущает не только тон, но и указание. Перспектива выворачивать перед ним содержимое, не просто напрягает, а доставляет полный дискомфорт.

— Либо показываешь, что внутри, либо заберу полностью кейс.

Его несомненная уверенность в том, что он хозяин положения начинает просто бесить.

Открываю замок, выворачиваю содержимое на кровать. Все вперемешку падает на покрывало: зубная паста, косметичка, расческа, духи, телефон, зарядное, кошелек и сверху приземляется комплект терракотового белья. Блин, ну почему я не положила его в мешочек? В последний момент закинула его на дно кейса в гостинице перед выездом в аэропорт.

Мужчина осматривает вещи, останавливается глазами на белье, потом без стеснения, поднимает их на мою грудь, дальше выше, несколько секунд изучает лицо. Руки обдает холодом, становится совсем не по себе. О чем он думает?

Но затем, довольно резко, выражение его лица меняется, становится точно таким же, как было в доме дяди — злым и бескомпромиссным. Он берет в руки мой телефон и кладет в карман своих джинсов.

— Это тебе не понадобится.

Я возмущенно открываю рот, но сказать ничего не успеваю. Он выходит и закрывает за собой дверь.

Пару минут я пребываю в состоянии полного непонимания. Что дальше? Что я здесь делаю — в чужом доме, в чужой истории и чужой жизни? Пытаюсь собрать себя в кучу, складываю содержимое кейса обратно, подхожу к окну и закрываю шторы. Только сейчас до меня доходит, что в спальне они присутствуют, в отличие от нижнего этажа.

Толкаю дверь, ведущую в санузел, прохожу внутрь и, увидев ванную, открываю краны. Сажусь на краешек и стараюсь сосредоточиться. Всегда считала, что из любой ситуации есть выход, а иногда и несколько. Вероятно, не всегда... Сколько я пробуду в этом доме и чем мне здесь заниматься без связи и интернета? Без одежды, даже шампуня нет в этой ванной комнате. Спасибо, хоть гель для душа и полотенца предусмотрели.

***

Просьпаюсь, когда солнце уже высоко. Отсутствие часов в комнате оставляет в догадках, который сейчас час. В любом другом месте такая прекрасная погода, после долгой московской зимы и весенней слякоти, подняла бы мне настроение с первых минут подъема. Сегодня я этого не ощущаю.

Ночью долго не спалось, мысли одна за другой крутились по кругу и в обратном порядке. Кто эти люди, что за дела с ними у дяди Севы? За что он им задолжал? Чем занимается этот Макс? Весь этот список дополнился переживаниями за здоровье, уже не молодого, родственника. Наверняка, он не предполагает, что я ночью не в подвале, а в комфортной спальне хозяйского дома. Мне становится дико жаль его, как только вспоминаю его смертельно бледное лицо, когда незваные гости решили увезти меня с собой.

Встаю, принимаю душ, привожу себя в порядок и спускаюсь вниз. У меня в планах поговорить со своим похитителем. Возможно, если станет со мной разговаривать, он внесет ясность в бесконечный поток моих вопросов.

Босиком спускаюсь по мраморным ступенькам вниз, мои туфли на невысоком каблуке никак нельзя назвать домашней удобной обувью. Решила оставить их для улицы. Светлые джинсы-бананы и футболка — мой скудный гардероб, дома уже полетели бы в корзину для грязного белья, но здесь пришлось надеть все снова. Мой страх улетучился еще вечером, в пенной воде огромной ванны. Я вдруг осознала, что мне ничего здесь не угрожает, по крайней мере, если дядя найдет эти чертовы деньги.

В гостиной пусто, прохожу к открытой двери кухни, заглядываю. Макс стоит на террасе спиной ко мне и разговаривает по телефону. В этом доме настолько идеально натерты стекла, что я вижу даже залом на его брюках, наверное, он только из-за стола. На барной

стойке одиноко стоит пустая чашка из-под кофе. Мой желудок нервно урчит, намекая, что я ничего не ела со вчерашнего вечера.

Мужчина, не замечая меня, настоятельно отдает какие-то распоряжения, а я, пользуясь случаем, рассматриваю его во все глаза. Широкие плечи, атлетическая фигура, накачанные бугры мышц проявляются при каждом незначительном движении. Модная короткая стрижка, темные волосы уложены в художественный беспорядок, и потрясающий запах геля для душа и мужского парфюма, оставшийся после его выхода на террасу. Просто полный комплект. По памяти вспоминаю карие глаза, красивое лицо, легкую небритость и ямочку на подбородке. В других обстоятельствах, он, наверное, не оставил бы меня равнодушной.

Он отключается, разворачивается и заходит внутрь. Увидев меня, останавливается.

— Доброе утро, — сегодня мой голос спокоен, и я тоже.

— Доброе утро, — его тон, по-прежнему, раздраженный. Причем, он стал таким, как только я попала в поле зрения.

— Мы можем поговорить?

— У тебя десять минут, говори. Мне нужно ехать.

— Я прохожу к большому дивану, стоящему под стенкой напротив обеденного стола, сажусь и жду, когда оппонент сделает то же самое. Пусть я не в самом выгодном положении сейчас, но стоять перед ним на цыпочках тоже не буду.

Он понимает, слегка улыбается, сарказм пробегает по этой улыбке, и она исчезает. Садится на другую половину дивана, развернувшись ко мне, на расстоянии комфортном для личного пространства каждого из нас, и показывает, что готов слушать.

— Что у тебя произошло с моим дядей? Я никогда не видела ни тебя, ни твоих людей в его окружении.

— Разумовский не мой уровень, я работаю в другой сфере.

— Тогда за что он тебе должен деньги?

Некоторое время он размышляет, стоит ли меня посвящать, но все же говорит:

— Через его офшорную фирму мы пару раз обналичивали деньги. Все работало, претензий не было. Да и посоветовали мне его свои люди. У него есть человек, который привозит нал с Кипра, Панамы и Эмиратов, не декларируя его. С заказчика полагается процент. Не знаю, как они это проворачивают, но это их заботы. Неделю назад мы закинули ему на счет большую сумму, гораздо большую, чем первые два раза. Его человек должен был привезти валюту три дня назад, но он исчез. Из гостиницы уехал, а в аэропорт не прибыл. Подумай хорошо, не продавала ли ты в течение последней недели кому-нибудь путевку с Кипра, неважно в какую сторону. По просьбе Разумовского или просто по заказу какого-либо клиента?

С каждым словом сказанное прибавляет меня все сильнее. Для меня эта информация — шок, я не то, что, вспомнить не могу, я не знаю, что вообще об этом всем думать. Этот мужчина хочет сказать, что турфирмы — прикрытие? Нал перевозили, используя какие-то схемы с путевками? Но я бы об этом узнала, хотя...

— Последние десять дней я отдыхала с подругой в Испании, меня не было в городе.

— А что у тебя глаза такие удивленные? Ты не знала про бизнес родного дядюшки?

— Нет. Всегда знала, что он владелец туристических агентств, — стараюсь звучать так, чтобы он понимал, что мое отношение к дяде Севе, в связи с этой информацией, не изменилось. Еще большой вопрос, говорит ли этот Макс правду.

— Вроде, не маленькая, а такая наивная, — улыбается он — ты что, не знаешь доходы

своей организации? Ты же не миллионами там ворочаешь. А живете, — не бедствуете. Никогда не задумывалась, откуда деньги?

— Я не считаю чужие деньги, и в чужие дела не лезу, — бесит этот его снисходительный тон.

— А вот это здорово. И раз расставили все точки над «и», закроем эту тему. Ты ничего не знаешь и забываешь о нашем разговоре.

Он поднимается и собирается уйти.

— Зачем ты забрал мой телефон? — говорю уже в спину.

Он тормозит, поворачивается и смотрит на меня в упор, опускает глаза на босые ноги и снова вверх — грудь, глаза, губы, я сглатываю, так бесцеремонно меня еще не рассматривали.

— Как тебя зовут?

— Елизавета, — не понимаю, при чем здесь мое имя. Он вообще услышал вопрос?

— А попроще как?

— Лиза... подруга называет меня Элис.

Его губы растягиваются в улыбке.

— С претензией на аристократизм?

— Куда нам... — не удерживаюсь от сарказма.

— В холодильнике есть еда, не забывай есть, а то заработаешь истощение, дядюшка не узнает, когда вернешься, — бросает он, выходя.

А я злюсь, хочется догнать и придушить. Я еще не все спросила, я не узнала кто он, какую сумму должен дядя, миллион вопросов остались без ответов. И мне нужен мой телефон!

Макс

— Как прошла встреча с Разумовским?

— Ничего нового, что бы мы не знали, — Башир, расположившийся в кресле через стол в моем рабочем кабинете, одной рукой стряхивает пепел с сигареты в пепельницу, второй нервно стучит пальцами по столу.

— Что, вообще ничего? — спрашиваю разочарованно.

— Кроме той информации, которую он рассказал в первый раз, ничего стоящего.

— А сам что-нибудь нарыл?

— Юрий Плотников ни в один отель Лимасола не заезжал.

— Но его там видели.

— Видели...

— Значит, у него есть другой паспорт, с другим именем. Думаю, даже не один... Ищи, Башир! Иначе, будем ждать деньги до второго пришествия. Даже если я пушу эту старую лису по миру и заберу у него всю сумму, на это нужно время. Но это вопрос вторичный. Я не могу допустить, чтобы пошел слух, что меня можно кинуть. Чем быстрее его найдем, тем больше шансов, что информация не просочится.

— Через три часа у меня самолет, — Джамбаев смотрит на часы, тушит сигарету и поднимается — там на месте уже разберусь.

— Хорошо, держи меня в курсе.

— К продавцу съездишь с Асланом?

— Угу, на пятнадцать договорились.

— Постарайся быстрее найти сумму. Люди Джамала так и кружат вокруг продавца, боюсь перехватят.

— Уже обналичил часть, постараюсь на этой неделе решить вопрос. Но продавец, вроде, мужик с понятиями, да и задаток немаленький взял, не должен соскочить.

— У Джамала дело принципа, ты же понимаешь.

— У тебя, как я понимаю, тоже.

— Да я понятия не имел, что он претендует на это здание, пока мне Аслан не сказал, что к нему люди Джамала подъезжали.

— Надо же, столько лет прошло и опять столкнуться.

— Это точно, но мы были первые, тут нечем крыть. Тем более, он тоже хочет клуб открыть. Опять наркоту начнет толкать, нельзя допустить эту гниду снова к корыту, — нервничает Башир.

— Он и без клуба найдет, где толкнуть, даже не сомневайся. Или откроет в другом месте.

— Это уже будет не наша история, а тут я не могу уступить. И хоть его ребята, говорил Аслан, разговаривали довольно дерзко, он понимает, что мы уже не те молодые и необстрелянные, что раньше.

— Ладно, вырулим, понимаю тебя. Аслана тем более... Найдешь беглеца, не забудь выяснить причастность Разумовского, чтобы понимать, как их брать в оборот — вместе или по отдельности.

— Да, кстати, старик сильно скулил, чтобы отпустили племянницу. Мол она

совершенно не в курсе, и вообще не при делах. Он реально боится за нее, по ходу, думает, что ее на цепь посадили, на хлеб и воду — улыбается он.

— Страх — это хорошо, значит, мы на правильном пути.

Выхожу за другом в коридор, он идет к лифту, а я направляюсь в кабинет Гриши.

Гриша Ловцов мой институтский друг, мы вместе учились на факультете IT-технологий, вместе тусовались, влипали в истории, ходили по телкам. На пятом курсе на двоих замутили совместный бизнес и сейчас не представляю наше дело врозь. Я больше подкован экономически, а Ловцов у нас компьютерный гений. Хотя и успеваемость у нас с ним была так себе, то, что нам нужно, мы от учебы взяли.

Вхожу без стука. Он сидит за компьютером в наушниках и внимательно изучает экран.

— Есть новости?

— Нету, — спускает наушники на шею — жучки в доме Разумовского молчат — банальные распоряжения горничной, стандартные разговоры по телефону, бытовые звуки, больше ничего. В рабочем кабинете Башир сегодня поставил при встрече жучок, все пишу, но пока ничего существенного. На телефон прослушку установил, звонки только по работе. Подруга этой племянницы звонила, нервничала, что та в отключке. Он ответил, что отправил ее в командировку по семейным делам, она сейчас не может отвечать на звонки. Думаю, есть еще какой-то телефон, специально для этих его дел. Пока не знаю, как к нему подобраться. Полный пи*дец, короче. Что-то мутит, старик. Он должен сейчас землю носом рыть, а я не наблюдаю действий.

— Либо ты прав, и все происходит по другому телефону. Но он же не самоубийца — играть с нами в такие игры, понимает ведь риски. Почему? Ни х*ра не складывается у меня.

— Он понимает, что он ниточка к Плотникову. Пока мы его не тронем. А вот телку ты правильно прихватил, похоже это больная мозоль.

— Что по ней, кстати?

Ловцов открывает файл на рабочем столе, читает:

— Снежина Елизавета Павловна, двадцать шесть лет. Родилась в Саратове, в детстве потеряла родителей, воспитывалась бабушкой, матерью Разумовского. Закончила среднюю школу, далее факультет иностранных языков в местном университете. Четыре года назад переехала в Москву, открыла на пару с подругой, бюро переводов, около года назад стала руководить турфирмами старика. Три года назад вышла замуж, но через год с лишним развелась.

— Кто такой?

— Сергей Белов, юрист строительной компании, сейчас женат на другой, годовалый ребенок, работу не поменял. Со Снежиной не общаются. На сегодняшний день Снежина в отношениях не состоит, дядюшка потихоньку вводит ее в общество. Таскает за собой, куда возможно, ищет ей выгодную партию, по словам одного знающего человека.

При этих словах в животе что-то муторно поднимается, делает сальто и снова встает на место. Что это?

— Будет что-то новое, сразу сообщу.

Ловцов кивает, а я с неприятными ощущениями покидаю кабинет. Давно не было трудностей, в последние пару лет все шло вообще ровно — вложения приносят прибыль, среди своего круга уважают, даже побаиваются с оглядкой на прошлые подвиги молодости, клубы, элитные телки, отдых в любой точке мира — живи, кайфуй. И вот гром среди ясного неба. Меня кинули, меня! Пусть Разумовский утверждает, что его человек не владеет

информацией, кому переправляет деньги, но суть от этого не меняется.

В половине двенадцатого звонит Аслан, уточняет буду ли я на встрече с продавцом. Договариваемся, где встретимся, спускаюсь на паркинг и выезжаю.

Пока спешу в бесконечном потоке машин в три полосы, мысли, одна за другой, возвращают меня в самое начало. На каком этапе я дал маху? Почему поверил, не приставил своего человека к перевозчику Разумовского?

Разумовского мне посоветовал Аслан, двоюродный брат Башира. Мы частенько зависали в одной компании, да и у Джамбаева с ним общие дела, причин не доверять не было. Пару раз сработались без сбоев. А около месяца назад Башир предложил открыть ночной клуб. Мои семьдесят процентов вложений, дальше работают Джамбаевы, я получаю прибыль пятьдесят на пятьдесят и прикрываю по своим каналам, если проблемы. Идея мне понравилась, Башир нашел здание в центре города, не здание, а просто удача. Но продавец в последний момент пожелал приличную часть денег в валюте наличными. Пришлось в срочном порядке обналичивать через офшорную компанию Разумовского, и тут случился нежданчик.

Теперь Башир улетел на Кипр искать след беглеца, а мне отдуваться перед продавцом и переносить сделку. Встреча не сулит приятных эмоций, и, если бы, мать твою, знать, на когда теперь назначить дату — крыша плавится от неизвестности. Одалживать не в моих правилах, привык рассчитывать на свои, а здание упустить нельзя.

Теперь это дело чести еще и потому, что через пару дней после подписания договора задатка к Аслану Джамбаеву подкатили люди Джамала с желанием перекупить и задаток, и здание.

Джамал — давняя неприятная история. Восемь лет назад он крепко стоял на ногах в столице, под ним была немалая доля ресторанного бизнеса, платные стоянки и ночной клуб. Он располагался именно в этом здании, которое мы собираемся купить. Клуб был для Джамала прикрытием, там он организовал торговлю кокаином. Обычно, люди, которые торгуют наркотой, сами категорически не употребляют эту дрянь. Но пасынок Джамала оказался за чертой этих понятий. Крепко присел на кокс, и присадил всю свою компанию. Однажды они устроили гонки на мотоциклах прямо по ночному городу и этот мудака, будучи под дозой, врезался в скорую помощь, в которой с гипертоническим приступом, везли в больницу мать Аслана. Водитель умер сразу, а женщина получила множественные переломы и на всю оставшуюся получила проблемы с опорно-двигательным аппаратом. И только виновник аварии отделался сломанной рукой и ссадинами.

Может, претензий к Джамалу и не случилось бы, только он начал вытаскивать этого подонка из дерьма, затягивать следствие, создавать попутно проблемы Джамбаевым, чтобы согласились закрыть дело. Я не остался в стороне, меня тоже зацепило, у меня отобрали недострой, который я строил на продажу под офисы. Просто нашли официальные причины через государственные органы и снесли через суд мою декларацию на строительство.

Жаркие были времена. Мы были самоуверенные и бесстрашные, но в определенный момент поняли, что не сдюжим, сильно прижал Джамал, по всем каналам. К отцу у обращаться не стал, не хотел впутывать в криминал. Башир тогда нашел выход на конкурента Джамала, тот тоже был замазан в криминале по уши, но мы заключили с ним сделку, вариантов не было. Он решил навалившиеся отовсюду проблемы, а Джамбаевы смогли, под его прикрытием, посадить Джамала и его пасынка. Клуб перешел к другим людям, а потом и вовсе закрылся, и здание сдавалось в аренду под другие цели.

Срок Джамала подходит к концу, видимо, мужик решил возродить свою вотчину снова. Поэтому его люди и засуетились. Но Джамбаевы около полугода вели переговоры по покупке этой недвижимости, надеюсь, у продавца не возникнет соблазна сорвать сделку. Мысленно готовлюсь к разговору, мне сейчас крайне необходимо решить вопрос с отсрочкой так, чтобы он ничего не заподозрил и не включил заднюю.

Останавливаюсь перед зеброй, пропускаю пешеходов. В поле зрения попадает симпатичная блондинка, повернувшись в мою сторону, смотрит прямо через лобовое стекло, глаз не отводит, провожаю ее взглядом и ржу, когда она спотыкается о бордюр. Чуть не убила, бедняга.

Нажимаю на газ, продолжаю путь и перед глазами всплывает образ другой блондинки. Той, что сейчас в моем доме под домашним арестом. Елизавета Снежина — смакую сочетание звуков, вспоминаю необычайные зеленые глаза в обрамлении пушистых черных ресниц, босые ноги с красного цвета ногтями, выразительные губы и безумно приятный голос. Никогда не слышал голоса приятнее — нежный, женственный, завораживающий. Так и хочется, чтобы что-то промурлыкала на ушко...

Резко торможу на красный, чуть не врезаюсь в едущую впереди, машину. Бл*дь! Что за мысли посещают? Похоже, пора расслабиться в женском обществе. Неделю уже дел невпроворот, ни с кем не был, нужно исправить сегодня же этот недочет.

Уладив вопросы с продавцом, расходимся с Асланом по своим машинам. Он уезжает, а я задерживаюсь сделать звонок. Не успеваю положить трубку, в водительское стекло стучит незнакомый бритоголовый коренастый браток со шрамом через всю физиономию. Открываю стекло. За ним трутся еще двое, помоложе.

— Ты Макс Градов?

Киваю.

— Есть разговор.

Выхожу из машины, давненько не бывал в таких ситуациях, сходу понимаю откуда ветер дует.

— Меня зовут Яша, помнишь меня?

— Нет, а должен?

— Мы однажды пересекались много лет назад, а вот с твоими другом Черкесом и его братом, знакомы не понаслышке.

— Я понял. Что нужно?

— Макс, у нас с тобой все ровно, претензий нет, отойди в сторону. Джамал через месяц освобождается, он хочет забрать клуб под себя. Мы понимаем, кто финансирует идею Черкеса, если ты не дашь деньги, он не потянет этот вопрос один или с братом.

— Такие вещи обговариваются на старте, а не в процессе. Передай Джамалу, что времена поменялись, он очень удивится насколько. Так дела теперь не делаются. Я уже вложил, а свое я не отдаю.

— Это окончательное решение?

— Да.

Сажусь в машину, уезжаю, прокручиваю еще раз разговор и понимаю, что Разумовский не единственная неожиданно всплывшая проблема. Ладно, сейчас главное достать наличку к сделке, найти Плотникова, желательно с бабками, а с остальным разберемся. Джамал уже сбитый летчик, за время, пока он сидел, его бизнес и место под солнцем прибрали к рукам. С ним осталась горстка самых верных. А этого со шрамом я вспомнил, он сильно постарел,

поэтому не признал сразу. Он приезжал к Баширу домой, мы там с девчонками зависали как раз, устроил со своими братками погром, была драка. Хреново выглядит, наверное, им всем жилось несладко, пока их барон сидел. Джамалу там тоже было нелегко, мы сделали все возможное, чтобы он на зоне не поднялся наверх в местной иерархии и не чувствовал себя вольготно.

Лиза

В холодильнике нахожу продукты, делаю себе омлет с беконом и гренки. Варю кофе и устраиваюсь за барной стойкой. Вид из окна впечатляет, но чувствую я себя так паршиво, как давно уже не чувствовала. С детства боюсь закрытых пространств, даже в лифте мне некомфортно. И это не классическая клаустрофобия, это страх ограничения передвижения — любого, хоть в пределах маленькой кабины лифта в случае застревания, хоть в большом закрытом помещении без возможности выйти в любой момент. Пусть здесь огромная территория, шикарные условия, не представляю, как я проведу здесь неделю. А неделю ли? Найдет ли дядя эти деньги? И, если нет, что будет делать, чтобы закрыть вопрос? То, что нам придется его закрыть, не вызывает сомнений. Этот Макс ждать не будет. Его, похоже, не трогают чужие проблемы.

В невеселых раздумьях, выхожу в сад. Легкий ветерок обдает теплом, свежая зеленая листва и проросший салатным ковром газон, напоминает, что лето полностью вступило в свои права. А я не понимаю, где и у кого нахожусь, и что вообще будет дальше. Прохожу в беседку, усаживаюсь на широкое перило и наблюдаю за ласточками, низко кружащими над землей и что-то выискивающими среди зеленых травинок.

Почему-то, это состояние переносит меня в воспоминания о моем неудавшемся браке. Последние полгода я чувствовала себя вот так же — будто меня закрыли, и выхода из депрессивного состояния нет.

Сергей был с виду мечта любой девушки. Высокий, смазливый, перспективный. Только спустя время я поняла, что после своей работы, он любил сначала себя, потом маму, сестру, а меня определил где-то в конце этого списка. Просто выгодная партия. Оказалось, перед знакомством он навел справки и узнал, что я единственная наследница Всеволода Разумовского. Смешно, но я никогда не рассчитывала на это наследство, дядя не олигарх, не знаменит, просто не бедный человек, каких в столице пруд пруди.

Он постоянно пропадал на работе, пять дней в неделю приходил поздно, порой в девять-десять вечера, заваливался спать, потому что очень устал. В выходные поездка к его маме в подмосковье, где я вот так же бродила по саду, не вынося их интеллектуальных разговоров на веранде за чаем. Я, конечно, не глупа, много читала, часть зарубежных авторов — в оригинале, особенно в студенческие годы, могу обсудить и классиков, и современную литературу, могу поддержать разговор на большинство тем. Но, в моем понимании семейные посиделки — это когда искренне и весело, это общие воспоминания или планы, это когда все любимы, все свои. А у Беловых — это собраться и поумничать. Я совершенно не вписывалась в их идиллию выходного дня. Со временем стала отказываться от поездок и оставалась дома. Снова одна. Альбина долго терпела такой расклад, не вмешивалась, приходила редко, не напрягала частыми звонками, общались в основном на работе. Но однажды «Остапа понесло».

Это было в день годовщины нашей свадьбы. Я решила устроить сюрприз, утром ничего мужу не сказала, просто пригласила гостей, накрыла стол. Пришли его родственники, дядя Сева, пара наших друзей с женами и Дорофеева. Мы прождали его больше часа, потом я начала звонить, но абонент был недоступен. А когда оказался в сети, выяснилось, что он просто забыл и пошел посидеть в ресторан с новым коллегой по работе.

Подруга не выдержала, рассказала при всех, что о нем думает и потащила меня в клуб. Я первый раз в жизни напилась и разрыдалась прямо за столом:

— Я так больше не могу, мне душно в этих отношениях. Понимаешь, с каждым днем мы должны притираться, лучше узнавать друг друга, а мы, наоборот отдаляемся. Я для него вывеска, атрибут респектабельности.

— Нафига он тебе? Ты ему — понятно, а он тебе зачем? — Дорофеева отпивает глоток очередной порции вина.

— У меня нет ответа, Альбин, живу по инерции. Стыдно самой, что сразу не рассмотрела человека, все чаще думаю подать на развод.

— Еще думаешь? После сегодняшнего пора приступать к действиям. На хрена тебе его закидоны, мамаша эта чопорная до тошноты, сестричка — цены себе не сложит? Интеллигенция, блин, а сын дерьмо редкое.

Обида накрыла с головой. Не только за испорченный праздник, за все, что было с ним. За его требования быть идеальной женой и хозяйкой, которым я даже пыталась вначале соответствовать, за его постоянное отсутствие, его отношение, как следующей в очереди после всего, что для него свято. В конце концов, за отсутствие нормального секса. Все наши нечастые моменты близости заканчивались в течение десяти-пятнадцати минут, когда Белов достигал своей цели. За все время брака я ни разу с ним не испытала оргазма. Об этом даже подруге стыдно сказать.

Сейчас мне двадцать шесть, а я не знаю, что такое оргазм.

В этот вечер я все для себя решила. Потом были несколько месяцев выяснения отношений, просьбы дать ему шанс, раскаяние, разговоры о том, что он все понял и нужно проводить вместе больше времени и тому подобное. Но у меня уже что-то сломалось и рассыпалось. Последний месяц до развода мы жили в разных комнатах и даже не разговаривали. А сейчас, я уверена, если бы встретились, Сергей бы сделал вид, что меня не знает. Хотя, для меня это лучше, чем делать вид, что мне интересно, как у него дела.

И вот снова это душное чувство. Только теперь я не выбирала мужчину, этот меня просто украл и заставил сидеть в четырех стенах за высоким забором.

Прогулявшись по двору, около бассейна и в саду, понимаю, что нужно менять картинку, иначе сойду с ума.

Захожу в дом с заднего входа и обнаруживаю двух горничных. Молодые девушки тщательно натирают мебель в гостиной. У босса реально помешательство на чистоте, здесь и так все блестело.

— Добрый день, — останавливаюсь в нескольких метрах.

— Здравствуйте, — почти одновременно отвечают они, отворачиваются и делают вид, что очень заняты своими делами.

Именно делают вид, потому что обе с интересом зыркают на меня невзначай.

— Девушки, у меня телефон разрядился, дайте, пожалуйста позвонить, — озвучиваю странную по всем меркам просьбу, но другого шанса может и не быть. Нужно позвонить дяде, сказать, что у меня все нормально. Пусть спокойно занимается главным вопросом.

— Они испуганно поднимают глаза, одна удаляется к двери, ведущей в комнату напротив лестницы, другая берется красными пятнами и произносит несмело:

— Нам запрещено с вами общаться, извините.

Приехали. Досада комом сворачивается в горле, я даже теряюсь на секунды.

— Кем запрещено?

— Охранник передал, когда заступили. Приказ хозяина.

Девушка озирается по сторонам и снова берется за работу.

В полном расстройстве поднимаюсь наверх, падаю на кровать и борюсь с подступившими слезами. Как же я сейчас ненавижу, этого Макса. Кто же ты такой и где взялся на мою голову?

Вечером, после ужина, закутываюсь в плед и с чашкой какао устраиваюсь на террасе. Делать совершенно нечего, половину дня провела с телевизором, для меня — целое достижение, я вообще не смотрю телевизор. Хозяин домой не являлся, горничные, после уборки, ушли часа через два и больше в этом доме, равно как и во дворе, не появилось ни души. Охранник находится в небольшом помещении у ворот. Так и вижу, как он сидит напротив множества экранов и наблюдает за мной весь день, камеры на территории повсюду.

Через какое-то время меня охватывает невыразимая тоска. Я хочу домой, в свою кровать, хочу встретиться с Альбиной, поболтать, посмеяться, а вместо этого сижу и пялюсь в темноту чужого сада. Чувствую, что за мыслями, не поняла, как успела замерзнуть.

Возвращаюсь в дом, проходя к лестнице на второй этаж, натыкаюсь взглядом на дверь, туда сегодня заходила горничная. Любопытство берет верх, заглядываю туда — хозяйская спальня. Минимум мебели, черно-белые тона, на отделанной белым камнем стене встроен большой электрический камин. Проем за этой стеной, скорее всего, гардеробная, а дверь напротив — ванная. Закрываю дверь, не дай Бог явится домой и застанет меня за этим занятием. Прохожу дальше, открываю и следующую дверь. Комната оказывается просторным кабинетом в стиле интерьера первого этажа — рабочая зона, зона с диваном и креслами, между которыми размещен низкий столик из черного металла и стена, вдоль которой стоит большой шкаф со множеством документов и книг. Подхожу ближе, рассматриваю, отличная подборка литературы. Интересно, этот мачо читает или это предметы декора? В единственном шкафчике со стеклом по центру гарнитура, замечаю много всякой всячины, открываю. Из одной рамки с фото на меня смотрит Макс. Он стоит рядом с пожилым человеком и мужчиной лет сорока, похожими между собой. Скорее всего, отец и старший брат, заключаю для себя. На втором фото, в такой же дорожке рамке, брат с красивой женщиной и девочкой лет восьми. На верхней полке несколько статуэток, выполненных в виде дерущихся бойцов. «Победитель соревнований по дзюдо» далее название турнира, состоящее из аббревиатуры, ни о чем мне не говорящей. «Градову Максиму», читаю гравировку. Судя по году события на ней, это юношеские награды.

Значит, Градов. Рассматриваю ониксовые бокалы, коллекционные фигурки машин, позолоченные шахматы и прочую утварь благосостояния. Внизу чуть ближе к задней стенке замечаю пару журналов. На обложке верхнего красуется лицо того самого мужчины-брата. Пульс ускоряется, достаю его и судорожно начинаю листать, как человек, напавший на след. Журнал «Бизнес» пятилетней давности пестрит статьями и графиками об экономике, рынке, инвестициях и другой лабуде, в которой я совершенно не разбираюсь. Но ближе к середине я нахожу ту самую фотографию и статью о прорыве года в банковской сфере, о владельце банка Артуре Градове, его интервью: аналитика, прогнозы и прочее. Но больше всего меня шокирует: «сын депутата Государственной думы». Мне даже становится нехорошо. Куда влип мой дядя? Да они же его в порошок сотрут, и им за это ничего не будет. А если правда, поставят на счетчик? Нахлынувшая вмиг тревога сковывает, даже дышать становится трудно. Кладу находку на свое место, пробегаюсь взглядом по рабочему столу. На нем макбук, но я

даже не допускаю мысли включить его. Выхожу из комнаты и почти бегом направляюсь в свою комнату.

Макс

С постели меня поднимает жуткий сушняк. Проклиная свою недалёковидность, что не прихватил с собой в комнату бутылку воды, направляюсь на кухню. Часы показывают начало девятого, не так много и проспал. Да уж, дали мы вчера с Ловцовым в клубе, разошлись почти светало. Решил отбросить весь негатив последних дней и расслабиться, что в общем получилось, только вот пить хочется дико, а хотелось еще поспать.

Достаю из холодильника воду, пью — кайф. Что нужно для счастья после приличной дозы виски, выпитой за ночь?

Мое внимание привлекает какое-то движение у бассейна. Поворачиваю голову — Снежина, я даже забыл о ней на время. Укутанная в большое полотенце, она подходит к краю бассейна и пробует воду ногами. Судя по всему, температура ее устраивает, он с подогревом и неделю назад я распорядился его включить. Но с нагрянувшими сложностями было не до плавания. Подхожу к стеклу и замираю. Девушка снимает полотенце, бросает его на шезлонг и в одном, мать твою, черном белье спускается по лестнице в воду. Она делает несколько заплывов от одного края бассейна к другому и выходит. Завороженно наблюдаю эту картину: стройные красивые ноги, грудь — полная двоечка, тонкие плечи и безусловно ровный загар.

Она оборачивается в полотенце и идет в сторону кухонной террасы. На ходу снимает с волос заколку, и те белокурыми локонами рассыпаются по мокрым плечам. Чувствую, что у меня в штанах случились проблемы. И что мне, на хрен, с этим делать? Очнувшись, отхожу от окна, беру стакан, наполняю водой и сажусь за стол. Так хоть не видно.

Она заходит и, обнаружив меня, на секунду приходит в замешательство, но лишь на секунду. Видимо, мой ленивый, блуждающий по ней взгляд, немедленно приводит ее в тонус.

— Довольно откровенно, — улыбаюсь, я.

Она молча проходит мимо меня, смерив при этом, пренебрежительным взглядом, подходит к электрочайнику и включает кнопку нагрева. Ну да, холодно, наверное, утром мокрой и раздетой по саду разгуливать, хочется согреться. Тем более, что сегодня довольно прохладная погода.

— Тебя не смущает, что за твоим купанием в белье наблюдает охранник?

— Он никогда не видел женского белья? — парирует девушка.

— Да можешь даже гольшом, он и не такое видел, — меня забавляет эта пикировка. Похоже, эта барышня за словом в карман не полезет.

— Если бы у меня была одежда, я бы плавала в купальнике. И не нужно меня ставить в один ряд с теми, кто здесь гольшом куролесит, — зеленые глаза вспыхивают молнией. Она, не отрываясь, дерзко смотрит мне в глаза.

— Недо же, — не могу сдержать улыбку — прямо Королева Снежная! Откуда такое самомнение?

— А что, только у депутатских сыночков может самооценка зашкаливать? Простым смертным не полагается?

Что, бл*дь? Что она сказала? У меня даже пульс учащается.

— Не выходи из берегов, Снежина! — гремлю я — А то я твоё заточение усугублю не

только отсутствием одежды!

Встаю, приближаюсь вплотную, берусь за столешницу по обе стороны от нее. Она нервно вдыхает, испуганные глаза распахиваются, губы подрагивают. Нависаю так близко, что слышу грейпфрутовый запах геля для душа вперемешку с ее собственным. Не удерживаюсь, опускаю взгляд на узел полотенца на груди и, сглатывая, смотрю на каплю воды, медленно стекающую в ложбинку. Когда ткань полотенца вбирает ее, меня штормит. Сейчас бы повернуть эту стерву на сто восемьдесят и отыметь прямо здесь. Но, кажется, я хотел заставить ее думать, когда говорит...

— Пей чай, — не узнаю свой хриплый голос — простынешь, врача вызвать не смогу.

Вырываюсь из ее магического биополя и ухожу в свою комнату.

Серьезно, бл*дь? Пей чай? У меня словарный запас иссяк? Я же хотел поставить ее на место. Откуда у нее информация об отце, может, не так она безобидна, какой притворяется? Или я еще не раздуплился после бесшабашной ночи и недосыпа?

Сна, конечно же, больше ни в одном глазу. Привожу в порядок свой разбитый ночными похождениями, организм: зарядка, душ, открываю дверь на террасу, выходящую из моей спальни, но возвращаюсь на звук входящего звонка.

— Привет.

— Привет, Башир. Что у тебя?

— Пока немного. Плотников въехал в страну по российскому паспорту, а в отель заселился по турецкому. У него есть турецкое гражданство, причем по этому паспорту он Юрий Богданец. Пришлось немало отвалить, чтобы администратор дал по нему информацию. В отеле пробыл сутки, никто не видел, на чем он уехал. Такси не вызывал, машину в прокат не брал. В банк, сам понимаешь, соваться без толку, там ничего не скажут.

— Хорошо, если что еще нароешь, любую мелочь, сразу звони.

Открываю айпад, просматриваю последние новости, ситуацию на бирже, курсы валют. Эта ежедневная привычка, настолько вошла в мою жизнь, что я владею информацией в любое время суток. Хоть ночью разбуди, точно скажу, что купить, куда вложить, а от чего избавиться.

Когда я начинал, в меня никто не верил. Только брат поддерживал. Он у нас надежда и гордость отца, хорошо учился, с красным дипломом окончил экономический. Женат, имеет дочку, в общем ни одного отклонения от заданной родителями планки.

Я же всегда был оболтусом. Учиться не хотел, с дисциплиной тоже вечные проблемы. В детстве все преподаватели говорили, что я очень быстро схватываю и мои способности выше, чем у Артура, но все жаловались на мое нежелание и несерьезное отношение к наукам. До определенного времени я учился из-под палки, а в подростковом возрасте сошел с этой дистанции напрочь. Родителям как раз было не до нас, отец загулял, мать в отместку тоже ушла к другому. И пока они разводились и делили имущество, мы с Артуром были предоставлены сами себе.

Брат, как ответственный человек, продолжил учиться на тот момент уже в вузе, а меня поглотила улица. Я стал ходить на секцию дзюдо, у меня получалось, там я был признан больше, чем дома. Это было единственное место, где передо мной не лебезили, зная кто мой отец. Там были разные ребята, но в основном из простых, не богатых семей. Мой подростковый период и молодость прошли в буднях обычного дворового пацана, в драках, разборках, иногда пьянках. Я даже подрабатывал грузчиком несколько месяцев, пока не узнала мать и не устроила отцу скандал, что он не знает, где и с кем шляется его сын. Тоже

мне, мать Тереза. Мы тогда виделись редко, она уехала со своим мужиком жить в Питер, а все новости своего бывшего круга узнавала через подруг по телефону. Отец же никого в дом так и не привел, хотя любовниц, после развода менял, как перчатки.

Когда я поступил в институт, отец был в приятном шоке, хоть не преминул возмутиться выбором профессии. Для него айтишник — потерянный человек, сидящий в своей норе перед экраном.

На третьем году учебы мы с Гришей стали думать, как будем зарабатывать на жизнь. В тот период только начала появляться криптовалюта. Мы, изучив досконально этот вопрос, решили рискнуть. Я продал свою машину, подаренную отцом, и мы вложились на всю сумму. Отец орал, до пены у рта, мать приехала и два дня к ряду учила жизни. И только Артур сказал, что за криптой будущее, все будет, но не сразу.

А через пару лет деньги обрушились резко и много. Со временем стали инвестировать, торговать на бирже, я вкладывал в недвижимость. Наша компания расширилась до десятка человек. Дело не просто пошло вверх, а можно сказать взлетело и понеслось немислимыми темпами. Просто поймали волну, рискнули и выиграла.

Поэтому, когда в меня тыкают моим отцом и его поддержкой, меня нереально бесит. Он, конечно, решит любой вопрос, с которым я обращусь, но я стараюсь не обращаться. Наверное, во мне еще живет та самая улица, которая научила, что нужно иметь яйца и решать свои вопросы самому, а не бежать по легкому пути к папочке.

И если еще раз эта заноза хоть слово об этом скажет, не знаю, что я с ней сделаю... Больше всего мне хочется с ней сделать то, что категорически нельзя. Не хватало еще, чтобы где-то просочилось, что я взял в заложницы женщину и склонил к сексу. А вывернуть это можно, как угодно, здесь не только моя репутация пострадает, отец меня разорвет за подмоченную его.

Сегодня выходной, но отдыхать не получается, все мысли прикованы к этой гребаной ситуации, к Разумовскому, к Плотникову, который еще и Богданец. Какого хрена я с ними связался? Закрываюсь в кабинете поработать, у меня еще спортзал во второй половине дня, но через час приезжает Артур.

Выхожу его встретить на крыльцо, если честно, давно не виделись.

— Привет, ты один? — жмем руки.

— Девчонки поехали в кино, там какой-то новый мультфильм в прокат вышел, Ева Оксане плешь уже проела.

— Нужно к вам как-нибудь заехать, а то все некогда.

— Да уж соберись как-нибудь, а то мы забыли, как ты и выглядишь. Кстати, хреново выглядишь, заработался?

— Проблем, как кто насыпал.

— Что за проблемы?

— Проходи, расскажу.

Мы направляемся в кабинет и в это время по ступенькам спускается моя пленница. Она останавливается и смотрит на брата, по глазам вижу, что она понимает кто это. Похоже, девочка завралась, нужно будет еще раз поговорить, с пристрастием. Брат поднимает голову вверх:

— Добрый день.

— Здравствуйте, — замешкавшись лишь на миг, Лиза продолжает спускаться вниз.

Артур вопросительно смотрит на меня, я показываю, чтобы проходил в кабинет.

Закрываю дверь и сразу отвечаю не его немой вопрос.

— Не моя.

— Хм, заинтриговал, — ухмыляется он.

Лиза

Утренний чай с творогом, который я нашла в холодильнике, уже рассосался в желудке. Решаю пойти вниз и что-нибудь приготовить. Градов, скорее всего, питается где-то в ресторане, а я не могу долго жить на бутербродах. Тем более, его нигде не видно, наверное, уехал.

Спускаясь, слышу голоса. Голос Макса определяю сразу, а когда они проходят мимо лестницы, узнаю и другого мужчину — Артур Градов.

— Добрый день, — поднимает он на меня голову.

— Здравствуйте, — судорожно думаю, как мне сейчас себя вести.

Знает он или нет, на каких правах я здесь, мне возвращаться назад или идти, куда шла. Все же, решаю идти. Макс окидывает меня беглым взглядом и кивком приглашает гостя в кабинет.

Я захожу на кухню, открываю холодильник и прикидываю, что бы я могла приготовить из того, что там имеется. Затем резко закрываю, потому как мой мозг прошивает абсолютно авантюрная мысль, я не до конца верю, что смогу это сделать, но уже направляюсь к кабинету. Хочу услышать, о чем они говорят.

Подхожу под самую дверь, превращаюсь в слух. Звуки глухие из-за массивного и широкого дверного полотна, но слова разобрать можно.

— Ты что спятил? А если он заявит в ментовку? — слышу возмущенный голос старшего Градова.

— Не заявит, придется многое объяснить, ему не выгодно, чтобы его дела вылезли наружу.

— Но что тебе это дает? Как может помочь эта девчонка?

— Она — моя гарантия, что он никуда не сбежит, а будет искать либо Плотникова, либо деньги. А в идеале и то, и другое.

— Сколько там?

— Почти миллион долларов.

— Не такая уж и сумма для тебя, подсуетись, нашел бы и наличными. У меня, в конце концов бы спросил, часть могу перекрыть, потом отдашь. Купите уже это здание, а потом разгребешь.

— Не такая, но я не прощаю кидалово. И свое верну обязательно. Башир прилетит, проведем сделку, а с этой старой лисы не слезу. Он у меня без трусов останется, но вернет все до копейки! А уж если найду Плотникова...

— Макс, давай по закону, не дури.

— По какому, на хрен, закону? — заводится Градов — мне заяву написать с чистосердечным, что он мне вез такие бабки налом?

— Пока найдешь, нароете на него что-то. Такие люди чистыми не бывают. А вообще, пора бы уже свой офшор иметь и таких людей тоже. Не думал над этим?

— Думал... Только в нашей стране и туда доберутся, кому нужно собрать информацию. А ты же знаешь чистоплюйство отца, начнутся слухи, будет миллион претензий. У него же идеальная репутация, честный бизнес, и сын известный банкир. Я и так не вписываюсь в эту идеальную картину.

— Прекрати, ты же знаешь, что он хочет, как лучше. И в любом случае подстрахует и связями, и деньгами, и всем, чем сможет. И про честный бизнес мы с тобой знаем, между прочим, у него идеальная схема ухода от налогов и декларации доходов. Умеет работать человек без косяков, учись.

— Да понимаю я все. Просто не хочу слушать нравоучения, как я докатился до такой жизни.

— А кто тебе подогнал Разумовского?

— Аслан. Он с ним работал по мелочи не один год.

— С клубом сильно не высовывайся, не афишируй такое вложение. Отец сейчас со своими выборами носится, узнает, пойдет вразнос.

— Знаю. Тут еще Джамал всплыл. Претендует на свое здание.

— Он освободился?

— Через месяц. Но его люди уже объявились.

— Бл*дь, на хрена ты в это влез, Макс?

— Все было довольно безобидно. Никто не ожидал, что за этим потянется шлейф недоразумений.

— Ладно, держи в курсе. Давай бумаги, которые нужно посмотреть, через час нужно девчонок из кинотеатра забрать.

Отскакиваю, как ошпаренная от двери и быстро, на цыпочках, удаляюсь в кухню. Услышав жесткую позицию Градова, я теперь ни капли не сомневаюсь, что легко из этой истории нам с дядей не выпутаться. Меня еще потряхивает, когда гость уходит, и я слышу звук входной двери. Макс идет наверх, а минут через десять тоже выходит и уезжает.

В полном разладе завариваю кофе, аппетит пропал, ничего не хочу. В звенящей тишине дома накатывает отчаяние. Только не плакать, приказываю себе. Надпив горький напиток, выливаю в мойку и его, плетусь наверх в свою комнату, медленно переступая по мрамору босиком. К горлу подкатывает ком... А почему, собственно, не плакать? Я одна, это больше невозможно носить в себе.

Добравшись до душевой, открываю краны, набираю ванну с пеной, опускаюсь в нее по шею, откидываюсь на мягкий силиконовый подголовник и плачу. Слезы текут рекой и не прекращаются, пока я не теряю счет времени, даже вода успевает остыть.

Из ванной комнаты я выхожу с чувством тупого облегчения и полной апатии. Спускаюсь вниз, чищу картошку, обжариваю с луком и сардельками, нарезаю овощной салат, включаю какой-то дурацкий комедийный сериал, и сажусь обедать, бездумно глядя на экран.

Не слышала, как вошел хозяин дома, замечаю его, прислоненного плечом к дверному косяку. Он внимательно изучает меня с серьезным, даже, я бы сказала, угрюмым выражением лица. На моем, скорее всего, еще видны следы недавних слез. Прекращаю жевать, впиваюсь в ответ в его глаза. Я уже спокойна, выпустила пар, могу и в гляделки поиграть.

— Осталась картошка? — невесело спрашивает он. Этого услышать я точно не ожидала.

— Да.

Он подходит к плите, достает чистую тарелку, сгребает все, что осталось в сковородке, получается приличная порция. Садится напротив, пододвигает поближе салатницу и начинает уплетать все за обе щеки.

— Ничего не ел сегодня, — говорит с набитым ртом.

Я смотрю на эту сцену без комментариев, мне бы встать и уйти, но я так часто в этих

стенах одна, что решаю остаться.

— И вообще, лет пять не ел жаренную картошку, даже забыл, как это чертовски вкусно.

Он доедает под звуки шумной вечеринки в телевизоре, я тоже накалываю последние несколько кусочков, молчим.

Когда его тарелка пустеет, Макс пультом гасит экран. Становится тихо и напряженно, я встаю из-за стола и на автомате убираю обе тарелки в мойку. Он тоже встает, подходит ко мне.

— Тебе знаком мой брат?

— Нет, мы никогда не встречались, — не понимаю почему он решил об этом заговорить.

— В этом я не сомневаюсь. Но ты его узнала, когда он вошел. Информацию о нем можно найти в интернете. Будешь, по-прежнему, утверждать, что не знаешь обо мне ничего?

Он смотрит так пристально, как всегда, на сто процентов уверенный в своей правоте, что я не знаю, как объяснить. А потом отпускаю свое смятение. Я же когда-то пообещала себе больше никогда не притворяться перед мужчинами, кто бы он не был. Быть собой и не пытаться казаться такой, какой удобно кому-то.

— Я видела фотографию на обложке журнала в твоём кабинете.

Он, опешив, расширяет глаза.

— То есть, ты спокойно мне заявляешь, что рылась в кабинете в моих вещах?

— Нигде я не рылась, и даже не дотронулась ни до чего. Прочла статью в журнале и положила на место.

— Охренеть, Снежина! Это мой кабинет, там документы, деньги, ценные вещи...

— Хм, и куда я их здесь унесу? К себе в комнату? — улыбаюсь я.

— Хоть бы для приличия соврала.

— Тебе нравятся лживые женщины?

— Мне нравятся красивые женщины. В постели личные качества интереса не представляют.

— Я не о постели.

— В других местах я с женщинами дел не имею, — он говорит это с таким пренебрежением, что хочется его прибить сковородкой, стоящей позади меня.

— Так и разбирался бы без меня, напрямую с Разумовским. Что же ты женщину в заложники взял?

Его глаза резко превращаются в опасное пламя, а лицо приобретает угрожающий вид.

— Тебя муж, случайно, не из-за дерзкого языка бросил?! — жесткие нотки в голосе уже не напоминают недавний батл колкостей.

— Моя личная жизнь тебя не касается!

— Моя тебя тоже! Еще раз войдешь в мой кабинет, запру в комнате до конца срока.

— Хуже уже не будет. Одна в четырех стенах, без одежды и связи. Без понимания всего, что происходит, без права на простые человеческие потребности и желания! Чем ты меня хочешь напугать, Градов?! — выкрикиваю ему в лицо.

Горечь сквозит в каждом моем слове, очень хотелось сказать с другой интонацией, не дать ему возможность почувствовать себя Богом, но не получилось.

Срываюсь с места и быстрым шагом ухожу к себе, запираюсь на внутренний замок, дрожь и злость удастся унять только через некоторое время. Выхожу на балкон, мне просто необходимо вдохнуть свежего воздуха. С другой стороны дома слышу звук выезжающей из

гаража машины и резкий рев от набора скорости. Градов уехал, можно выдохнуть.

Макс

Когда хочу успокоиться, всегда сажусь за руль. Приходится сосредоточиться на дороге и, поневоле, градус эмоций снижается.

Эта зазноба просто взорвала мне мозг. И так хреново от всего происходящего, еще и по самому больному рубанула. Знаю, что баб впутывать в мужские дела низко, но гораздо униженным я стану себя чувствовать, если Разумовский тоже свалит, а я прослышу болваном, которого так просто кинуть. И кто кинул? Шаромыжник Разумовский, смешно. Он изо всех сил пытается затесаться в круг влиятельного бомонда, но его, все равно, своим никогда там считать не станут, не дотягивает по финансам. Мелкая рыба по столичным меркам.

Я дал ему неделю, но чувствую, что за этот период мы далеко не продвинемся. Он что-то мутит, и хоть мы со всех сторон роем, похоже не там. Свой человек из ФСБ обещал информацию по фигурантам, может, хоть какую-то зацепку даст. Тяжело найти человека в другой стране, здесь бы я уже его из любой норы вытащил.

Сквозь мысли прорывается звук входящего от Ловцова, нажимаю на экране панели громкую связь.

— Алло.

— Привет. Достал инфу из частной клиники годичной давности. У Плотникова проблемы с сердцем, врачи дали ему максимум пару лет. В карточке обозначено, что у него низкий порог чувствительности, поэтому он сносно перенес на ногах уже два инфаркта. Сердце не ресурсоспособное.

— Твою мать! Значит, ему терять нечего, продумал все заранее и свалил, подготовив пути отхода.

— Похоже. Ну или где-то окочурился, как вариант.

— Нет, уже всплыло бы. Только не очень понимаю, нафига ему тогда деньги?

— Может, уже нет здоровья скакать курьером.

— Еще что-нибудь есть?

— Хакнул почту старика, сейчас просматриваю — по нашему делу ничего. Но есть кое-что интересное. За последние полтора месяца он несколько раз интересовался покупкой квартиры, а перед поездкой Плотникова на Кипр, договорился о встрече с продавцом. Квартира большой площадью, в центре в новостройке.

— Охренеть! Цена есть в переписке?

— Конечно, и фотки, сейчас скину. Макс, — в трубке воцаряется короткое молчание, Гришка размышляет — ну он же не идиот. Не может быть все так прямолинейно.

— Не может, — соглашаюсь — но головоломка усложняется... По звонкам что?

— По нашей теме только подружка. Некто Альбина Дорофеева, с ней Снежина отдыхала в Испании. Прилетели они в день нашего визита к Разумовскому.

Названивает каждый день, старик не брал сегодня трубку, так она прислала ему смс, что, если завтра Элис не появится, она пойдет в полицию. Элис — это Снежина? Я правильно понял?

— Угу, — не удерживаюсь, и мои губы растягиваются в улыбке, вспоминаю, как мне было смешно, когда она мне это выдала.

— Что делать с Дорофеевой?

— Пока пауза, попробую решить этот вопрос.

— Хорошо.

— Кроме подружки, кто звонит? О чем разговаривает?

— В основном по работе, всякая лабуда. А, час назад звонила секретарша Боброва, спрашивала будет ли он на открытии отеля. Он сказал, что будет один, Лиза не сможет присутствовать.

— Бобров, который отельер?

— Да. Завтра у него прием в честь открытия нового загородного бутик-отеля. Праздник намечается в ресторане, расположенном на крыше. Только что пересмотрел рекламу, все очень круто.

— Как туда попал Разумовский?

— Пока не знаю, говорил же тебе, ищет выгодную партию для этой дамы. В любую дырку пролезает, как-то затесался.

— Хорошо бы попасть на это мероприятие, возможно, у него там какая-то встреча, под шумок. Ладно, на связи.

— Давай, пока. На сегодня у меня все, еду к Ритке.

— На работу не проспай, — стебу его.

Рита — официальная девушка Гриши, дочка богатого папаши, отчаянная, как и Ловцов. Почему официальная? Потому что, кроме нее, он не отказывается от других, подвернувшихся при случае. Пока ему удастся выкручиваться, но не представляю, что будет, если она узнает.

Сворачиваю на обочину, выключаю зажигание, пытаюсь сложить обрывки в какую-то внятную картинку. Ни хрена не выходит, нужна информация, а для нее нужно время.

И снова возвращаюсь мыслями к оставшейся в моих хоромх девушке. Давно таких не встречал — красивая, дерзкая, острая на язык, голос ангельский, просто вводит в транс, невозможно наслушаться. Но временами хочется прибить. Больше всего бесит, что не чувствует грани, прет напролом, невзирая на то, что боится.

Вроде, должно быть все равно, но, бл*дь, цепляет. Только вспоминаю эти претензии, распирает от желания свернуть шею. Со мной ни одна баба так не разговаривала, любая пыталась угодить.

Представляю, как бы мне могла угодить Снежина и вижу ее в своей постели. Тут же ощущаю дикий стояк, да ну на хрен! Рука тянется к телефону, мне срочно нужна разрядка. Пролистываю список контактов: Алиса, Амелия Автосалон, Аня фитнес... Пусть будет Аня фитнес. Нажимаю вызов, после нескольких гудков, слышу в трубке писклявый радостный голос:

— Алло!

— Привет, работаешь?

— Уже заканчиваю.

Эта готова ехать куда угодно и ублажать, как угодно.

— Заеду?

— Давай. Поедем к тебе?

— Нет, к тебе.

— Ко мне младшая сестра приехала. Она, правда сейчас не дома, но скоро может вернуться.

— Пофигу. Успеем, буду через десять минут, выходи.

Завожу машину, ныряю в поворот и дворами добираюсь до спа-центра. Глушу машину и

жду. Она выходит, улыбается на все тридцать два — красивая, темные длинные волосы, собраны в высокий хвост, спортивная фигура, накачанные ноги. Вспоминаю писклявый голос и... все-таки, проигрывает Снежиной. На кой мне, блин, сдалась эта Снежина? Зачем я их сравниваю?

Девчонка прыгает в машину, бросает на заднее сидение свою спортивную сумку и закинув ногу на ногу, игриво взирает на меня.

— Может, сначала где-нибудь поужинаем?

— Мало времени, — называю первую, пришедшую на ум причину — у меня встреча.

— Ладно, поехали.

На ужин решил заехать к брату. Выбежавшая навстречу и повисшая на шее племянница, лишней раз напоминает, как комфортно мне всегда у них в гостях.

— Привет, какие люди! — Оксана, жена Артура, улыбаясь выходит следом.

— Привет, Артур, надеюсь, дома?

— Дома, через пол часа накрою на стол, у нас сегодня лазанья.

— Отлично, я голодный как волк.

Оксана удаляется на кухню, а Ева тянет меня в свою комнату, показать новый выученный отрывок на фортепьяно.

За ужином о делах не говорим, у Артура табу: после рабочего дня уделять внимание семье, а не работе. Оксана предлагает присоединиться к ним в следующие выходные на загородный пикник у отца на даче. Обещаю, что подумаю, сейчас вообще планы — непозволительная роскошь. Сегодня вот планировал выехать из дома только вечером, куда-нибудь прошвырнуться, расслабиться. А пришлось уехать гораздо раньше, еще и на нервах.

— Ты слышал, что Бобров открывает новый отель за городом? — спрашиваю у брата, когда он выходит меня провожать.

— Нет, не успеваю за ним следить, он разрастается, как грибы после дождя, — отшучивается он.

— Ты мне можешь достать пару пригласительных на открытие?

— Ты же не любишь такие мероприятия, — удивляется Артур.

— Мне по делу нужно.

— Ладно, не вопрос.

Прощаемся, завожу свой БМВ и еду домой. По пути заезжаю в супермаркет, закупая продукты по полной программе, проходя полки с фруктами, нахожу глазами лукошки с ягодами. Снимаю по одному с клубникой и голубикой, ставлю в корзину. Пока иду к кассе, отгоняю навязчиво рвущиеся наружу мысли, но перед собой же не сделаешь вид — для нее взял. Просто захотелось скрасить ее заточение. Башир сказал бы, что я слишком обмяк. Только Лиза считает меня монстром, а Разумовского жертвой. И почему меня это бесит? Пусть отдадут мои бабки и катятся куда подальше.

Домой приезжаю около одиннадцати, везде темно. Разбираю пакеты, загружаю холодильник и иду к себе, попутно ухмыляясь. Непривычное чувство, когда с тобой в одном доме находится красивая женщина, а ты идешь спать один. У меня такое точно впервые.

Лиза

Наплававшись в бассейне, заворачиваюсь в толстое махровое полотенце и иду в дом выпить кофе, солнца сегодня нет, но температура воздуха радует. Открываю холодильник — вау! Он под завязку забит продуктами, есть даже фрукты. Решаю напечь блинчиков, делаю начинку из шоколада и ягод. По окончании готовки, располагаюсь за барной стойкой и умиляюсь своей маленькой радости. Красиво выложенные на блюде блины, украшенные листиком мяты и кофе с корицей не только вкусно выглядят, они расточают аромат по всей кухне, а возможно и по этажу. В этом я убеждаюсь, когда Макс заходит и сразу же обращает внимание на мой завтрак. Блинов получилось больше, чем я могу съесть, решаю немного сгладить вчерашний скандал.

— Завтракать будешь? — предлагаю после его, вроде, дружелюбного «привет». В конце концов, это единственный живой человек в этом доме, с которым можно хоть парой слов обмолвиться.

— Не откажусь, — он удивляется моему предложению, обходит меня сзади, нажимает кнопку американо на аппарате, и пока в чашку льется черная жидкость, я успеваю уловить его запах и почувствовать непонятные вибрации в животе. Он совсем рядом, в пределах вытянутой руки и меня это не на шутку напрягает.

Выдыхаю, когда проходит мимо назад и садится напротив. Макс откусывает блинчик, жует и поднимает на меня глаза.

— Никогда бы не поверил, что это готовила ты.

— Почему?

— Не стыкуешься ты у меня с готовкой. С офисом, с элитным рестораном, с... постелью, — все-таки, заканчивает он — но на кухне тебя сложно представить. Не тянешь на домохозяйку.

При упоминании о постели, по моим щекам пробегает жар. Черт, он это замечает.

Он меня украл, это отвратительный поступок, напоминаю себе. Нельзя терять бдительность, это может быть не просто безобидная болтовня за завтраком, Градов может подвести к какой-то теме и начать проверку вопросами. Я же вижу, что он мне не верит и его подозрения никуда не делись.

— Я не зависаю у плиты, не скажу, что люблю готовить, но бабушка научила всему — встаю от греха подальше и убираю свою пустую посуду в мойку.

Он разворачивается на крутящемся стульчике в мою сторону, проходитесь взглядом по оголенным плечам, по ногам, прикрытым полотенцем только чуть выше колен, я теряюсь под этим созерцанием. Сама не знаю, почему теряюсь, я давно привыкла к похотливым взглядам мужиков, особенно на пляже или летом, когда на мне минимум одежды. Но он смотрит как-то иначе, не скрывая интереса, с достоинством и пониманием, что может получить все, хоть сейчас, но не станет этого делать. Скорее всего, из-за принципов. Для него не допустимо насилие над заложницей, это я уже поняла. В то же время, ему совершенно пополам, что об этом подумают, я или кто-то другой. Он позволяет себе любые реакции, он Бог и я сейчас в его власти.

— Через час тебя отвезут в ближайший торговый центр, купишь себе одежду.

Я не ослышалась? Выброс серотонина зажигает в моих глазах огонек, Макс это

улавливает молниеносно.

— Даже не мечтай, что там появится возможность сбежать. У тебя будет полчаса, купишь самое необходимое и обратно.

Его голос снова резкий, похоже, мое желание не возвращаться сюда, не на шутку, его злит. Хоть бы не передумал.

— Я же не камикадзе, Градов. Я обычная слабая женщина, куда мне с тобой тягаться, — пытаюсь смягчить ситуацию. Боже, я никогда ни перед кем так не лебезила. Боюсь? Да. Не хочу его раздражать.

— Слабая женщина? Не заметил. — Макс встает со стула, подходит ближе и смотрит в упор откровенно непристойным взглядом — Как-нибудь расскажешь поподробнее о своих слабостях?

Смесь опасности и магнетизма накрывает, словно волной. Я стою перед ним в одном полотенце, мы оба понимаем, о чем он говорит, мне становится жарко только от того, что я представляю себя с ним в постели. Понимаю, что этого не стоит представлять, но наваждение не сходит. Вдох-выдох, наконец, прогоняю картинку, это самая нереальная фантазия. Я же его ненавижу, приходит на ум.

Делаю шаг назад и отступаю, на этом расстоянии прихожу в себя и пячусь на выход из комнаты.

— Спасибо! — бросаю уже перед тем, как скрываюсь из виду и спешу к себе.

Через час возле двора останавливается желтый спорткар. Одна из двух горничных, которые снова пришли натирать все до блеска, сообщает мне, что за мной приехали и мгновенно испаряется вниз.

Я тоже спускаюсь, выхожу по широкой аллее к воротам, в груди дрожит непередаваемый восторг. По ощущениям, я провела взаперти в два раза больше реального, и эта поездка приятно бодрит.

Когда я подхожу к воротам, калитка открывается. Охранник со стороны улицы выпускает меня на волю. Возле машины, в уверенной грозной позе, меня ожидает молодой человек лет до тридцати. Снова кавказец, мелькает в мозгу, накачанный и по виду, отмороженный. Теперь понятно, почему Градов сказал, что бежать — плохая идея.

— Здравствуйте, — останавливаюсь, не понимая куда мне садиться.

Он молча кивает, открывает заднюю дверь, я устраиваюсь в кресле дорогого кожаного салона, и мы отъезжаем от двора.

Днем здесь все выглядит по-другому. Мне доводилось видеть богатые районы с большими особняками, я бываю иногда в гостях у знакомых дяди. Но здесь какой-то инопланетный уровень — что не особняк, то дворец. Наверное, здесь живут самые сильные мира сего. Откуда у Градова в таком возрасте столько денег? От папы? Не верю, что в тридцать с копейками, или сколько там ему, можно столько заработать честным трудом. Наверняка замешан в криминале и всяких нелегальных делах. Боже, скорее бы закончилась эта история.

Всю оставшуюся дорогу думаю, как там мои близкие, наверное, переживают, Дорофеева сто процентов сошла с ума и оборвала телефон родственнику. Интересно, как он объяснил мое отсутствие?

В торговом центре мой телохранитель не покидает меня ни на секунду. Помня об ограниченном количестве времени, в первом же отделе с домашним текстилем, выбираю шелковый халат, мягкие домашние тапочки и подхожу на кассу. Мужчина достает

банковскую карту с намерением рассчитаться.

— У меня есть деньги, — возражаю и достаю кошелек, слава Богу, оказавшийся в кейсе.

— Макс сказал оплатить покупки.

— Я хорошо зарабатываю, — ставлю точку в этом споре, прикладывая свою карточку к терминалу.

Он сдвигает плечами и прячет свою в карман.

— Не вопрос.

Несмотря на незнакомое здание центра, мне везет, и я нахожу в одном крыле множество магазинов рядом. Покупаю все необходимое, даже больше и, не без удовольствия, нагружаю хмурого секьюрити несчетным количеством пакетов. Подозреваю, что его заставили делать неприятную работу, потому как его терпение близится к концу, что отчетливо видно по играющим желвакам и сомкнутым губам.

— Все! — торжественно объявляю я, нагружая его последним пакетом небольшого размера с купальником и несколькими наборами белья. Что женщине для счастья нужно?

— Нам в ту сторону, — облегченно кивает. Если честно, сама бы долго здесь искала выход на паркинг.

Он следует все время на шаг позади, не упуская меня из виду. Спускаемся по ступенькам, поворачиваем за угол стеклянной витрины с манекенами и сталкиваемся с мужчиной. Он улыбается при виде моего телохранителя и останавливается, мы тоже.

— Аслан, вечность тебя не видел! — восклицает он, ты куда пропал?

Голубые глаза окидывают меня заинтересованным взглядом. Это не то, что вы подумали, хочется оправдаться мне. Но я молчу, может, услышу еще какую-то информацию. Кажется, Градов говорил брату, что Аслан посоветовал дядю.

— В делах закопался, — невесело говорит мой спутник.

— Мне сказали Черкеса в Лимассоле видели. Вы же вроде, вместе работаете, его отдыхать отпустил, а сам пашешь? — смеется мужчина.

— Он там по работе. — Аслан смотрит на часы — Извини, опаздываю, Макс ждет.

— Давай, Максу привет, — и вслед добавляет — приезжайте вечером в клуб, Тоха день рождения празднует.

— Помню, — отзывается мой конвоир, и мы спускаемся к его машине.

На обратном пути Аслан включает музыку и молча смотрит только на дорогу. Вероятно, и этому запретили со мной разговаривать. Дорога до дома пролетает очень быстро, вспоминаю, что мне снова сидеть взаперти и настроение скатывается на минимум.

Гостиная меня встречает пустотой и вновь наведенной стерильностью, прохожу к лестнице, замечаю, что дверь напротив, ведущая в кабинет приоткрыта. Оттуда слышен голос хозяина. Наверное, нужно поблагодарить. Вдруг, еще куда-то смогу выбить себе поездку. Ставлю пакеты на пол, подхожу к двери и понимаю, что он общается с кем-то по громкой связи. Так и замираю на входе, услышав из динамика:

— Нашел перевозчика, который доставил его в Турцию на яхте, — отчетливо слышу грубый мужской голос.

Макс сидит на диванчике спиной ко мне и рассматривает какие-то фото на экране макбука. Мгновенное жжение в легких не дает равномерно дышать. Смекаю, что речь о моей истории.

— Он опознал его по фотографии, правда, сначала включил дурака, типа язык не понимает. Пришлось применить нетрадиционные методы. Он довез меня туда же, где

высадил Плотникова.

У меня даже волосы на голове шевелиться начинают. Что еще за методы? Плотников, видимо, человек дяди.

Вздрагиваю, голос Макса разрезает воздух, какой же он злой:

— Переверни там все вверх дном, найди мне эту тварь! Я хочу лично с него спросить!

— Сейчас пробью аэропорты, если всплывет, пойдем дальше по следу, а если затерялся в стране, чтобы переждать, хреново. Турция не Кипр, Макс, там мы хотя бы город знали. А тут может податься куда угодно.

— Дай денег местным копам, пусть поищут, тебя что, учить нужно? Сейчас Гене позвоню в посольство, чтобы помог тебе по месту.

— Отлично, для начала мне бы переводчика.

— Хорошо, до связи.

Он отключается и улавливает, что не один. Разворачивается, поднимается и всверливается в меня тяжелым взглядом.

— Я же просил не входить в мой кабинет, — голос не повышает, но от интонации мурашки ползут по спине.

— Дверь была открыта, — стараюсь держаться спокойно — я хотела поблагодарить...

— Проходи, сейчас и поблагодаришь.

Что он имеет в виду? Под его пристальным взглядом подхожу ближе. Макс подходит к столу, достает из ящика мой телефон, включает.

— Сейчас наберешь Дорофееву и скажешь, чтобы не обрывала телефон твоему родственнику. Объясни, что у тебя все в порядке и ты позвонишь ей, когда появишься. А еще, если она пойдет в полицию, то у тебя будут проблемы.

Микровзрыв происходит в мозгу, хаотично всплывающие мысли не дают сосредоточиться на просьбе человека напротив. Он все обо мне знает. Но откуда он знает, кому звонит Альбина? Прослушка?

— Лиза!

Выхожу из ступора, как в тумане, беру в руку телефон, подрагивающими пальцами листаю список и набираю подругу. Пока идут гудки, Градов дает еще одно указание:

— Только то, что я сказал, без объяснений, коротко.

Я киваю и слышу взволнованный голос в трубке.

— Элис, наконец-то! Ты куда пропала? С тобой все в порядке?

— Альбин, — перебиваю поток нескончаемых фраз — у меня все хорошо, я не могу долго разговаривать. Просто послушай — не звони дяде Севе, я все тебе потом объясню, при встрече. И в полицию не ходи, иначе у меня будут проблемы.

— Лиз! Ты где вообще? Что происходит? — слышу, как страх сковывает и голос, и ее саму.

Градов нетерпеливо смотрит, понимаю, что нужно заканчивать. А так хочется хоть пару фраз сказать, чтобы ей что-то стало понятно, чтобы дяде передала, чтобы не волновался. Но увы, не хочу его злить, он и так не в духе.

— Больше, правда, не могу говорить. Пока.

Он забирает телефон и тут же его отключает. Растерянно наблюдаю, как он исчезает в верхнем ящике хозяйского стола.

Стоящий на металлическом столике у дивана, макбук зажигается и издает звук входящего смс от абонента Гриша. Я стою прямо напротив монитора. Пока Макс до него

доходит, успеваю прочитать текст на двух уведомлених, появившихся одно за другим: «Запеленговал второй телефон Разумовского. Сегодня он отправил на неизвестный номер смс со следующим содержанием», «Отдай хоть мою часть. Я хотел купить Лизе квартиру, ты же знал».

Мое сердце уходит в пятки. Макс, уже подошедший и увидевший то же, что и я, крепко стискивает челюсть.

— Гнида!

Он набирает чей-то номер, на том конце снимают трубку и от того, что я узнаю голос, кровь бешено начинает стучать в висках. Дядя...

— Алло, — отвечает он встревоженно.

— Так какие у тебя планы были на мои деньги, Всеволод Иванович? Ну, кроме покупки квартиры твоей племяннице? Или мне у нее спросить? А, Лиза, расскажешь? — смотрит он на меня. Ярость так и плещет, вот-вот перевалит через край.

Я ошарашенно мотаю головой, что я ничего не знаю, не могу вымолвить и звука.

— Макс, ты не так все понял, я расскажу потом, здесь речь о другом. Лиза не знала ничего, это был сюрприз. Не трогай ее, пожалуйста! — умоляюще просит дядя.

Меня колотит, как я не пытаюсь выглядеть стойко, пересохшее горло заставляет сглатывать, Градов видит мою растерянность и принимает за волнение от того, что меня раскусили.

— Не трогать? — издевается он, даже улыбка, заигравшая на губах, сейчас напоминает оскал — Ты божился мне, что все рассказал, до мелочей, и будешь информировать дальше, если будут новости. Но слово не сдержал. Так почему я должен играть в героя?

— Макс, давай встретимся. Кое-что, действительно прояснилось, но я хотел добыть более точную информацию. Как раз хотел сегодня рассказать.

— Встретимся, конечно, — коварно улыбается в трубку Градов.

Он отключается, бросает айфон на диван и впивается в меня черными, горящими злобой, углями.

— Ты тоже будешь втирать, что ничего не знала?

— Ты же мне, все равно, не поверишь, — даже не спрашиваю, утверждаю.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должен тебе верить.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должна тебе что-то доказывать, если это бесполезно.

— Бл*дь, ты понимаешь, с кем разговариваешь?! Он в два коротких шага оказывается рядом, хватая до боли меня за плечи и яростно приближает лицо. — Никогда так со мной не разговаривай, ни-ко-гда, — произносит по словам с акцентом на пробелы.

— Мне больно, Макс, — почти шепчу ему в лицо.

Пару секунд он смотрит мне в глаза, затем отрывается и ослабевает хватку, глубоко дышит, силясь овладеть собой, а потом его руки медленно сползают по моим плечам, пока он не опускает их и не отходит на шаг назад.

— Вечером поедешь со мной в одно место, — говорит с отстраненной интонацией.

— Куда?

— Там и увидишь. В семь чтобы была готова. А теперь закрой дверь с той стороны.

Выхожу на деревянных ногах, по мне, как будто проехали катком, закрываю за собой дверь, подбираю с пола покупки и плетусь наверх. Не могу привести в порядок чувства — страх, ненависть, отчаяние и... Боже, необъяснимое влечение. Всего мгновение, когда он

скользил ладонями по моей коже, подарило взрыв таких ощущений, что я даже не предполагала, что могу так чувствовать. Как вообще такое возможно? Умом понимаю, что Градов опасен, но каждый раз покрываюсь мурашками, когда он рядом. Категорически нельзя разрешать ему приближаться на расстояние вытянутой руки.

Лиза

Чтобы отвлечься, я разобрала и развесила покупки. Приняла душ, высушила волосы. Градов уехал, это я поняла, когда спустилась вниз. Звук отъезжающего БМВ я уловила сразу, чему несомненно порадовалась. Мне нужна передышка, нужно все обдумать. Все больше загадок в этом деле. Какая квартира? Что за планы у родственника, мог ли он, действительно, украсть? Не верю. Хотя бы по соображениям безопасности или инстинкта самосохранения. Что и почему он не договаривает Градову? Пока ничего не встает на свои места, полный хаос. Градов, похоже, бесится по той же причине.

Пообедав, решаю попытаться счастья и добыть свой телефон, хотя бы на пару звонков. К сожалению, кабинет оказывается закрыт и я, устроившись в подушках огромного дивана в гостиной, включаю телевизор. Переключаю каналы, нахожу какое-то кулинарное шоу. Но сосредоточиться не получается, как же разгадать этот ребус?

Неожиданно за стеклянной дверью возникает охранник. Он нажимает на кнопку звонка и только тогда открывает дверь. В его руках два увесистых пакета, по виду, из бутика.

— Елизавета Павловна, вам доставка.

Мне? Удивление на лице скрыть не получается, но вслух я произношу:

— Оставьте.

Он кладет поклажу на кресло и ретируется. Не удерживаюсь, открываю прямо здесь. В обоих пакетах коробки, сначала снимаю крышку той, что побольше. Обалдеть! Вынимаю черное вечернее платье на бретельках, отделанных камнями, из ультратонкой блестящей ткани. Божественно красиво, не знаю сколько это стоит, но сама себе я бы такое не позволила. Во второй коробке оказывается обувь — туфли на шпильке из мягкой черной замши, застежка отделана несколькими камешками, точно такими же, как на бретелях наряда. Зачарованно смотрю на это все. Куда же он хочет со мной поехать?

Настроение резко ползет вверх. Оказавшись в своей комнате, примеряю покупки. Я сразу поняла, что платье сядет отлично, классическая эмка. А как можно было так угадать с туфлями? Смотрю на себя в зеркало и вижу шикарную, респектабельную женщину. Бабушка бы с ума сошла, если бы увидела меня такую.

Когда мы с Альбиной приехали покорять Москву, выглядели, как две простушки. Одежду покупали в масмаркетах, нам казалось тогда, модную. Но из-за недостатка денег и чувства стиля, все было невпопад. Лишь со временем я научилась совмещать базовые вещи со сложными, сочетать цвета и текстуры. Стала выглядеть стильно и дорого. Особенно любила позлить нарядами свекровь, которая меня считала провинциалкой, но сама при этом могла похвастаться лишь образованностью. С гардеробом, равно как и со вкусом, у нее были большие проблемы.

Но такой шикарный лук у меня впервые. Интересно, Градов сам его выбирал? Обычно, такими делами занимаются секретарши. Почему-то при мысли об этом, и о наличии самой секретарши, неприятно сводит внутри. Так, стоп! Нужно бы принять отрезвляющий душ — у него хватает женщин, это же очевидно и закономерно. Тем более, он сам сказал, что охранники видели здесь многое. А еще я его пленница, а он полный мудака, использующий меня в своих корыстных целях.

Макс приезжает за час до выезда. Я даже из комнаты не выхожу, решаю выйти в семь,

без вопросов и с достоинством. Вспоминаю, как сегодня дрожала перед ним, и становится неприятно. Бабушка всегда учила держаться скромно, но по-королевски. Вспоминаю, как Макс назвал меня Королевой Снежной и губы растягиваются в улыбке.

Делаю вечерний макияж, благо косметика с собой, шпильки для вечерней прически тоже нашлись в кейсе. Украшения, туалетная вода. Распыляю пару пшиков на шею и волосы, и ровно в семь спускаюсь вниз. Ступая по ступеням, отмечаю, что боковой разрез на платье довольно откровенно открывает мою ногу, но времени раздумывать над этим нет, встречаюсь глазами с зачарованным лицом Градова, ожидающего в гостиной. Он в костюме, при полном параде, гладко выбрит, и, как всегда, расточает безумно брутальный мужской аромат. Борюсь с соблазном остановиться и рассмотреть его подробнее. Никого, более совершенного внешне, я в своей жизни не встречала. Напоминаю себе почему я здесь, в его доме и, поставив в очередной раз себя на место, останавливаюсь в метре от него.

— Я готова.

Он, успевший несколько раз просканировать меня с ног до головы, еще раз проделывает этот путь глазами уже вблизи. Вижу, что впечатлен, глаза горят нескрываемой похотью, и мне, какого-то черта, доставляет это удовольствие.

— Поехали.

Выйдя за ворота, он открывает мне переднюю пассажирскую дверь, подсаживает за локоть, лишний раз пробивая током между лопаток. А потом почти всю дорогу мы молчим. Он очень классно водит машину, без резких движений и толчков, уверенно идет на обгон, плавно встраивается в пространство между другими авто, выглядит спокойно и сосредоточенно. Я, как водитель с небольшим стажем, кайфую от его манеры езды. Есть чему поучиться.

— Макс, чем ты занимаешься? — спрашиваю в надежде наладить контакт. Не знаю, куда мы едем, но не хотелось бы и там чувствовать себя просто вещью, которая скоро поможет вернуть его деньги. Хочется просто расслабиться и отвлечься от своего незавидного положения.

— Криптовалюта, акции, облигации, недвижимость, торги на бирже. Не интересно, — подытоживает он.

— А Аслан работает на тебя?

— Вы что, знакомились? — вроде, спокойно, но слегка удивленно спрашивает он, вскидывая взгляд в мою сторону.

— Нет, встретили какого-то мужчину в торговом центре, он его по имени назвал.

— Аслан и его двоюродный брат Башир, которого ты видела в вашем доме, работают вместе. Они мои друзья, но у нас есть несколько общих проектов.

— А тот, которого ты высадил у офиса в первый день?

— Гриша Ловцов, мой партнер по бизнесу и лучший друг.

— А я в Москве так и не нашла настоящих друзей. У меня только Альбина, остальные все как-то мимо.

— Четыре года слишком короткий срок. Иногда нужно прожить с человеком десятки лет, чтобы узнать его. Поэтому, лучше меньше, да лучше.

— Мы едем за город? — замечаю, что по обочинам уже сплошной лес.

— Да.

Больше не решаюсь задавать вопросы, потому как последнее «да» звучит довольно жестко, и Градов принимает недовольно-задумчивое выражение лица.

Чуть больше получаса, и мы добираемся до места. Заезжаем на заполненную дорогими машинами, стоянку большого загородного отеля, нам показывают наше место, согласно пригласительных. Макс открывает передо мной дверь, подает руку, прямо сама галантность. На нас обращает внимания пара пожилых людей, они здороваются с ним, а мне кажется, я их где-то уже встречала.

Просторный холл забит гостями, но основной банкет планируется на панорамной крыше. Мой спутник останавливается возле двух мужчин, перекидывается парой ничего не значащих фраз, меня не представляет, как это обычно делает дядя. Признаться, это доставляет некий дискомфорт. Зачем я тогда здесь? Вывез воздухом подышать?

Мы поднимаемся на лифте на последний этаж, при входе в самую гущу событий, Макс кого-то ищет глазами. Возле крайнего фуршетного стола стоит хозяин торжества и принимает гостей. Мужчина к нам спиной, а вот женщину я узнаю, и мне становится дурно. Мария Николаевна Боброва, жена отельера Евгения Боброва и бывшая наша соседка по площадке в Саратове. Она ходила с мамой в один класс, и дядя Сева общается с их семьей, мы бывали у них в гостях, не представляю, как сейчас объяснить мой приход с Градовым. И как он здесь оказался в списках приглашенных? Судя по всему, часть пригласительных распространяли организаторы банкета с привлечением новых клиентов для рекламы.

— Добрый вечер, — здоровается Макс, когда мы подходим к ним, при этом обнимает меня по-хозяйски за талию.

Не успеваю отреагировать, Евгений Алексеевич поворачивается к нам.

— Елизавета?! Неожиданно...

Он переводит удивленный взгляд на Макса, подает ему руку для пожатия, потом на жену.

— Здравствуйте, — делаю вид, что все так и должно быть.

Они озадаченно здороваются в ответ.

— Красивый отель, — наконец, смекаю, куда меня привезли и по какому поводу праздник.

— Спасибо! Проходите к гостям, через пять минут начнется официальная часть.

Другие гости окружают хозяев, а мы проходим дальше к столам, сервированным вперемешку с цветочными композициями, даже стулья украшены маленькими букетиками — флористы поработали на славу. Завидев нас, молодая, незнакомая мне пара, улыбаются и поджидают, когда мы к ним подойдем.

Обмениваемся взаимными приветствиями.

— Знакомьтесь, это Лиза, — говорит Градов.

— Роман, Лена, — представляются они.

— Роман — мой одноклассник, — улыбаясь, объясняет мне Макс — он сидел на парте передо мной, и я у него списывал контрольные.

Мужчина хмыкает, берет бокал шампанского с разноса подошедшего официанта.

— Да, только теперь он миллиардер, а я экономист у Боброва, — обращаясь ко мне, искренне и добродушно шутит он. Лена тоже смеется, не похоже, что ее этот факт расстраивает.

Я улыбаясь, меня немного отпускает. Мужчины предлагают по шампанскому и нам и подзывают официанта снова. На сооруженной специально для открытия, сцене появляется конференсье и толкает пламенную речь. На пару слов к микрофону подходит Евгений Алексеевич, дает отмашку на полный вперед, и в зале начинается пиршество.

Бобров умеет устраивать большие праздники. Еда всегда вкусная, музыка отличная, атмосфера живая и веселая.

После шампанского все раскрепощаются, к нам присоединяется еще одна девушка. Нас когда-то представляли друг другу на вечеринке у Бобровых, кажется, она какая-то их родственница. Моложе меня, красивая, ухоженная, наверняка, избалованная мужским вниманием. Таких, обычно, мужики стороной не обходят — уверенная в себе и доступная. Мне она просто кивает и делает вид, что я ей не интересна, а вот Макс на этом приеме для нее диковинка. Она изо всех сил стремится привлечь к себе его внимание, много и громко разговаривает, все время пытается шутить. После второго бокала меня начинает раздражать ее навязчивость. Но она, похоже, не берет меня в расчет, скорее ей это даже нравится. Девушка допивает свой бокал до дна, ставит его на стол и демонстративно спрашивает:

— Можно я приглашу твоего мужчину на танец?

— Нет, — отвечаю спокойно.

Макс улыбается, наблюдая со стороны этот диалог.

— Почему?

— Он не может меня оставить ни на минуту, — выдаю с двойным подтекстом.

— Так любит? — ехидничает дама.

— Так ценит — не отстаю я.

Макса веселит эта перепалка, он единственный понимает смысл сказанного мной.

Девушка переводит вопросительный взгляд на Градова.

— Чистая правда, — забавляется он.

Бросаю на него взгляд, пляшущие в его глазах чертики, заражают и меня и, почему-то соображаю, что несмотря на большое количество, знакомых мне на празднике, людей, я ни разу не допустила мысли сбежать, попросить у кого-то помощи или даже попытаться передать какую-то информацию дяде. Мне становится даже не по себе оттого, как меня очаровал этот смазливый негодяй.

Макс берет бокал и приглашает взять всех остальных.

— Давайте выпьем за женщин, до дна.

Все чокаются, опустошаем бокалы. Пузырьки горько-сладкого напитка расслабляют, и я невольно ассоциирую этот вкус со своим состоянием.

Макс берет на блюде канапе из фруктов и подносит к моим губам. Снимаю дольку ананаса, смотрю прямо ему в глаза, он застывает на моих губах, наблюдает, как жую. Что я делаю? Как будто под гипнозом. Но он подносит шпажку снова, глаза томно заглядывают в самую душу, не могу оторваться, плыву по этому течению, напрочь забыв об опасности и своей роли в его истории. Снова снимаю губами виноградину, Градов все больше нависает надо мной, его лицо совсем близко, его взгляд с такой похотью гипнотизирует мои губы, что я теряюсь во времени и пространстве. Его пиджак висит на спинке моего стула, его рука там же, он практически обнимает, спиртное бурлит в голове, тону в его запахе и харизме, и выбраться из этого омута в эту минуту нет шансов.

Ведущий объявляет перекур, люди — кто выходит на воздух подышать, кто разбредается по залу на группки. Наши соседи по столу выбирают первый вариант, и мы остаемся вдвоем. Скинув, наконец чары, я прихожу в себя. Встаем, чтобы размяться, прошу Макса налить мне сок. Он подносит стакан с красной жидкостью, принимаю и вижу довольные глаза Градова, смотрящие на кого-то в упор за моей спиной. Поворачиваю голову и получаю шок. Метрах в пяти от нас дядя Сева в кругу нескольких мужчин и Боброва ошарашенно смотрит в нашу

сторону. Несколько секунд мы просто созерцаем друг друга.

— Дядя Сева, — я делаю шаг, хочу подойти и поговорить.

Но сзади за талию меня сгребает и требовательно прислоняет к себе мужская крепкая рука.

— Я не разрешал тебе подходить к нему, — слышу властный спокойный голос у себя над ухом.

Горячее дыхание опалает скулу. Упираюсь спиной ему в грудь и затравленно умоляю взглядом родственника сделать что-нибудь. Вырваться из этого захвата нереально, но как быть, если у стоящих рядом с дядей, мужчин на лицах явная заинтересованность происходящим?

— Макс, пожалуйста, я просто подойду на два слова, — поворачиваю к нему лицо.

— Нет, ваши разговоры в мои планы не входили.

— Так ты знал, что он будет здесь? — меня просто рвет на части от этой самоуверенной манеры управлять людьми, как куклами.

— Знал.

Я снова перевожу взгляд туда, где дядя Сева в состоянии полного ужаса видит, как Градов прижал меня к себе, как диктует мне условия. Машу отрицательно головой, мол он все не так понял, со мной ничего страшного не происходит. Но родственник понимает это по-своему, безысходность гримасой боли ложится на его лицо, он сам делает к нам несколько шагов, но Градов головой машет ему — нет. И тот останавливается.

Боже, вот зачем он сказал ему по телефону, что не будет играть в героя? Он просто морально его убивает, обставляет все, чтобы дядя думал невесть что. Он точно решит, будто я сплю с ним принудительно из-за этого долга.

— Градов, ты животное!

Как я могла еще десять минут назад таять и растекаться перед ним?

— Нам пора, — рубит он. Не осталось и следа от мужчины, который только что пожирал глазами мои губы и поднимал бокал за женщин.

Он просто уводит меня к лифту. Когда двери закрываются, и мы движемся вниз, я не выдерживаю.

— Если бы я только знала... — мне так горько, я снова чувствую себя заложницей.

Макс нажимает кнопку и лифт останавливается. Боже, нет! Это наихудшая идея, меня бросает в жар, я хочу выйти из закрытого пространства. Но я не стану умолять, пусть даже не надеется. Ненавижу.

Смотрю на него, как загнанная лань, но он похоже, не понимает, что устроил мне двойной стресс.

— Что ты хотела ему сказать? — жестко выдвигает Градов.

— Просто успокоить, объяснить, что со мной все хорошо.

— Ему не обязательно это знать.

— Он пожилой человек, ты хоть понимаешь, как он себе все это представляет? Какое чувство вины испытывает сейчас? Или тебе все равно, кому и почему ты причиняешь боль? Деньги дороже всего, да, Градов?

Я срываюсь на крик, хочу, чтобы он услышал, понял, хочу на воздух.

— Ты сейчас прекратишь орать, мы приедем вниз, нацепишь свою фирменную улыбку, попрощаемся и уедем. А свои истерики оставь для дяди.

Прислоняюсь к стенке кабины, мне нереально плохо. Голову разрывает изнутри

ощущение паники, я готова закрыть рот, лишь бы поскорее выбраться отсюда.

Макс жмет первый, и мы трогаемся.

Когда выходим в холл, улыбаться по заказу не получается, мы прощаемся с некоторыми гостями и выходим на улицу. Вдохнув в грудь воздуха, ощущаю легкое головокружение, меня ведет, и я чуть не падаю на своих каблуках. Градов подхватывает, фиксирует меня в ровном положении, прижав к себе, заглядывает в лицо и пытается понять, что случилось.

— Тебе плохо? — нет сил на ответы, особенно моральных, просто глубоко дышу — Лиза!

— Мне плохо в закрытых пространствах.

— Почему ты не сказала?

— Зачем? Попросить разрешения дышать?

— Снежина, ты и в полубморочном состоянии неисправима.

Он отводит меня с крыльца вниз, там продувает ветерок, Макс накидывает мне на плечи свой пиджак, кутает, как ребенка и легонько обнимает за талию. В коконе его рук мне тепло и временно безопасно. Какого черта я так чувствую? Это сейчас источник моих бед, я не должна так себя чувствовать рядом с ним. Он наклоняется совсем близко к моим губам, какое-то время просто смотрит, а потом нежно едва прикасаясь, целует.

Я, подавленная морально, взятая в кольцо его рук физически, не в силах усмирить реакцию своего организма на этого мужчину, не просто сдаюсь. Я целую его в ответ, выпускаю его язык в свой рот и улетаю. Земля уходит из-под ног, он целует так, будто ничего слаще в этом мире не пробовал, до дрожи, до беспамятства, я не хочу, чтобы это прекращалось.

Но конец неминуемо приходит, вместе с осознанием того, что я ему только что позволила, несмотря на то, как он обошелся с моей семьей. Он же знает, что у меня больше никого нет.

Последней каплей становится его взгляд в сторону крыльца здания. Он уводит меня в машину, оглядываюсь назад и вижу на крыльце, одиноко стоящего, дядю Севу.

Домой водитель довозит нас быстрее, чем мы ехали сюда в час пик. Градов, слава Богу, сел на переднее сидение и у меня появилась возможность уйти в свои невеселые мысли.

Возле ворот, не дожидаясь его, встаю и иду в дом, он не догоняет, лишь включает с телефона свет на первом этаже. Закрываюсь в своей комнате, быстро принимаю душ и падаю, без сил, на кровать. Сегодняшний день по ощущениям, самый долгий и насыщенный в моей жизни. Засыпаю с жалостью к дяде и предательским чувством удовольствия от воспоминания о вкусе его безумных умелых губ.

Лиза

Ночь выдалась тревожная. Мне снился дядя Сева в тюрьме, бабушка, в непонятном чужом доме и я, идущая по длинному высокому мосту в незнакомой местности. Мост был бесконечный, и у меня никак не получалось дойти до края и спуститься вниз. Ну и, конечно, Градов. Он целовал, просил обнять его, не отпускал, а я не могла сбросить это наваждение и послушно выполняла все, что он говорил.

Яркий свет нового дня заглянул солнечным лучом через незашторенную часть окна и я, наконец, вышла из беспокойно-суматошного сна.

Закончив все утренние процедуры, накидываю новый короткий халатик цвета бирюзы, тапочки и впервые чувствую себя в плане внешнего вида так, как привыкла по утрам. А вот с настроением дела обстоят отвратительно.

Ко всему прочему, надо же было подойти к окну. Застываю... На отмостке бассейна, спиной ко мне отжимается Градов. На нем лишь плавательные шорты, голый рельефный торс ритмично опускается и поднимается над кафельной плиткой, и эта картина поднимает на поверхность все непристойные желания, которые я успела затолкать подальше и списать на ночное сонное сознание.

Не знаю сколько он уже это проделывает, но на моих глазах это происходит не один десяток раз. Затем он поднимается и прыгает в воду, проплывает под водой в другой конец бассейна, выныривает и плывет в обратную сторону ко мне лицом.

Амбициозный эгоист и манипулятор с внешностью плейбоя, совершенный и опасный.

«Ты сейчас прекратишь орать, мы приедем вниз, нацепишь свою фирменную улыбку, попросаемся и уедем. А свои истерики оставь дяде», вспоминается мне. Я уж было подумала, что у него включилось что-то человеческое и он решил разрядить мне обстановку, а он просто использовал меня, чтобы вывести на эмоции моего родственника. Расчет на то, что он в таком состоянии начнет делать ошибки и скажет то, что, возможно, не собирался. Еще и целоваться полез. Зачем? Похоть взбунтовалась или доказать свое превосходство? Ненавижу...

Спускаюсь вниз, готовлю себе американо, творог с фруктами и сажусь за стол. Моя спальня расположена как раз над кухней и отсюда открывается точно такой же вид. Картинка не меняется. Наплававшись, Макс выходит, вытирается, накидывает белый махровый халат, лежащий на шезлонге, и направляется сюда.

— Доброе утро, — как ни в чем не бывало, говорит он, прикрывая за собой дверь на террасу.

— Доброе, — отвечаю безрадостно.

Кидает взгляд на мою полупустую тарелку и подходит к кофемашине, достает из шкафчика белоснежную, вычищенную до блеска, как и все в этом доме, чашку.

— Я так понял, с завтраком я сегодня пролетаю?

— Со свистом, — все так же недовольно подтверждаю я.

— Королева осерчала? — улыбается паршивец.

— Знаешь, Градов, ты холодный, бесчувственный мудака!

Он нажимает режим эспresso, и не меняя игривого тона, выдает:

— Ты ошибаешься, детка. Обычно меня считают горячим и страстным.

Он подходит к столу и присаживается напротив, с вызовом смотря мне в глаза.

— Я уже просила тебя не сравнивать меня с теми, кто у тебя обычно. Я не из их числа, не обольщайся. А то, что ты устроил вчера — мелко и подло. Если бы я знала, никуда с тобой не поехала бы!

— Не забывайся, девочка! — голос становится резким. Похоже он привык лишь к похвалам от женщин — Ты не в том положении, чтобы выбирать. И лучше бы тебе не портить мне настроение. Я через час встречаюсь с Разумовским, и мое испорченное утро не пойдет ему на пользу.

Осекаюсь, даже не знаю, что на это ответить. Нет, с ответами я проблем не испытываю, просто не хочу навредить дяде. Убираю свою пустую посуду в мойку и просто выхожу, чтобы не усугубить.

— Дядюшке привет передать? — издевается Градов.

— Пошел ты! — все же, не удерживаюсь и, ускоряя шаг, ухожу прочь.

Он уезжает почти следом, а я, с колотящимся сердцем, иду в сад. По пути заглядываю на кухню, загружаю посуду и запускаю посудомоечную машину.

Господи, когда же хоть что-то прояснится? Срок для поиска денег практически истек, есть ли у дяди с чем идти на эту встречу: информация или деньги? Вряд ли, он бы сказал об этом вчера. А так даже подойти не решился, видимо, тоже боялся мне навредить. Представляю, какие картинки он себе нарисовал, а этот мерзавец рад стараться.

Я целый день ждала, что Макс приедет, и я узнаю хоть что-то, но он не появился до позднего вечера. В десять я пошла к себе и, включив, по традиции, телевизор, пригревшись после ванны, в обнимку с подушкой, каким-то чудом уснула.

День я провела так же, сходя с ума в полном одиночестве. Где носило хозяина дома — не знаю, на ночь он не явился и на следующий день тоже.

***

Громкий смех и музыка врываются в мои сонные грезы. Я даже сначала не понимаю, что это наяву.

Поднимаюсь, выключаю пультом телевизор, под который по привычке уснула, и слышу под своими окнами шум и веселье. Кажется у нас вечеринка. Подхожу в темноте к окну, но никого в поле зрения не наблюдаю. Значит сидят на террасе. Мужские и женские голоса, вперемешку со звуками мелодии из колонки, звучат довольно громко. Уснуть уже вряд ли получится.

Я просто ложусь на кровать, сворачиваюсь калачиком и настраиваюсь переждать. Как сказал Макс, я не в том положении, чтобы выбирать. Но меньше, чем через час, не выдерживаю. Музыка включают громче, люди тоже начали общаться на повышенных, чтобы ее перекричать, все это сопровождается хохотом, ерзаньем стульев и остальными сопутствующими. Нервы сдают, когда я слышу звон бьющейся посуды, похоже на бокал. Да сколько можно? На часах почти час ночи.

Накидываю халат, спускаюсь. На кухне витает запах еды и свеженарезанных овощей. На столешнице в сторонке лежат пустые контейнеры в наклейках, с фирменным знаком, известного в городе дорогого ресторана и пакеты, в которых привезли доставку. Пара пустых бутылок Хенесси на полу у барной стойки завершают эту картину.

На террасе включен неяркий свет, в комнате тоже, и я через стекло встречаюсь глазами с Градовым. Он сидит в торце стола, на руках у него, попивая из бокала, красуется гламурная брюнетка. Его кисти лежат на подлокотниках, он в лениво-расслабленной позе наблюдает за

моими передвижениями на кухне.

Черт, и зачем я сюда пришла? Следом меня замечают и другие участники пира, за столом воцаряется тишина. Я выхожу, не знаю зачем, просто уйти назад еще глупее. Сердце набирает обороты, как у испуганного зайца. За столом узнаю Ловцова и Аслана, рядом с ними тоже девушки, а четвертого я не знаю, он без пары и, похоже, крепко пьян.

— Доброй ночи, — тихо говорю я. Одна из девушек нажимает кнопку на колонке, и музыка стихает.

— Не спится, детка? — спрашивает Макс.

Как же хочется его сейчас придушить. Наверное, это читается на моем лице. Девушка, сидящая у него на коленях, заинтересованно поочередно смотрит на нас и нашу реакцию друг на друга.

— Это кто? — спрашивает незнакомый мужчина, без стеснения, пялясь пьяными глазами на мои голые ноги.

— Никто, — чеканит Макс.

— Так что же ты такую красоту скрываешь? А я тут спиваюсь в одиночестве. Иди ко мне, малышка, — хлопает он себя по колену.

— Леха, завянь! — рявкает Градов гостю.

Но у Лехи другие планы. Он встает из-за стола и в мгновение оказывается рядом со мной. Притягивает меня к себе и нависает пьяной рожей, дыша прямо в лицо. Отворачиваю голову в сторону и пытаюсь вырваться.

— Ну хочешь, поупрашиваю для порядка? — шатаюсь, не сдается он.

После чего чьи-то руки отрывают его от меня, и он отлетает, с воплем приземлившись на плитку террасы от удара Градова под челюсть. Рядом с ним, с треском, падает вверх ножками кресло, которое он зацепил при падении. Все вскакивают на ноги, девушки замирают в испуге, Гриша подбегает к другу и отодвигает грудью от упавшего.

— Макс, харе! Не надо драки.

— Какого х*ра? — мужчина поднимается, вытирая кровь на треснутой губе — ты сам сказал, что она никто.

— Ты, бл*дь в моем доме! И не х*р распускать руки на кого вздумается!

— Все, мужики, заканчивайте, — вступает в полемику Аслан. Кидает на меня недовольный взгляд, мол пока тебя не было, все было хорошо.

Макс это замечает, отодвигает Ловцова, подходит ко мне. Меня и так трясет от всего произошедшего, но он, не щадя, гасит окончательно:

— Еще раз выйдешь к гостям в таком виде, — проходится по моим ногам и груди, обтянутой тканью халата. Из белья на мне только трусы и он это замечает — схлопочешь себе неприятности.

Он страшно злой, прямо, как в первый день, когда я его увидела в нашем доме. Но на правах кого он так со мной разговаривает и какое ему дело до моего вида?

— Мне не привыкать, приносить мне неприятности — твое новое хобби.

Разворачиваюсь и выхожу через кухню в коридор. Слышу позади щелчок закрытой на террасу двери. Макс догоняет меня у двери в его комнату, хватая за локоть и тащит внутрь. Закрывает наглухо дверь, и тут мне становится поистине страшно.

— Ты кем себя возомнила, Снежина? Тебе не кажется, что ты слишком много себе позволяешь?

— Я не виновата, что твои друзья при виде женщины, сразу пытаются ее склеить.

Нужно меньше с легкодоступными общаться, может мозги начнут по-другому работать.

— Забыл, ты же не такая! — хлопает он себя по лбу — Это ты труднодоступная?! В этом?

Он дергает за полу халата, чуть не обнажив грудь, я перехватываю его руку, пытаюсь стянуть халат и прикрыться.

— Тебе какое дело, как я выгляжу? Смотри за своей этой, которая терлась на коленях!

— Она такая же моя, как и твоя! А ты...

— А я?... — поднимаю голову, взаимно пепелим глазами друг друга. Сердце чуть не выскочит.

Только сейчас понимаю, как он близко, чувствую кожей каждую вибрацию, каждую его эмоцию, запах вперемешку с коньяком. Я же обещала себе держаться на расстоянии.

Макс сгребает меня, не успеваю и пикнуть, в свои объятия, рукой захватывает затылок и с необузданной страстью впивается мне в губы. Сразу напролом, с языком, с диким напором. Мои бабочки взрываются вихрем и разлетаются из живота по всему телу. Ноги подкашиваются и я, словно не целованная школьница, хватаюсь за его рубашку и отвечаю на поцелуй, а после и вовсе обнимаю его за шею и молю Бога, чтобы это волшебство не заканчивалось. Но он и не думает останавливаться, покидает рот и присасывается к шее, я запрокидываю голову, он страстно и стремительно проходится вниз, обратно до мочки уха, пробует ее. Горячее дыхание обжигает и будоражит, я чувствую предательски нахлынувшую влагу в промежности. Наше неровное громкое дыхание подливает жару в этот огонь, по всей комнате эхом раздаются звуки страсти и желания.

Градов тянет за пояс халата, он распахивается. В тумане происходящего, где-то на заднем плане, проскакивает мысль, что этого не должно случиться, я запахиваю руками половинки халата, смотрю на него полупьяно, умоляюще:

— Макс!

— Лиза, пожалуйста, уходить нужно было сразу, — хрипит он и снова проходится губами по жилке на шее.

— Ты мне не дал такого шанса, — шепчу, уже сдаваясь.

— А сейчас, тем более, не дам.

Он тянет шелковую ткань вниз, мой халат, скользя по телу, падает к ногам, дрожащими руками расстегиваю пуговицы его рубахи, ее он тоже откидывает куда-то на пол. Снова целует, бросает меня на кровать, снимает штаны, вместе с боксерами и устраивается рядом. А потом останавливается... Рассматривает меня, медленно описывает пальцем круг вокруг соска, легонько задевая и его, меня при этом прошивает, словно током. Муж никогда не заикливался на прелюдии и, хоть я понимаю, что она должна происходить и как это бывает, мне совершенно непривычно, что это со мной.

Я дрожу, его ладонь спускается и проходится по животу, каждое прикосновение дарит необъяснимое наслаждение. Простой тактильный контакт, но он отзывается в самых глубинах. Медленно, глядя на мою реакцию, Макс сначала заводит пальцы за кружево трусов, тыльной стороной гладит лобок, заставляя меня испустить громкий вздох, а потом неспеша, снимает их, мне становится даже неловко от такого тщательного осмотра. Трусы улетают к халату, а Градов заводит свою руку за мне за спину, тянет на себя и втягивает рот сосок.

— Ммм, — закрываю глаза и ловлю сладкие ощущения.

Вторая его рука скользит между ног и два пальца уверенно входят во влажное

влагалище.

— Ааа! — подаюсь навстречу этой ласке.

— Классная, — отрываясь от груди, шепчет он мне на ухо.

Раздвигает локтем мои ноги и продолжает манипуляции пальцами. Очень долгое отсутствие хоть какого секса и опытный мужчина делают свое дело. Я мгновенно завожусь, сама насаживаюсь на пальцы, стону и впадаю в транс. Как же восхитительно! Я никогда ничего подобного не испытывала, даже не предполагала, что я такая живая и такая возбудимая.

Макс заводится не меньше, от моих судорожных вздохов, от того, что видит, как я извиваюсь только от его рук и губ. Его затуманенный взгляд и хриплый протяжный стон говорят о том, что он на грани. Он прикусывает меня за плечо и падает лбом на грудь.

— Шикарная девочка, просто фантастика, — шепчет он.

Зарываюсь пальцами в волосы, меня штормит от его похвал, Сергей не говорил ласковых слов, максимум мог сказать, что любит или соскучился, что я красивая, но другие эпитеты — были редкой роскошью. Потом я поняла, что просто чувства не дотягивали до любви, очень здорово не дотягивали. Но сейчас со мной вообще мой враг, так почему эти слова звучат так искренне? Я уже ничего не понимаю, или схожу с ума.

Градов перестает меня терзать, переваливается сверху и держась на локтях, приближает ко мне лицо.

— Лиза, открой глаза.

Я открываю и вижу в зрачках напротив такую бушующую похоть, что только за этот взгляд отдала бы пол жизни. Машинально раздвигаю ноги, безумно его хочу, нестерпимо. И он входит, до упора, с первых секунд угадывая темп. Я мгновенно ощущаю томительные спазмы, все в районе таза превращается в сгусток нервных окончаний, это не описать словами — жарко, влажно, огненно. Мне даже не нужно подстраиваться под кипучий темперамент моего партнера, я сама действующий вулкан. Меня это пугает и ошеломляет, не узнаю себя, все ново, не как всегда.

Макс двигается, то ускоряясь, то замедляясь, внутри нарастает, незнакомая мне, пульсация. Мы стонем в такт его толчкам, я впиваюсь ногтями в его спину, глажу, царапаю, больше не соображаю, гложу и теряюсь в ощущениях, мне кажется сейчас взорвусь. Но он останавливается, выходит.

Садится спиной к изголовью, поднимает меня.

— Иди ко мне, садись сверху.

Насаживаюсь на него, сначала даже немного больно, размер у Градова впечатляющий. Он видит это.

— Привыкни, — обнимает за талию и не дает шевелиться.

Обхватываю его лицо и тянусь к его губам, мне просто необходима активность, хотя бы поцелуй. Все внизу требует продолжения. Тяну зубами за нижнюю губу и засасываю ее с кайфом. Макс рычит и прижимает к себе сильнее, накидывается и углубляется языком в мой рот.

Не выдерживаю, начинаю двигаться.

— Да, моя хорошая, давай еще. Тебе хорошо?

— Нереально, — провожу губами по шершавой щеке, закрываю глаза и отдаюсь самым потрясающим ощущениям в своей жизни.

Когда мой партнер чувствует, что я снова на пике, прямо из положения сидя,

невероятным образом укладывает меня на спину, не отрываясь от меня, вколачивается и набирает невероятно быстрый темп, от чего у меня сносит крышу. Я стону и выкрикиваю, бессвязно что-то говорю, без остановки, захлеб, улетаю. Чувствую сокращения, комок собирается внизу живота, к горлу подступает второй, а потом все взрывается сразу: внутренности сводит оргазм, из глаз брызгают слезы, а в голове разрывается салют.

Макс, выскальзывает, и с довольным рычанием, закатив глаза, изливается мне на живот и падает сверху. Я не кричу, как описывают в книгах, я ошеломленно прижимаюсь к нему, и с тихим стоном и бегущими по щекам слезами, проживаю этот миг. Вот оно, свершилось.

Макс

— Здравствуйте, — слышу за дверью, после того, как она закрывается.

— Здравствуйте, — отвечает Лиза и, видимо, уходит к себе.

Просьпаюсь окончательно и встаю с кровати. Не слышал, как встала и вышла. Она что, по воздуху ходит? Я же чутко сплю. Второй голос принадлежит горничной, сам распорядился, чтобы пришла прямо с утра, убрала бардак после вечеринки, ненавижу, когда не прибрано.

На кресле вчерашние рубашка и штаны, наши, валяющиеся по полу, шмотки собирал, когда Лиза уже вырубилась. Отношу все в гардеробную и отправляю в корзину для грязной одежды.

Проверяю телефон, на экране только одно смс. Вчерашняя гостья Тома, планировавшая попасть в мою постель, после посиделок:

«Если ты меня привез к себе назло своей нынешней, то мог бы хоть сказать заранее».

Оставляю ее претензии без ответа, просто смахиваю с экрана смс. Иди нафиг.

Выдавливаю на тубик зубную пасту, рассматриваю уставшее, не выспавшееся лицо в зеркале. Нужно будет побриться. Несмотря на недосып, чувствую себя превосходно, единственное, что беспокоит, это состоявшийся вчера разговор с Разумовским.

Захожу в душевую, пускаю теплую воду, вспоминаю, как вчера я здесь купался с покладистой и полуживой Снежной Королевой. Оказывается, чтобы сбить спесь с этой дамы, нужно хорошо ее оттрахать. Улыбаюсь, как полный идиот. Как же ночью было хорошо. Хоть и случился форс-мажор, и я под градусом наплевал на защиту, понимал, что замешкайся, и девчонка соскочит. А хотелось просто нестерпимо, сначала на нервах, думал прибью, но эти чертовы огромные глаза, сверкающими молниями пробили нутро до глубины отсутствия здравого смысла. Презервативы были в ящике в гардеробной, решил, что идти за ними чревато, так и уложил, пока завелась — кто не рискует, тот не пьет шампанского. И не пожалел. Не женщина, а извергающий вулкан.

Убирающая остатки ночной гулянки с террасы, горничная, отбивает желание зайти выпить кофе. На улице сыро, вот-вот пойдет дождь. Накидываю джинсовку и выхожу на улицу. На работе сегодня много забот, Гриша поехал к матери за город, она приболела, придется пахать за двоих.

Планировал, конечно, зайти к Лизе, но решил, что поговорить лучше вечером. То, что она ушла по-английски, не очень хороший знак. Вряд ли она за одну ночь перестала считать меня мудаком. Да и с чего бы? Хотя кайфовала подо мной впечатляюще. В жизни бы не сказал, что эта рассудительная барышня с гонором, такая заводная и чувственная в сексе, прямо удивлен.

Завожу машину и, взглянув на часы, ускоряюсь, похоже, на работе появлюсь позже всех. Как начальство, конечно, могу себе позволить, что часто и делаю, но в такие дни Ловцов приходит вовремя, его квартира находится в соседнем с офисом квартале.

Несмотря на то, что час пик прошел, из-за начинающегося дождя и ремонта дороги, приходится не ехать, а ползти. Включаю музыку и в десятый раз прокручиваю вчерашнюю встречу с Разумовским.

— Ты знаешь, что у Плотникова есть турецкое гражданство? — начинает он наш диалог

с вопроса.

Вид у него осунувшийся, видать и правда, переживает по поводу всей этой бодяги. Мы сидим у них в офисе, в кабинете Лизы. Это я понимаю по яркой цветовой гамме свежего ремонта и некоторым мелочам, расставленным на столе и полках. Раньше здесь был его кабинет, видимо, сейчас нет необходимости сюда кататься, Снежина все тянет и сама.

— Знаю. Мы это уже выяснили. Вопрос — почему не от тебя?

— Есть определенные причины. Я думал найду его первым.

— У тебя, что, бл*дь, агентурная сеть? Как ты его ищешь?

Я раздражаюсь, и старик пытается сгладить углы.

— Есть люди, которые его отслеживают определенным образом. Он о них не знает, я так, по крайней мере, думал. Но он и их обманул, поэтому я понял, что побег спланированный. Не сказал, потому что люди из органов, я с ними давно работаю. Вернее, не с ними, а под ними. Они когда-то пошли навстречу мне по вопросам сына, до сих пор отрабатываю... Сам понимаешь, светить не могу.

— Так ты под ментами работаешь? Я думал таможенники крышуют. Сколько им отдаешь?

— Пятьдесят процентов. Но даже не проси сливать, не скажу кто. Это тебя не касается.

— То есть бабки брать они не стесняются, а решать проблемы, когда они случаются, не собираются? Х*ровая у тебя крыша, Всеволод Иванович.

— У меня не было выбора. Или ты думаешь я сам эту тему замутил? Подсадили на крючок, когда узнали, что я с Плотниковым сблизился. Он та еще устрица, многое в жизни прошел, в этих делах прожженный. Я тогда не знал, чем он занимался до знакомства со мной.

— Ладно, давай ближе к делу. Ты сказал есть информация.

Я подхожу к окну, рассматриваю поток машин внизу, морозящий дождь и верхушку Останкинской башни вдалеке.

— Так вот! Мне сообщили, что Плотников положил деньги на свой личный счет в Анкаре, а отследить его в другой стране не представляется возможным.

— Это я тоже знаю. Башир позвонил по дороге сюда.

Он растерянно хлопает глазами.

— Получается, что деньги нашлись, но пока мы не отыщем его, забрать их невозможно, — разочарованно констатирует старик.

— Это я и без тебя понимаю. Ты мне официально заявляешь, что обломался с поисками?

— У меня больше нет рычагов, чтобы его найти...

— У него есть дочь, живет в Канаде. Что ты об этом знаешь?

— Он с ней не общается. Бросил жену с ребенком, когда та едва родила. Там не стоит рыть.

— А если решил на старость откупиться?

— Он много раз пытался сблизиться или хотя бы помочь. Дочка его всегда отшивала в жесткой форме.

— Знаешь, что мне больше всего не нравится в этой истории? Твои мутки. Либо ты рассказываешь мне абсолютно все, либо я заканчиваю помогать тебе с поисками, и ты мне отдаешь бабки. Меня не колышет, где ты их возьмешь.

— Я не вру. Ты же понимаешь, что мне крайне важно его найти.

— Тогда расскажи, что за квартира племяннице? И какое отношение она имеет к моим деньгам?

— Я дал Плотникову доверенность для банка на сумму больше, чем твоя. Он должен был привезти деньги и мне. Я присмотрел Лизе квартиру. Ей замуж пора, засиделась она уже. Говорит, неудачный брак отбил охоту вообще от семейной жизни. Но так ведь нельзя, я старый уже, хочу и внуков увидеть, и ее устроить в жизни. И так много времени потерял, много ошибок совершил, хочу все изменить. А куда она мужчину приведет? Ко мне под крышу? Вот и решил, как-то подтолкнуть ее, сюрприз хотел сделать, а он и мои деньги украл. Тот телефон, по которому я держал с ним связь на случай форс-мажоров, у него тоже отключен. Мои сообщения он так и не прочитал.

— А почему ты умолчал об этом?

— Говорю же, хотел первым его найти. Ты же, если его найдешь, свои деньги заберешь, я не сомневаюсь. А мои двести тысяч долларов для вас ерунда — разок в Куршевель прокатиться, покуражиться. Плотникова либо посадите, либо сотрете с лица земли, а я свои деньги так и не верну.

— И ты правда думал, что мы не узнаем? Ты камикадзе? Со мной нельзя в такие игры играть, ты же знаешь! — получается мягче, чем хотелось бы. Повезло дураку старому, что Лиза за него так печется, а то бы разорвал уже.

— Макс, у меня больше никого нет, кроме племянницы. Я уже пожил, ради нее можно и рискнуть.

— Ты сейчас возвращаешь все вспять. Мне не нравится ход твоих мыслей. Раз так, мог рискнуть и с Плотниковым на пару.

— Нет. Даже если бы оставил все Лизе, то создал бы только ей дополнительные проблемы. Ты бы не пощадил...

— А должен?

— Нет... Макс, я хотел договориться...о ней..., - он нервно теребит уголок папки, лежащей на столе, не находя себе места.

— Говори.

— Отпусти ее, я не могу жить с тем, что она попала в твои лапы из-за моих дел. Я, получается, втянул ее в это дерьмо, мне не спится, не естся. Вчера я выставил на продажу дом, он, конечно, не перекроет всю сумму, но там останется не так много, давай оставляю тебе в залог турагентство. Оно много не стоит, конечно, но это единственный заработок племянницы, я выкуплю, обязательно.

— Допустим, не единственный. Есть еще бюро переводов.

— Это же копейки, сам понимаешь. Макс... ты заставил ее спать с тобой?

Лицо у Разумовского меняется в цвете, и выглядит как пожеванная калоша. Даже жаль его становится. Но, зная этого лиса, с ним нужно его же монетой. Все характеризуют его, как умного и хитрого. Разжалобить меня не удастся.

— Она тебе все расскажет сама, когда вернешь деньги.

— Значит, не отпустишь?

Игнорирую вопрос и выхожу из кабинета.

А этой же ночью понимаю, что наломал дров, переспав с ней, но если бы была возможность все открутить назад, то сделал бы тоже самое.

На работу добираюсь поздно, включаюсь в рабочий процесс и на время абстрагируюсь от всего, кроме дела.

Во второй половине дня, пересиливая себя, отпахиваю в зале. Обычно, тренажеры у меня три раза в неделю, но из-за того, что все пошло кувырком, сбился график, приходится улучать момент и перекладывать тренировки на свободное время.

Пока таскаю железо, Снежина ни на минуту не покидает мой мозг. Меня это выбешивает нереально, но отделаться от навязчивых мыслей не получается.

По пути домой ничего не меняется, откровения Разумовского насчет племянницы не дают покоя.

Значит, хочет купить квартиру, чтобы мужиков было куда привести. Интересный расклад. Представляю мужика, который приходит к ней, Лизу с каким-то мужиком рядом и меня безжалостно гасит эта мысль. Нет! Я не готов к такому раскладу. Что, мать твою, происходит с головой? Может, я заигрался в эту игру? Уверовал в ее безоговорочную принадлежность мне? Как вообще теперь жить под одной крышей?

Перед глазами проносятся картинки прошлой ночи. Ее пьяные от безумия глаза, соблазнительное тело и такой убаюкивающий, притягательный голос. Она даже стонет не так, как другие, слушал бы вечность. Мне совсем не нравится, что эта девушка занимает так много места в моей голове, но выкинуть ее оттуда я не в силах.

Лиза

На часах почти восемь вечера. Морозящий весь день дождь сводит с ума, от безделия я приготовила ужин. Даже самой не верится — пельмени. Я сто лет их не лепила, а тут решила скрасить вечер. Обычно я ужинаю в семь, но сегодня тянула до последнего, и полчаса назад, все-таки, поела.

Макса до сих пор нет. И хоть я весь день готовилась поговорить, к вечеру все заготовленные речи смешались в голове в единое месиво, даже не знаю, что из этого сказать, чтобы было доходчиво и коротко.

Вчера я настолько отпустила ситуацию, что, приняв душ в комнате Макса, капитулировала без разговоров и осталась ночевать в его кровати. Не было сил ни пререкаться, ни идти наверх.

Только утром пришло осознание. Боже, мы занимались сексом, оставив его гостей недоумевать на террасе. Когда они разошлись? Оба просто напрочь отключили голову, взрослые же люди.

Горничная, пришедшая, как никогда рано, завидев, как я выхожу из спальни хозяина, даже не удивилась, просто поздоровалась и пошла по своим делам. Значит, это обычная история в этом доме. Здесь перебивали многие, и я туда же. Как я вообще допустила подобное? Из-за него мой дядя сейчас в состоянии загнанной лани, с чувством вины передо мной, ищет огромную сумму денег, а я предаюсь утехам в его кровати. Дожилась, Лиза.

Звук открывающейся входной двери выводит меня из невеселых мыслей. И в ожидании того, что он войдет, почему-то, учащается пульс.

Макс, с мокрыми от дождя волосами и пакетом, в котором я по запаху, безошибочно угадываю дыню, заходит и серьезно смотрит мне в глаза.

— Привет, — кладет пакет на столешницу.

— Привет, — я сижу на диванчике, напротив вещающего фоном моим мыслям, телевизора.

— У тебя что-то вкусное пахнет, или я и с ужином пролетел? — говорит спокойно, готовый на любую мою реакцию.

— Пельмени будешь?

— Ого! Буду.

Я ставлю воду в кастрюле на плиту, достаю из холодильника разнос с пельменями, солю воду, отвернувшись к рабочей поверхности, делаю все, чтобы не встречаться с ним глазами. Почему? Потому что, когда он смотрит, это срабатывает, как гипноз, и я готова просто кинуться ему на шею, нужно признать очевидное.

Макс подходит помыть руки и касается меня локтем, делаю шаг в сторону, дала ведь себе установку — не допускать даже незначительного телесного контакта. Он замечает это движение.

— Лиза...

— Будут готовы через семь минут, — говорю, бросая пельмени в кастрюлю, помешиваю и не смотрю на Макса, вообще.

Он оставляет попытки заговорить со мной, садится за стойку и молча ждет ужин, наблюдая за моими действиями. Делаю еще нарезку из овощей, украшаю зеленью и подаю

сразу все.

Градов пробует, кивает.

— Вкусно, спасибо.

Ох, он и так умеет? Как в нем уживается чудовище, возомнившее себя Богом, и обычный мужчина, которому не чуждо ничто человеческое?

Он даже сам относит свою тарелку в мойку, а потом садится на высокий барный стул рядом со мной, предварительно пододвинув его максимально близко.

— Что происходит?

— Ничего не происходит.

— Ты сегодня другая...

— Я другая, а то, что вокруг — чертовски одинаково. Поэтому — ничего не происходит. Тот же забор в камерах по периметру, те же стены, тот же телевизор, где изо дня в день крутят одно и то же. Время остановилось, Градов! У меня! У тебя работа, движение, вечеринки, тебе не понять. Не стоит задавать вопрос ради вопроса. От моего ответа ничего не изменится.

Он какое-то время переваривает сказанное. Не то, чтобы он не понял, просто думает, какой ответ выбрать. У него, как у компьютера, готово сразу несколько, нужно только выбрать вариант.

— Я вчера с твоим родственником встречался, есть новости.

Макс сегодня тоже не такой, как обычно. Более сосредоточенный и серьезный. Я даже подвисяю, он никогда не делился новостями по этому делу. Что изменилось? Начинаю понимать, как женщины через постель добиваются своего.

— Расскажешь?

— Поехали, проедемся куда-нибудь и поговорим.

Что? Проедемся? Опять подстава или...

— На улице же дождь.

— Ты не хочешь? — на лице ни намек на неискренность или хитрость.

— Хочу.

— Тогда одевайся.

Но, отъехав от дома, Градов включает музыку, и мы молчим. Я не напрягаю, он о чем-то думает, а я с упоением рассматриваю мелькающие за стеклом машины, дома, заправки, магазины. Все, что встречается на пути, все банально, раньше мне казалось, что дождливая серая Москва — это совершенно неинтересно, а сейчас рассматриваю все по-новому, здесь просто кипит жизнь, в отличие от моей собственной.

Доехав до центра, не без пробок, конечно же, хотя даже они мне не испортили настроения, Макс оставляет машину, и мы идем к набережной.

— Куда мы идем? — улыбаюсь я.

Мряка так и не прекратилась, и наши лица и волосы блестят в свете ночных огней от воды, но ни меня, ни Макса это не смущает. Когда доходим до причала, понимаю, что он хочет устроить прогулку на трамвайчике по реке.

— Ничего себе, Градов! Небожитель поедет по реке с простолюдинами?

Он смеется, впервые за вечер выходит из задумчивости и молчаливости.

— Если честно, такое было давно, кажется, что в прошлой жизни.

Я каталась вот так лишь однажды, когда мы только переехали с Дорофеевой в столицу. Но тогда был день и полно народу. Сейчас, из-за дождя, мы отправляемся на полупустом

судне и меня это, признаться радует. Мы занимаем крайний столик с диванчиками, заказываем зеленый чай, пледы и любуемся ночными видами города. Болтаем ни о чем, о поездках за границу, отелях, курортах. Я отвлекаюсь и переключаюсь на другой лад. Это моя тема, я в ней, как рыба в воде. Макс тоже, но если я подкована больше теоретически, то он объездил уже пол земного шара.

— Ты обещал мне рассказать про встречу, — напоминаю, когда возникает пауза.

Он вздыхает.

— Деньги нашлись.

— Что? — а что я тогда делаю в твоём доме, хочется спросить мне.

— Человек Разумовского положил их на свой личный счет в Турции, а сам скрывается.

— То есть, они есть, но их нет...

— Совершенно верно.

— И какие перспективы поисков?

— Не могу спрогнозировать. Даже если найдем, по закону не докажем, что он их украл.

Он получил их в банке в законном порядке, по доверенности, вывез из страны нелегально и нелегально завез в другую. Концы в воду.

— Будешь применять нетрадиционные методы? — намекаю на то, что слышала их разговор с Баширом.

— Эта часть поисков тебя уже не касается.

— Ладно, давай о том, что касается меня. Сколько мне еще сидеть взаперти? Макс, я скоро свихнусь.

— Надеюсь, недолго.

— Довольно туманно, тебе не кажется?

Он разливает оставшийся в чайнике чай по чашкам.

— Дай мне немного времени, я не могу тебя пока отпустить. Я не верю Разумовскому. Вроде, все складно у него получается, но не верю. Ни ему, ни, тем более, тем, под кем он работает.

Встаю из-за столика и подхожу к борту. Из-за сырости ноги слегка окоченели, и плед, как ни кутаюсь, уже не спасает, продрогла. Безысходность снова сваливается тяжелым грузом, смотрю на огни набережной и хочется взвыть от неопределенности. Градов подходит сзади, накидывает свой плед сверху моего, обнимает и прижимается торсом к моей спине.

— Лиз, — говорит тихо, еле слышно, над моим ухом — ну хочешь, будем выезжать куда-то вечером, после работы... и в выходные.

— У меня появился выбор? — безучастно спрашиваю я.

Некоторое время он молчит, просто прижимает к себе. Мне горько, но, черт возьми, болезненно приятно в объятиях этого сильного, властного мужчины. Сейчас особенно, когда я знаю, какой он может быть нежный, и какое наслаждение может подарить.

Когда эти руки разворачивают меня к себе лицом, больше всего я боюсь заплакать. До этого вечера я жила ожиданием, что деньги найдутся и все закончится. Теперь они нашлись, но на поиски укравшего их человека могут уйти месяцы. Какой будет моя жизнь? К этому всему еще прибавляется возникшее внезапно, можно сказать, обрушившееся на голову, прозрение — меня безрассудно тянет к этому мужчине, не взирая на внутренние запреты и все барьеры, которые нас разделяют.

— Это нужно пережить, Лиза. Мне тоже это все не приносит удовольствия, поверь.

По дороге назад Градов пытается заговорить о чем-то отстраненном, но я отвечаю односложно и даю понять, что не хочу разговаривать. В итоге, он сдается и умолкает, до самого дома едем каждый в своих мыслях.

Уже на крыльце дома я останавливаюсь и решаю расставить точки.

— Макс, ...то, что произошло ночью, было неправильно.

И пока я подбираю слова для следующей фразы, он заправляет мои волосы за ухо и уверенно отвечает.

— То, что произошло ночью, было восхитительно. А все остальное, что ты хочешь мне сейчас сказать — внутренние ограничения, живущие в нашей голове, навязанные обществом и окружением. В последние годы борюсь с этим, и по правде, не всегда получается. Поэтому понимаю тебя. Боишься, что это повторится?

— Да.

— Когда люди со взаимным влечением живут под одной крышей, трудно пообещать, что между ними ничего не произойдет. Ты же хочешь обещаний от меня?

— Даже больше — гарантий.

— Ты сейчас сама хочешь того, о чем просишь? Мм? Или, посредством моих гарантий, лишаешь себя выбора и ответственности за свои желания?

Он попадает прямо в точку. Было бы легче, если бы он сдержал обещание и не прикасался ко мне, я бы первая не решилась, меня воспитали так, что это непристойно.

— Макс, между нами ничего не может быть! Я твоя заложница и это мерзко. Ты, не задумываясь, разоришь нас, если дядя не отдаст деньги. Теперь он тем более, не сможет их отдать. Чем бы не закончилась эта история, друзьями мы уже не станем. Как мне на себя в зеркало потом смотреть?

— Эта история моя с Разумовским, ты в ней не фигурант.

— Но ты сам меня в нее втянул. Нельзя в этой жизни мыслить только желаниями, и не все барьеры возводим мы. Порой судьба их строит за нас, да так, что не совладать... Мы по разные стороны, понимаешь?

Он кивает, кладет в мою ладонь ключи от дома, зажимает в кулаке.

— Спокойной ночи.

И уходит по аллее прочь. Я стою, не дыша, на крыльце, пока звук отъезжающей машины не теряется где-то вдалеке. Потом открываю дверь, в темноте прохожу в гостиную, падаю на диван и плачу. Я была готова даже к скандалу, но что он уедет и снова оставит меня одну... Это последняя капля, кажется, больше нет сил, разбиваюсь о стену из боли и безысходности, и распадаюсь на обломки.

Лиза

Утром доставка привезла продукты. Охранник, занеся их на кухню, сообщил, что, если мне еще что-нибудь нужно, чтобы сказала ему и все доставят. Пасмурная, хоть и теплая, погода оптимизма не прибавляет. Все по накатанной — завтрак, мойка посуды, готовка. Сегодня ограничилась шарлоткой, на большее меня не хватило, все валится из рук. К обеду просто едет крыша. Побродив без дела по комнатам, захожу напоследок в спальню Макса.

Каждая деталь возвращает мыслями к нашей ночи. Кровать, кресло, на котором, проснувшись, заметила свой халат и его вещи, которые он сложил уже после того, как я уснула. Просторная душевая кабина, после секса он меня целовал еще и здесь, податливую и впечатленную первым в моей жизни оргазмом. Никогда не испытывала ничего прекраснее. При воспоминании об этом, внизу живота начинает ныть. Ситуацию усугубляет его запах повсюду, его аура. В этой спальне все стильно и практично. Только нужные вещи в интерьере, ничего лишнего на мебели, абсолютный минимализм при всей дороговизне наполнения.

Комната под стать хозяину. У Градова не существует полумер: или так, как нужно ему, или никак. Любой ценой он должен контролировать ситуацию и добиваться желаемого, и мы с дядей Севой имели несчастье угодить под этот каток. А я еще умудрилась запасть на него.

Слышу звук подъехавшей машины и быстро убираюсь из комнаты. Еле успеваю запрыгнуть в гостиной на диван и включить первый попавшийся канал.

— Привет, я ненадолго, только документы возьму, — даже не глядя на меня, Макс проходит мимо в кабинет.

Опять ненадолго? Боже, за что мне это все? Я скоро начну биться головой о стену. Ухожу на кухню, иначе не выдержу и начну при нем скулить. А сейчас мне меньше всего хочется его о чем-то просить, сама же требовала от него гарантий, что у нас ничего не будет. Получай — решил вопрос четко и кардинально. И самое неприятное, что я осознаю, что не хочу, чтобы он уезжал. Не только потому, что не могу больше быть одна, находиться в заточении. Потому, что хочу, чтобы остался со мной. Просто полное безрассудство, невменяемость, даже. Но так я сейчас чувствую, и сама себя презираю за это малодушие.

В кабинете Макс задерживается дольше, чем я предполагала. Не знаю причин, возможно виной телефонный звонок. Когда я поднимаюсь наверх, пройдя мимо кабинета, улавливаю далекие звуки его голоса. Специально открываю окно, чтобы услышать, когда он уедет, но за воротами ничего не происходит. Его машина точно не отъезжала, ее звук я узнаю из тысячи.

А где-то через полчаса внизу, в гостиной, на повышенных тонах раздаются мужские голоса. Со стучащим невпопад сердцем, спускаюсь вниз и стопорюсь на последней ступеньке, с которой меня не видно спорящим. Зато я вижу их прекрасно. Злой Градов-старший, узнаю его благодаря той фотографии в кабинете, жестикулируя руками, предъявляет претензии сыну, не церемонясь в выражениях и невзирая, что тот на целую голову выше, да и больше, хоть мужчина сложен неплохо, до размеров отпрыска не дотягивает.

— То есть, это неправда и девчонка, живущая в твоём доме, не заложница? И трахается

с тобой исключительно из собственного желания?

— Все верно, — удивляюсь спокойствию Градова, хотя возможно, оно напускное, его лица я не вижу.

Зато перекошенное отцовское не оставляет надежд, что он поверил.

— Максим! Это ты матери можешь своей байки рассказывать, она поверит. А я знаю тебя, как облупленного, у тебя телки дольше ночи не задерживаются, а эта у тебя больше недели живет под замком!

— Кто сказал, что она под замком? — Макс тоже переходит на повышенный тон.

— Тому, кто сказал, я верю! Ты даже прислуге запретил с ней разговаривать и телефона у нее нет. Горничная, когда убирала, охренела — первый раз видела человека без телефона, в одном комплекте одежды и с одним саквояжем!

— С*ка! Она случайно, не к тебе на работу устроилась, после того, как рассчиталась? Или ты ей платил за информацию?

— Никому я не платил, так получилось, что узнал! Ты хоть понимаешь, что будет, если пойдет хотя бы слух о таких вещах? У меня, твою мать, выборы на носу, ты что творишь?! Куда опять вляпался?!

— Пап, я давно сам разгребаю свои проблемы, не нужно сейчас нагнетать, если куда вляпаюсь, все решу. А девушка просто у меня живет.

— Кто она вообще такая?

Как стояла, в одном халате, слава Богу, сегодня в белье, спускаюсь к ним. Ноги сами несут спасать ситуацию. Макс поднимает глаза и перестает дышать. Старший Градов умолкает, заинтересованно осматривает меня с ног до головы.

— Здравствуйте, — улыбаюсь я.

— Добрый день, — мужчина не сводит с меня глаз, пока я подхожу к Максиму.

— Привет, дорогой, — целую его в щеку — не слышала, когда ты пришел.

Он смотрит мне в глаза, принимает игру и обнимет за талию.

— Привет, думал спишь, не хотел будить. Пап, познакомься, это Лиза, а это мой отец Николай Семенович.

— Очень приятно, — стараюсь выглядеть естественной.

— Мне тоже очень приятно... — Николай Семенович, сбит с толку, а может, под впечатлением от моего голоса. Мне все говорят, что он располагает с первых звуков.

— Я не вовремя? — обращаюсь к Максиму.

— Вовремя, — улыбается он.

— Может кофе? Я шарлотку испекла — обращаюсь к Градову-старшему.

— С удовольствием, — все еще не может переключиться на нужный лад он. Явно обескуражен.

Накрываю на стол, кроме пирога, ставлю еще тарелку с фруктами и жалею, что сегодня ничего не приготовила.

Господин депутат оказывается довольно простым в общении человеком, я бы даже сказала, в доску своим. Обсуждаем погоду, мужчины обмениваются мнениями по поводу предстоящих выборов. После отец Макса интересуется, чем я занимаюсь, а когда рассказываю, обещает в следующий раз поехать на отдых исключительно через наше агентство.

— Приходите, обслужим по высшему разряду.

— А когда он у тебя будет, этот отдых? — говорит Макс — Ты что-то совсем

заработался. В прошлом году, кажется, осенью последний раз ездил на Бали?

— Да. Но что поделаешь, иногда нужно чем-то жертвовать. Сейчас жаркая пора, выборы. Вот закончатся, и на юга, кости прогревать. А вы, кстати, в бассейне уже купались? Открыли сезон?

Прожевывая очередной кусок шарлотки, он смотрит на меня и мне приходится отдуваться.

— Открыли. Плавали по утрам, когда погода была солнечная.

— И что, Максим поделился с тобой бассейном? — смеется он — С детства любит плавать исключительно один, чтобы никого рядом, даже Артура умудрялся выжить любимыми путями.

— Мы по очереди, — весело, в тон ему, говорю я — пока я плаваю, Макс отжимается.

Градов кидает на меня озорной взгляд, и с пониманием того, что я за ним наблюдала, растягивает губы в улыбке. Я улыбаюсь в ответ с вызовом, мол — ну и что, зато ты оценил мою шутку.

— Эх, молодежь! Хорошо тут у вас, но мне пора, — поднимается Николай Семенович. Проведешь?

Обращается к сыну, а мне подает руку, выйдя из-за стола:

— Лиза, у нас на днях намечается семейный пикник на даче, я очень хотел бы видеть вас с сыном в гостях. Отказы не принимаются!

Поднимаю на Макса глаза, тут уж точно должен вступить он.

— Мы приедем, — ошарашивает меня, — только бы погода наладилась.

— Ева сказала, что прогноз обещает жару. До свидания, был рад знакомству.

— Взаимно. Всего доброго.

Они уходят на улицу, а я остаюсь прибраться со стола.

Не знаю, правильно ли я поступила? Ведь если все выяснится, то не только Макс, но и я окажусь не в очень выгодном положении. Не хотелось бы, чтобы Николай Семенович узнал, что за шоу мы тут устроили.

Когда Градов возвращается, на кухне идеальная чистота, все как он любит. Я не продолжаю играть хозяйку, просто нужно было чем-то занять себя.

Несмотря на то, что вышел он веселым, сейчас вижу перед собой серьезное лицо, не понимаю такой перемены.

— Зачем ты это сделала?

— Не нужно было? — тух-тух, делает прыжок сердце.

— Я не об этом сейчас. Спасибо, ты мне очень помогла... Но я хочу понять почему?

Теряюсь, сама не знаю почему. Ведь это был шанс, скажи хоть слово его отцу, сегодня могло все закончиться, возможно, я была бы уже на свободе.

— Лиза! — он берет меня за плечи, заглядывает в глаза.

— Я не знаю, — не в силах выдержать этот взгляд, отвожу свой в сторону.

— Давай я тебе подскажу, — говорит Градов, зарывается ладонью в мои волосы и накрывает мой рот поцелуем.

Я не могу сопротивляться, я так за ним соскучилась. Его язык сплетается с моим, рука спускается ниже талии и сжимает ягодицу. Я плавлюсь, как шоколад под жарким солнцем, и не в состоянии остановиться. Умом понимаю, а тело просит большего. Он поднимает и усаживает меня на стол. Халат, съехавший и распахнувшийся, где только можно, все же, мешая Градову добраться до трусиков.

Треск ткани, клапти халата летят на пол, белье тоже. Сдираю его футболку, стону от его пальцев у меня между ног. Губы находят сосок, несколько чувственных движений и я взлетаю, он теребит горошинку языком, потом прижимает зубами.

— Макс, Божее! Маакс!

Громкое страстное дыхание, ласкающие руки, обжигающие губы — меня сводит с ума этот коктейль эйфории и возбуждения.

Макс отодвигает меня дальше по столешнице, раскладывает на спину и неспеша, разводит мои ноги.

— Полетели? — подмигивает мне и припадает языком к промежности.

— Ааай! Даа! — мои эмоции все громче. Непередаваемое блаженство.

Он добавляет в это действие большой палец и принимается ласкать клитор. Мне даже дышать становится тяжело, внутри что-то срабатывает, как закручивающаяся спираль, тело превращается в сплошной сгусток дикого желания разрядки. Градов добирается рукой до груди, сжимает, при этом сосок попадает между пальцев, и меня начинает потряхивать. От невероятно умелых движений его языка, слетаю с катушек — извиваюсь, стону, искрю, еще немного и улечу.

Макс поднимается, вгоняет в меня пальцы и за пару десятков толчков доводит меня до края. Подступающие спазмы учащаются, спираль раскручивается, и я громко стону от взрыва и последующего за ним экстаза.

Придя в себя, обнаруживаю, что лежу на боку. Градов сидит рядом на краю стола и поглаживает меня по бедру. Из-за слабости в теле хочется полежать, но я поднимаюсь, становится даже неловко от этой картины. Столешница и ноги в моих выделениях, мне, оказывается, жестко и некомфортно. А еще пару минут назад я этого совершенно не замечала. Боже, он за каких-то пятнадцать минут довел меня до оргазма. Шок сменяется приходом здравого смысла. Макс, наблюдавший за всем молча и хрипло дыша, помогает мне подняться, а когда я оказываюсь на полу, замечаю его сумасшедшую эрекцию, выпирающую из джинсов. Черт, он же до сих пор в штанах, это я улетела, а он остался за бортом, сознательно.

Поднимаю на него глаза, сглатываю.

— Мне снова нужна твоя помощь. Тут без тебя точно никак, — смотрит умоляюще.

— Идем на мягкое, — предлагаю я.

Он тянет меня за руку из кухни, но до спальни мы так и не доходим. Останавливаемся возле дивана в гостиной. Макс снимает одежду, ставит меня на коленки и резко с рыком, входит. После нескольких толчков я снова завожусь. Что со мной делает этот мужчина? Как такое может быть? Он больше не нежничает, жестко трахает, зафиксировав руками мои бедра, ускоряется, еще и еще. С каждым толчком я издаю короткие мычащие звуки, дальше громче, перехожу на стон, потом на крик, Макс не отстает. Я раскачиваюсь и двигаюсь ему в такт, мне мало, я хочу больше.

— Бл*дь, Лиза, ты нереальная! Давай, моя хорошая, давай!

Он на грани, но ждет, пока и я подойду к пику. И да, это случается снова. Звезды сыплются из глаз, погружаюсь в вакуум, я кончаю и мой мужчина, с чувством выполненного долга, со стоном удовлетворения, забрызгивает спермой мои ягодицы и падает рядом.

Облокачиваюсь на него, мускулистая рука обнимает и притягивает к себе. Запрокидываю голову ему на плечо и наслаждаюсь послевкусием. Такое ощущение, что я открыла для себя новый мир, и мне в нем невероятно хорошо.

Мы так и сидим в тишине, откинувшись на подушки, некоторое время. Вспоминаю слова бабушки, что если тебе с мужчиной хорошо молчать, то это твой мужчина. К сожалению, не мой.

— Пойдешь со мной в душ? — выходит из неги Градов.

— Угу, — мне даже говорить лень.

Макс выходит из кабинки первый, вытирается и идет в комнату. Я задерживаюсь, люблю постоять под теплыми струями подольше.

Когда я, завернутая в полотенце и с чалмой на голове, выхожу из ванной комнаты, он разговаривает по телефону.

— Хорошо. Приезжай, если так напрягает. Пару дней ничего не решит.

— Но вылет только вечером, может завтра еще что прояснится, — слышу из трубки.

— Ладно, звони.

Я не уверена, но мне кажется, это Башир. Не хочу даже спрашивать, ничего не хочу. Просто боюсь поспорить, и он уедет. Я не готова сегодня остаться одна, мое терпение на грани предела. Я боюсь за свою психику. Или просто не хочу его отпускать...

— Ты разорвал мой халат, — облакачиваюсь плечом о выступ стены.

— Возьми рубашку, — кивает это стихийное бедствие на гардеробную.

Выбираю белую, из плотной ткани рубаху, накидываю, закатываю рукава, сидит классно. Вдыхаю — кайф, пахнет Градовым.

Выхожу, залезаю к нему на кровать и сажусь напротив в позу лотоса. Он лежит, лениво наблюдая за моими передвижениями.

— Так почему ты отмазала меня перед отцом? — умиротворенно глядя мне в глаза, закидывает ногу на ногу и скрещивает руки на груди.

— Я не знаю. Не думала в тот момент, услышала, о чем речь и помчалась тебя спасать. Глупо, да?

— Угу. Но это самая лучшая глупость, которую мне приходилось встречать у женщины. Я оценил.

— Макс...

— Шшш! Лиз, не нужно сегодня серьезных разговоров, не усложняй, прошу. Давай лучше отдохнем, а потом съездим куда-нибудь, поужинаем?

— Давай, — соглашаюсь.

Так надоела монотонность и скука, сейчас просто хочется отпустить тормоз и катиться, катиться, пусть вниз, пусть все неправильно. Хочу снова почувствовать себя живой.

Макс

Какой дурак назначает рабочие встречи на девять утра? Мерзкий циклон, никак не желающий покидать город, желание поспать и скверное настроение не перекрыть ничем — ни чашкой любимого кофе перед выходом из дома, ни видом, оставшейся спать в моей кровати, красивой и соблазнительной девушки.

Включаю зажигание, следом дворники и еду на переговоры. Гриша должен подтянуться в ресторан бизнес-центра с опозданием, так что мне нужно быть вовремя.

Неприятное душевное состояние тяготит и отвлекает от дел. Никогда такого не было, все мысли крутятся в одном направлении. Я снова запер Лизу одну. Казалось, нет у меня чувства жалости и сентиментальности. Но сейчас скребущие душу кошки, настолько явно не дают мне свободно дышать, что впервые в жизни я сомневаюсь в своих решениях и поступках.

К сожалению, не всегда удается поступать так, как считаешь правильным, не причинив боли другому. Но если раньше меня не заботило это обстоятельство, то сегодня я чувствую угрызения совести. Да-да, оказывается, во мне еще сохранились ее остатки.

Рабочий день забит плотно, домой попаду только вечером. И черт знает, что она за это время себе надумает и как себя поведет. Обиженная женщина всегда опасно, а обиженная Лиза — взрывоопасно.

Эта заноза, единственная из всех, кто у меня был, а их было немало, кромсает все мои понятия, ценности, мои границы и убеждения, ни взирая ни на что. Поступает так, как считает нужным, говорит все, что думает, даже в заточении умудряется вынести мне мозг и вывести из себя. Но цепляет, пи*дец. Хрен ее знает, чем — характером, яркой внешностью или этим ее ангельским, бархатным голосом, просто наваждение какое-то.

В пелене тумана и мелкого морозящего по стеклам дождя, погружаюсь в события минувших суток. Когда она спустилась по ступенькам во время визита отца, я чуть не обмер, решил все — фиаско. Но когда понял, что она решила подыграть, ошалел, в себя пришел уже, когда пили кофе в унисон душевной беседе. Мне не давал покоя вопрос — почему? Раз ей так плохо здесь, почему? Догадывался, что запала, а вчера и сегодня ночью окончательно убедился.

После приезда из ресторана, у нас снова был секс. Не спонтанный, как до этого, а запланированный, долгий. Даже про презервативы не забыл.

Перед глазами встает картина, как Лиза опускается на колени и захватывает губами член. Твою мать! Сразу обдает жаром, и в штанах начинает ныть возбужденная плоть. Минет был оху*тельный, королевский, как все у Снежиной. Я знал темпераментных женщин, но Лиза какой-то особый экземпляр. Заводится мгновенно, настолько чувственная, что можно лишь прикосновениями довести до края. Хочется плюнуть на все, повернуть машину и помчаться назад к ней, в теплую постель, в шлейф запаха, нежного голоса, ощутить под руками гладкую, упругую кожу, насадить на член и трахать до умопомрачения. Бл*дь! Если бы не договорились с Ловцовым, что он задержится, так бы и сделал.

До вечера немного прихожу в себя, работа в офисе отвлекает и затягивает в паутину дел. Цифры требуют полного погружения, чем я и стараюсь заняться. Иногда выныриваю и жалею, что нет возможности просто нажать на вызов и спросить, как у нее дела. И, черт

возьми, мне очень хочется услышать, что она меня ждет.

Выехав из офиса, заказываю доставку из любимого ресторана. Хотя Лиза могла и приготовить что-то. Но лучше отдам охраннику, если так. А если Королева в настроении, то совместный ужин с бутылкой вина, будет не лишним.

Натыкаюсь на нее сразу в гостиной. На ней домашний костюм цвета фуксии — шорты и короткая кофточка. Один ее край небрежно спадает и открывает плечо с белой бретелькой от лифчика. Одного взгляда хватает, чтобы меня коротнуло.

— Привет, — снимаю пиджак, сажусь рядом и притягиваю ее к себе.

— Привет, — похоже не в настроении. Хотя не отстраняется, когда целую в щеку.

— Я очень старался приехать быстрее, но сегодня плотный день выдался.

— Ты оправдываешься? У тебя каждый день плотный, иногда переходящий в плотную ночь. Я привыкаю, все идет по плану.

— Лиза, я не могу не ездить на работу.

— Конечно не можешь, а я вот могу. Даже не знаю, что там думают мои подчиненные о моем исчезновении. И, знаешь, ведь получается, ничего без меня не встало. И, даже если я здесь останусь навсегда, у всех жизнь будет бить ключом, ничего не изменится. Обо мне даже забудут со временем. Кроме ненавистного тебе Разумовского. А я, развлекаясь с тобой в постели, предаю единственного человека, который еще помнит, что я здесь и пытается вытащить.

Она встает с дивана и, с чувством смиренной безысходности, и достойным спокойствием, гасит пультом экран телевизора.

— На ужин только яичница.

— Давай.

Кажется, охраннику сегодня с ужином повезло больше, чем мне. Я уже даже не заикаюсь по этому поводу, пока Лиза идет на кухню готовить, тащусь за ней, отправляю ему смс, чтобы забрал доставку себе.

Яичница оказывается шедевром с беконом, помидорами, сыром и зеленью, вкусно и сытно. Без вина и мяса по-французски, которое уплетает мой рабочий, ну и фиг с ним. Сидя напротив и наблюдая, с каким аппетитом я это поглощаю, моя пленница немного остывает.

— В прогнозе погоды сказали, дождь сегодня последний день.

— Угу, и он решил напоследок затопить нас ливнем, — поворачиваю голову на панорамное окно. Там действительно льет, как из ведра, воды настолько много, что она даже не уходит с террасы. Газон затоплен, а на плитке виден поток в виде бушующей реки, которая уносится в стоковые отверстия. Где-то в гостиной раздается звонок моего мобильного, и я спешу туда. Башир.

— Привет, есть новости.

— Здорово, валяй, — подхожу к окну, молния разрезает небо и освещает периметр ярким светом.

— Плотников блаблакаром выехал из Турции в Болгарию. А дальше оттуда вылетел в Испанию. Дальше ниточки обрываются. Но самое интересное, что в аэропорту Коста Брава он приземлился за два часа до рейса Снежиной в Москву.

Что-то неприятно дергается в горле и кровь ударяет в виски.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Чем не вариант, что Снежина замутила все это с Плотниковым в обход Разумовского? Он положил деньги на счет и свалил. Они встретились в аэропорту, обсудили

дальнейшие действия. Племянница, вся белая и пушистая, приехала с курорта домой, а он затерялся на время где-то в Испании. Она получит часть денег, а старый дурак отдаст за нее долги. Только, по ходу, у них затык. Она же сидит без связи у тебя?

— Да, — одна рука крепче стискивает телефон, другая сжимается в кулак, а внутри пробегает холодок, набирает объема и распространяется по всему телу, вводя организм в ступор.

— Поэтому он и залег на дно. Они не могут связаться.

Нет! Я отказываюсь в это верить, только не это. Но как же, мать твою, складываются пазлы.

— Ладно ей, а ему это зачем?

— Ты же мне сам сказал, что врачи дали ему всего ничего. Надоело по свету колесить, работа нелегкая. Ему вообще летать не желательно. Что-то заработал, остальное украл. Так и доживет в каком-нибудь Аликанте до смерти, ни в чем не нуждаясь. Будет есть апельсины и купаться в море. Так что, потряси эту Снежину. Мне кажется, ее частью работы был старик, чтобы не оставлять ей долги, он вывернется, но отдаст. Она как там, поняла серьезность своего положения? Готова говорить?

— Ты во сколько вылетаешь? — перевожу разговор на другую тему, в ушах набатом бьют колокола, разрушая все, что наслоилось в моей голове за эти дни.

— Через час вылет, выезжаю в аэропорт. Завтра сделка в четырнадцать, ты наличные, кстати, нашел? А то продавца другой покупатель чуть не перехватил, хорошо, меня проинформировали. Так бы и клуб просрали.

— Нашел. До завтра.

Отключаюсь, бросаю трубку на диван и, с трудом понимаю, что мне делать. Мозг отказывается принимать такой неожиданный поворот событий. Вспоминаю хоть что-то, что может подтвердить или опровергнуть версию Башира. Что она искала в моем кабинете? Может, средство связи? Не провернула ли что-либо, когда выезжала в торговый центр за покупками? В остальном казалась искренней. Нет, невозможно так сыграть. Или возможно? Отца очаровала за пять минут, да и меня в нокаут отправила. Есть в мире еще такая баба, из-за которой бы я отказался от нормального ужина и жрал яичницу?

Захожу на кухню, все убрано и перемыто, по полу ездит робот-пылесос, а Лиза задвигает стулья под стойку. Едва взглянув на меня, она сразу транслирует тревогу. Видимо, все написано у меня на лице.

— Перед вылетом из Коста Брава ты встречалась с кем-нибудь в аэропорту?

— С кем я там могла встречаться?

— С Плотниковым.

— Кто такой Плотников?

— Ну хватит! В твоем случае лучше будет все рассказать самой.

— Что рассказать? Я не понимаю, чего ты хочешь от меня?

Она испугана и это работает как спусковой крючок, мне кажется, еще немного и дождю.

— Сейчас проверяется версия о том, что ты в сговоре с Плотниковым, человеком Разумовского, устроили кражу денег с его счетов, ты встретила с ним перед вылетом с Испании, куда уехала, чтобы отвезти от себя подозрение, и обсудили дальнейшие планы. Родственника подставили, перекинув на него решение этой проблемы, а дальше должны были поделить эту сумму. Ты чистая, Плотникова не найдут, а этот лох разгребет.

Делаю к ней шаг, оторопевшая Снежина, отступает назад, в ее глазах страх, она

сглатывает.

— Макс, что ты несешь? — Она машинально выставляет руку вперед, я останавливаюсь.

— Если эта информация подтвердится, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю!

Не контролирую ни голос, ни интонацию. Мне плевать на эти деньги, мне уже даже плевать, что меня кинули. Меня разрывает от мысли, что все это время, я все дальше и глубже впускал ее в свою жизнь, я буквально начал сходить с ума, она стала потребностью номер один. А она в это время дурачила меня и за спиной продолжала строить собственные планы.

— Если тот, кто придумал эту дичь, грамотно ее тебе преподнесет, то конечно, ты согласишься в его версию! Это же проще всего, Плотникова нужно искать, а я здесь. Меня можно наказать и закрыть вопрос, правильно?

Слезы брызгают из ее глаз и крупными горошинами скатываются по щекам. Я стопорюсь, впервые вижу ее в слезах, какой-то тормоз щелкает в голове, я пережестил. Она испуганна в смерть.

— Ведь дело не в деньгах? Дело в твоём незыблемом авторитете? Сейчас главное назначить виновного?

— Не бывает таких совпадений, вы оказались в один день, в одно время в одном аэропорту. Ты, бл*дь, можешь это объяснить?!

Мы говорим на повышенных, всякие приличия уже летят в тартарары.

— Нет! Не могу! И не стану! Мне нечего тебе сказать! Хочешь убей меня, прямо здесь, и никто никогда не узнает, куда я исчезла! А признаваться мне не в чем!

Она срывается с места и быстрым шагом выходит на террасу, оставляя дверь открытой. А потом выскакивает под ливень, как есть, в тонком костюме, мгновенно намокает и быстрыми шагами, удаляется по газону в темноту сада. Куда ж тебя несет?

Я выбегаю следом, темень, вкупе с дождевыми потоками, сводят видимость к нулю, иду по памяти в ту сторону, куда она убежала.

— Лиза!

В ответ лишь шум падающей воды, ветра и грома где-то вдаль.

— Лиза! Вернись в дом, простудишься! Хватит, не дури!

Упорное молчание выводит меня из себя, если найду, ей Богу, отшлепаю.

Вспышка молнии освещает сад, и я вижу под деревом прислонившуюся к стволу фигуру. Обняв себя за плечи и рыдая навзрыд, она стоит, прижавшись виском к дереву. Ее трясет, она в истерике. Иду туда.

— Зайди в дом, ты вся дрожишь! — беру ее за плечи.

— Катись к черту!

— Лиза, все, успокойся, — обнимаю, кутаю в объятиях, но ледяные струи обжигают пронизывающим холодом, одежда промокла насквозь у обоих.

— Как вы мне все надоели! — потоки ливня хлещут по щекам, стекают с волос, мы пощипываем в воде — Ты, твои друзья со своими дурацкими обвинениями, эта тюрьма, ежедневное одиночество! И всему ни конца, ни края!

Она кричит, выплевывая в лицо каждую фразу, в голосе такая горечь, что это просто невыносимо слышать. Я уже не верю в версию Башира, я готов верить ей безоговорочно, лишь бы она не выворачивала мою душу наизнанку. Она выглядит не просто жалко, она похожа на затравленного зверька, и это все сделал с ней я.

— Ты жестокий, бесчувственный кретин, уверовавший в свою правоту и безнаказанность! Ненавижу тебя!

Она пытается вырваться, а я не хочу отпускать. Понимаю, что это конец, моей она уже не будет. Невыносимая, разрывающая боль пронзает грудь, мне нечем крыть, заслужил.

— Больше не будет тюрьмы, сейчас соберешь свои вещи и поедешь домой, — говорю громко, пытаюсь достучаться сквозь ее истерику.

Она затихает в моих руках, поднимает глаза, заглядывает в мои не ослышалась ли.

— Что?

— Тебе нужно в горячий душ, приведешь себя в порядок, и я отпущу тебя.

Она не верит, ищет подвох в моих словах. Поднимаю на руки и несу в дом, дрожащими окоченевшими руками она цепляется за мою шею и умолкает.

На пол опускаю только в душевой ее комнаты. Дождевая вода все еще стекает на пол.

— Тебе помочь?

— Нет, — отвечает отрешенно.

Я выхожу и спускаюсь вниз. Вытираюсь полотенцем, душ оставляю на потом. Приношу из кабинета ее телефон, сажусь на диван в гостиной и жду, когда она спустится.

В голове кавардак, в висках барабанная дробь, а на душе подавленность и мрак.

Лиза

Горячая вода приводит меня в чувства, согревает тело и смывает следы моей истерики. Сейчас даже немного стыдно.

Я все еще не верю, что он выполнит свое обещание, но все равно, собираю свой кейс. Надеваю новые синие брюки, которые так и не пришлось надеть, и гольф пудрового цвета. Волосы просто вытираю, даже сушить нет желания. Накидываю свою неизменную джинсовую куртку, в которой приехала, и выхожу. Остальные купленные вещи мне не во что положить, и черт с ними, их не так и много.

Спускаюсь. Макс в мокрой одежде сидит на диване в гостиной. Мокрые волосы, как обычно, небрежно растрепаны, лицо серьезно, эмоций не разобрать.

— Готова?

— Да.

— Тебя отвезти?

— Нет, я вызову такси.

Он протягивает мой телефон. Не веря в происходящее, беру его, включаю, он тут же раздражается звуками смс, пришедших за это время. Дрожащими руками захожу в приложение, вбиваю адрес, здешний определяется автоматически. Мне пишут, что такси приедет через пять минут.

Не глядя на Градова, выхожу на улицу, даже не попрощавшись. Не могу представить, как прощаются в нашем случае. Он не выходит следом. Дожидаюсь на крыльце приехавшую машину и иду к воротам. Снова намокаю, хоть дождь уже гораздо меньше. Сердце гулко бьется, мне кажется, что это сон. Охранник открывает калитку, наверное, Градов дал распоряжение. Я выхожу, сажусь на заднее сидение такси и желтый Хюндай Солярис увозит меня прочь.

Все попытки водителя заговорить пресекаю парой односложных ответов. Отворачиваюсь к окну и, глядя на мелькающие мимо огоньки, погружаюсь в свои мысли.

Даже не верится, как все неожиданно закончилось, почему он меня отпустил? Пожалел, понял, что переборщил? В какой-то момент мне стало дико страшно, что он поверит в мою причастность, я так испугалась, что все внутри обдало льдом. Видеть Градова в гневе врагу не пожелаю. Бездумно выбежать на улицу получилось на инстинктах, сама от себя не ожидала. А потом эти его объятия, этот утешающий шепот, когда нес на руках. Что у него со мной за крайности?

Чувствую ли я облегчение? Нет. То ли от пережитых эмоций, то ли от того, что сейчас снова окунаться в эту историю и отвечать на вопросы дяди. Мне вообще не хочется никого ни видеть, ни слышать. Свой телефон я отключила, едва сев в такси, иначе посыплется град звонков всех, у кого я появилась в сети.

Открываю дверь своим ключом. В гостиной темно, а из кабинета просвечивается полоска яркого света.

Открываю дверь, дядя, что-то высматривающий на экране планшета, резко вскакивает и застывает. Я выгляжу не лучшим образом, его шок сменяется тревожным выражением.

— Здравствуй, дядя Сева.

— Лизонька! Девочка моя, — он кидается меня обнимать, сгребает крепко, почти

душит — тебя отпустили?

— Да.

— Что он с тобой сделал? Ты сама не своя, — сокрушается он, отстраняется, рассматривает, все еще держа за плечи.

— Со мной все нормально, я просто попала под дождь, — отвечаю безжизненным голосом.

— Почему он тебя отпустил, чем ты добиралась, что произошло? — засыпает меня вопросами родственник.

— Дядя Сева, я очень хочу к себе. Прости, не в состоянии сегодня говорить. Давай завтра?

— Хорошо, иди отдыхай. Я рад, что ты дома. Я так рад! — гладит меня по-отечески по спине.

Киваю, отпрянув, и иду в свою комнату. Уже в дверях слышу:

— Лиза! — оборачиваюсь — Он тебя обижал? Только честно.

— Нет...

Уже в постели меня догоняет мысль о том, что Макс зашел на кухню злой после звонка. Кто это был, Башир? Как вообще родилась такая версия? И смог бы Макс причинить мне вред, если бы они на ней остановились?

Долго лежу, не в состоянии уснуть. Перебираю в голове фрагменты прошедших дней, ощущение, что в этом доме прошла целая жизнь. Я никогда за такое короткое время не испытывала такой гаммы эмоций — от страха и ненависти, до счастья и полета в облака. При воспоминании о губах Градова, на моей коже, по телу расползаются мурашки.

Может, когда-то этот эпизод и станет прошлым, даже забудется. Скорее всего, так и случится, жизнь преподнесет новые эмоции, новых людей и новые планы. Но одно я знаю точно — Градова я не забуду никогда. Эту безрассудную страсть, этот порочный взгляд, силу и нежность в одном флаконе. Знаю, что было ошибкой утонуть в этом самообмане. Нельзя доверяться иллюзиям — за них всегда нужно расплачиваться. Вот и мне теперь жить с тем, что болит, но никому не видно.

***

За завтраком, выслушав историю родственника, мое душевное состояние приходит, прямо-таки, в упадок.

— Все деньги, что я скопил за жизнь, Андрей за последние несколько лет спустил практически полностью. Он даже начал выносить из дома Ириныны драгоценности. Я постоянно гасил за него долги, а он снова влипал во всевозможные истории. Мы пытались его лечить принудительно, но забрали из лечебницы после попытки суицида. Жена кричала мне в истерике, пусть и такой, лишь бы живой. Даже после похорон мне пришлось отдавать большие суммы его долгов. Все, что осталось — не так уж и много, но и это Плотников сумел откусить, — заканчивает он свой рассказ.

А я прихожу просто в ярость.

— Кто вообще такой этот Плотников? Как он дошел до мысли украсть и подставить того, с кем столько лет работал?

— Двенадцать лет назад я спас ему жизнь, он попал в аварию на безлюдной трассе. Когда я привез его в ближайшую больницу, оказалось, что у него никого нет. Мне пришлось оплатить ему операцию. Около полугода он провел в инвалидном кресле, заново учился ходить. К тому времени мы довольно тесно стали общаться. Я чувствовал какую-то

ответственность за него, даже не знаю, как объяснить. Он был благодарен. А потом у Андрея случились проблемы. Он познакомился в клубе с девочкой, угостил ее кокаином, а она принимала на тот момент препарат, несовместимый с наркотиком. Пока ее везли в больницу, она скончалась прямо в карете скорой помощи. Менты предложили замять дело на определенных условиях, я только потом понял почему. Плотников был у них под наблюдением все время, и я пришелся кстати. Он знает несколько языков, раньше работал темной лошадкой, связующим звеном между МВД и желающими решить свои вопросы. Незаконные, разумеется. Обрисовали схему ввоза валюты наличными, я работал с клиентами, принимал заказы, отвечал за все. А Плотников так и оставался невидимым. Но с ним никогда не было проблем, я просто не представляю, что его заставило так поступить.

— Где теперь найти такие деньги? Мы же можем его вечность искать. И счетчик включен, я правильно понимаю?

— Правильно... Я выставил на продажу дом, сниму все, что осталось на счетах. Но это не покроет всю сумму, около двадцати процентов придется где-то искать.

— Можем продать бабушкину квартиру.

— Нет, она не стоит больших денег. И она твоя, я не могу решать свои проблемы за твой счет. Но я что-нибудь придумаю. Главное, что ты вырвалась из рук этих варваров. Лиза, тебе нужно уехать, пока я не решу этот вопрос, спрятаться и переждать.

— Никуда я не поеду. От кого мне прятаться?

— Девочка моя, ты просто не понимаешь, на каких людей мы нарвались. Если он не успел тебя обидеть, это не значит, что Градов такой порядочный, просто он ждал, что вопрос решится без радикальных методов. Они безжалостные и мстительные. Эти его черкесы — Джамбаровы, да и сам Градов — жесткий, упрямый и свое не отдаст, с корнем выдерет.

— Черкес — это национальность или кличка?

— И то, и другое.

— Дядя Сева, ничего они мне не сделают. Если бы хотели, у Градова была масса возможностей.

— Услышь меня, Лизавета, это беспринципные люди, и у меня нет оправданий, я облажался, впервые в жизни. И я за тебя боюсь. Сроки вышли! Тебе нужно уехать!

— Я не боюсь их.

— Откуда такая уверенность, ты что-то не договариваешь?

Смотрю на него, и не знаю, как ответить. Совесть проклятым молоточком стучит по голове. Что мне сказать? Что пока он переживал и боялся за меня, я отдавалась Градову и кайфовала в его руках так, что забывала даже о том, что он наш враг? Что он абсолютно искренне уходил с головой в нашу эйфорию, и даже готов был ехать вместе на семейные посиделки? Что этот жесткий, по его словам человек, подарил мне за короткий срок больше нежности, чем бывший муж за год?

— Просто знаю и все...

***

— Просто охренеть, Элис! — не унимается Альбина после рассказа вкратце о моих приключениях.

Мы сидим на балконе ее съемной квартиры, переделанном под зону отдыха, с двумя удобными креслами-бочонками и столиком между ними, и допиваем бутылку Мандоро со льдом. На город спустилась ночь, и россыпь звезд на темном небосводе с шестнадцатого этажа кажутся ближе и ярче. Беру бокал, делаю глоток и рассматриваю их уже захмелевшим

взглядом.

— Самой не верится, что все это было еще вчера.

— И чем ты там целыми днями занималась?

— Сходила с ума. Ты же знаешь мое отношение к закрытым пространствам.

— А он? Как вы вообще жили под одной крышей? Не приставал хоть?

— Приставал...

— И как ты с этим справлялась? — подруга делает большие глаза.

— Я не справлялась, Альбин, я с ним спала... По собственному желанию, — добавляю.

увидев перед собой шокированное лицо.

Потерявшая дар речи, Дорофеева разливает остатки шампанского, ставит бутылку на пол.

— Давай выпьем, я уже ни хрена не понимаю.

— Давай, — усмехаюсь я.

— Я так понимаю, ты не жалеешь?

— Скажем так: я получила потрясающий опыт. Теперь я знаю, как должно быть.

— Ммм! Прямо так хорош?

— До одури и дрожи.

— Ты что, подруга, запала на него? Колись.

— Сегодня это уже не важно, я вернулась в свою жизнь. И, кстати, завтра на работу.

Давай ложиться спать. Мне от тебя в два раза дольше добираться.

Лиза

— Как прошел рабочий день? — с тоской в голосе спрашивает дядя за ужином.

— Нормально, только ты забыл меня предупредить, что сказал всем, что я задержалась в Испании, хорошо, я вовремя смекнула, что к чему.

— Точно, забыл. Тогда все было так суматошно, что я и сам уже запомнил, как тогда объяснил твое отсутствие.

— У тебя никаких подвижек? Что-то ты совсем не весел.

— У меня была встреча с Градовым.

Звук его фамилии бьет наотмашь. Задерживаю дыхание, уже понимая, что ничего хорошего не услышу.

— Он готов отменить пени и дает полгода на продажу дома, чтобы в спешке не отдавать за бесценок. Если найдет Плотникова первым, закроет остаток суммы, остальное вернет.

Он тормозит, впивается в меня взглядом и ждет реакцию. А у меня, кроме лихорадочно скачущих мыслей о том, что главного он еще не сказал, только чувство жара на щеках и в груди.

— Но за это я должен ему отдать турагентство, насовсем... А ты должна отработать управляющей ровно год. Потом, сможешь уйти, если захочешь... Ты ничего не хочешь мне рассказать, Лиза?

— Что рассказать? — сердце вырывается из груди, как я не стараюсь выглядеть спокойной, получается плохо.

— Что, вдруг, за лояльность? И на кой ему турагентство? У него один Биткойн стоит больше, чем все наши филиалы разом! Ему нужна ты. Что у вас там происходило, черт возьми?

— А если я откажусь? — игнорирую вопрос.

— Тогда включается пеня, растущая в геометрической прогрессии, мы лишаемся дома, без возможности подыскать хоть какое-то подходящее жилье за это время, и, если Плотников попадет ему в руки первым, в чем я не сомневаюсь, мы не увидим наши деньги. А еще ближайшие месяцы станут для меня адом, я не в том возрасте, чтобы ходить на отчет к тридцатидвухлетнему щенку и докладывать сколько я уже собрал, — зло выдает родственник.

— Значит, отработаю, а потом пусть катится со своими деньгами, агентством и дурацкими условиями!

— Что между вами было? — его пытливый взгляд заглядывает прямо в душу.

— Ничего, о чем стоило бы сейчас говорить.

— Я видел, как он тебя целовал у Бобровых на приеме.

— Это ничего не значит. Сейчас нам нужно организовать, пережить этот нелегкий период, рассчитаться с ним и забыть эту историю.

— Хорошо, — сдается дядя — рад, что для тебя семья не пустой звук. Завтра я представлю сотрудникам нового владельца. Подумай, что будешь отвечать, тебя ведь в последствии подчиненные засыплют вопросами.

— Я не собираюсь ни перед кем отчитываться. Если только Градов не скажет.

— Вот кто уж точно не снизойдет до объяснений.

***

Какого черта я так волнуюсь? Дядя Сева сказал, что они с Градовым будут в офисе в первой половине дня после сделки купли-продажи.

На мне сегодня бежевый костюм — офисные шорты с пиджаком из легкой ткани, белая майка на бретельках и туфли на устойчивом высоком каблуке на пару тонов темнее костюма. Спокойный макияж и высокий хвост, часы, небольшие сережки и любимый аромат. Все, как обычно, но на работу я собиралась как на собеседование, идиотка. Он в очередной раз ставит меня в условия, не давая выбора, вернее давая, но заранее понимая, что он добьется своего, а я кручусь перед зеркалом, конструируя идеальную картинку для его глаз. Господи, помоги! Я ведь на знаю, какой он начальник, судя по тому, как шуршит у него в доме прислуга, боясь сделать лишнее движение, даже когда он в отъезде, то может быть несладко и моим подчиненным, и мне в придачу.

Битый час, нервно теребя пальцами по подоконнику, стою и пялюсь в окно. Оно выходит во внутренний двор, все равно не увижу, как они подъедут, но настроиться на рабочий лад, да и вообще на что-либо, абсолютно не получается. Слава Богу, никого из клиентов нет, не хотелось бы подобные вопросы обговаривать в их присутствии.

Офисное помещение, разделенное на несколько зон пластиковыми, со стеклом в верхней части, перегородками являет собой единое просматриваемое пространство. Из главного холла с тремя рабочими столами также просматриваются мой кабинет, кабинеты главного менеджера и бухгалтера. Жалюзи мы обычно не закрываем, давно привыкли к режиму видимости всеми всех.

Услышав звук открывающейся входной двери, дергаюсь, поворачиваю голову. Вижу вошедших, и кровь по венам пускается в галоп. Дядя Сева что-то говорит Руслану, стоящему при входе у кулера с пластиковым стаканом в руках, тот оборачивается в мою сторону. Мне пора на выход.

Появляюсь, прикрыв за собой дверь кабинета, не спеша прохожу в эпицентр событий.

— Добрый день, — звучу спокойно, чего мне только это стоит. Макс здоровается в ответ, менеджер, так и застывший у кулера и еще двое сотрудников с интересом наблюдают ситуацию, бросив все свои дела — Руслан, собери всех сюда.

Пока в зале собираются оставшиеся, мы с Градовым успеваем оценивающе окинуть друг друга глазами. Вернее, бегло окидываю я. На нем светлые молочного оттенка джинсы и синяя свободная рубашка, такого же цвета летние туфли, на левой руке Ролексы, и этот невозможно волнующий запах, заполнивший все пространство. Девчонки, затаив дыхание, с любопытством рассматривают его. Понимаю их, не так часто к нам заходят состоятельные небожители, да еще с внешностью голливудского мачо.

Он же, в своей спокойно-раскрепощенной манере, скользит взглядом по мне сверху вниз, останавливается на ногах и снова поднимает глаза, не отрываясь вглядывается в мои. Не выдерживаю, делаю вид, что меня заинтересовало что-то за окном. Слава Богу, Антонина Петровна, наш бухгалтер, последней выходит в зал.

— У меня для вас есть объявление. — начинает речь дядя Сева. Колючки покалывают мой скальп и хочется смочить горло, сглатываю — В связи с определенными обстоятельствами, сегодня у нашей организации поменялся владелец.

Он прокашливается, ему нелегко, особенно с учетом мгновенной реакции сотрудников, в виде шокированных новостью лиц.

— Представляю вам нового хозяина — Градов Максим Николаевич.

— А как же Елизавета Павловна? — недоумевают Антонина Петровна. Она ведет у нас бухгалтерию много лет подряд, возможно даже в курсе некоторых теневых схем родственника. Я только сейчас это стала понимать.

Дядя открывает рот, но Макс жестко его обрывает.

— Спасибо, Всеволод Иванович, дальше я сам.

Пожилое морщинистое лицо становится унылым и беспомощным. Никакие попытки держаться достойно не спасают от самоуверенности Градова. Он любого раздавит своим авторитетом и статусом хозяина жизни. Дядя кивает и, пожелав всем всего доброго, выходит из офиса. Мне так жаль его, душу раздирает обида и злость, но я вынуждена проглотить и это.

— Елизавета Павловна остается директором. Все вопросы, по-прежнему, решает она. — он делает пару шагов в моем направлении — А сейчас сделайте мне кофе и пройдемте в ваш кабинет, Елизавета Павловна.

Киваю девчонкам выполнить поручение:

— Американо, — бросаю через плечо на немой вопрос в глазах Киры, самой молодой в коллективе девушки. И мы проходим в кабинет.

— С выгодным приобретением, Максим Николаевич, — не удерживаюсь от сарказма, когда остаемся одни.

— Спасибо, — он садится в мое кресло и, развалившись, скрещивает руки на груди — но, судя по всему, ты снова не оценила.

— Не оценила что? — облакачиваюсь о подоконник и складываю руки так же.

— Я дал время твоему дядюшке найти максимально безболезненный выход из той задницы, в которую он попал. Но я, по-прежнему, негодяй, как знакомо.

— Но, по традиции, впутал меня. Ты же не агентство купил, ты меня купил. На год! Будет смена должностных инструкций или ты придумаешь по ходу развития событий?

— Еще не решил, — со своей непоколебимой интонацией выдает он.

Кира стучит и заходит с подносом.

— Ваш кофе, — ставит перед ним чашку на мой стол. На мой, черт побери!

— Спасибо. — говорит он, и пока она поворачивается спросить у меня что-то, затыкает ее резким — Свободна!

Девушка, не привыкшая к такой манере общения, вспыхивает и вышмыгивает со скоростью света. Он делает плоток и снова зависает на моих ногах, отворот шорт заканчивается гораздо выше коленей, и у Градова есть простор для обзора.

— Как у тебя дела? — странный вопрос. Издевается или просто нечего сказать?

— Пока ты не появился, было сносно.

— А теперь невыносимо? — на его лице появляется улыбка.

— Даже хуже.

Он встает и подходит совсем близко. Меня обдает его запахом, и я практически вжимаюсь в пластик под ягодицами. Такое близкое общение не входило в мои планы, тем более, нас видят все сидящие в основном помещении.

— Невыносимо плохо или невыносимо приятно?

Он возвышается на целую голову, и мне приходится поднять свою вверх. Его глаза опускаются на мои губы, он даже не пытается меня поцеловать, он это делает глазами. Божечки, как он смотрит, до озноба, до разрядов в позвонках.

Вот тебе и отпустил, я уж думала и не увижу его больше.

— Играешь грязно. Чего ты от меня хочешь, Макс?

— Тебя хочу. И днем, и ночью, и даже во сне, просто клиника.

— Забудь. Это невозможно. И постарайся свести наши контакты к минимуму, дай мне тоже тебя забыть.

— Кто-то сказал: пытаться забыть, значит постоянно помнить.

— Я больше не буду спать с тобой.

— Не зарекайся, детка, — он засовывает руки в задние карманы, я немного выдыхаю. Сквозь стекло на нас уже во все глаза смотрят четыре пары любопытных глаз. Только бухгалтер ушла к себе.

— Я взяла обязательство отработать в офисе, а не в постели. Ты и так меня подставил со своими условиями. Дядя мне уже практически прямым текстом говорит, что понимает, что у нас что-то было.

— А ты побоялась сказать старику, что трахалась со мной? Удивлен, — улыбается Градов — меня не боишься, а тут струсила.

— Это элементарная совесть, тебе не понять.

— Ах да, точно. Но это ничего не меняет, надеюсь, мы сработаемся, — издевается он, отступает на шаг — пришло контакты своего юриста и бухгалтера, свяжешься по условиям работы.

Он направляется к двери, а я так и не могу отлипнуть от подоконника.

— По работе я общаюсь с рабочего номера. У тебя его нет, — говорю вдогонку.

Он, даже не остановившись, поворачивает на меня голову, усмехается и выходит. Понятно, значит уже есть, и, судя по всему, не только номер, а полное досье.

Макс

— А здесь будет барная стойка, — Башир показывает мне центральный зал будущего клуба, заваленный строительными материалами, инструментами и остатками металлической арматуры, из которой создавали уровни, сцену, стойки, колонны.

— Пи*дец, размах, ты в смету влезешь? — смеюсь я.

— Нет, — ржет Джембаев — долбанная дизайнерша на сумму, которую сама же и насчитала, купила чуть больше половины материалов, а потом поставила перед фактом, что деньги закончились.

— Я смотрю, ты от этого не грустишь.

— Трахается знатно, другую убил бы уже.

Прыскаю от смеха, на Башира не похоже.

— Тесное сотрудничество?

— Типа того. Как там твоя Снежина, кстати, уживается с новым начальством?

— Мы не видимся.

Три недели прошло с того дня, как я купил эти гребаные агентства. Дал время Лизе остыть, привыкнуть. А теперь даже не знаю по какому поводу к ней заявиться. Королева не из тех, кому можно просто позвонить, и она по щелчку прибежит расставлять ноги.

— Ты тогда на меня наехал за версию, а Гриша пару дней назад нарыл фотку на каком-то банкете, где Лиза эта мило беседует в окружении Разумовского и Плотникова. Видел?

— Угу. Это что-то доказывает?

— Она утверждала, что не знает его.

— Ты у всех на банкетах фамилию спрашиваешь?

— Макс, ты ищешь ей алиби... Что у вас там происходило, тесное сотрудничество?

— Да. Пока ты не подкатился со своей версией.

— Но рабочая же версия, дружище.

— Ни х*ра она не рабочая. Зачем Лиза Плотникову? Просто поделиться деньгами? Тем более, она ни в чем не нуждалась, и старик даже хотел купить ей отдельное жилье. Нафиг ей не сдался этот геморрой, а Плотникову и подавно.

— Еге-гей! — кричит с порога, обещавший присоединиться к нам позже, Ловцов. Эхо от его голоса несется по всему помещению, и он задорно добавляет — Акустику нужно подкорректировать.

Размашистой походкой направляется к нам в центр зала, жмем руки и замечаем, что он под шафе.

— Ты откуда такой? — спрашиваю удивленно. Еще пару часов назад мы говорили по телефону, был как стеклышко.

— У Ритки корпоратив, зашел на пять минут забрать домой и присел на три рюмки коньяка. Ритку отвез домой, пересел на такси и к вам.

— Так что, догоняться поедем? — предлагает Башир.

— Лично у меня в планах на вечер — друзья, алкоголь и девочки. Кто со мной? — идет в разнос Гришка.

— Я, — и правда пора расслабиться.

— Я за любой кипишь, — закрывает тему Джембаев.

***

Пробираясь через танцующую толпу, привыкаю к резкому громкому звуку и неоновым бликам, слепящим глаза. Занимаем столик немного дальше от танцпола, чтобы можно было слышать друг друга. Заказываем выпивку и ужин.

После выпитого бокала коньяка, больше не грузюсь. Тяжелая была неделя, заслужил отдых. Аслан сегодня не с нами, уехал вместо Башира, на поиски беглеца, написал, что наклюнулась какая-то новость, но он перепроверит точно и тогда даст знать. Оставляю все проблемы за кадром, реально хочу забыться.

Ловцова, пьющего наравне с нами, по градусу догнать нереально, но мы с Баширом позволяем себе полный расслабон. И, поскольку сегодня целенаправленно оставили машины и приехали на такси, кутим по полной.

Когда Гриша, отойдя отлить, назад возвращается с тремя телками, мы с Джамбаевым не против. Три недели без секса — такое со мной не случалось давно. Я дико хотел Снежину, но упрашивать не в моем характере, а полюбовно решить этот вопрос пока не светит.

Грудастая блондинка обходит меня и направляется к Биширу, который манит ее пальцем. Ну и отлично, не мой размер, не люблю силиконовые сиськи. Мне достается курносая шатенка в коротком золотистом платье. Барышни элитные, определяю сразу: дорогие шмотки, украшения, духи. За столько лет научился отличать тех, кто действительно с бабками от тех, кто хочет казаться, напяливая подделки брендов и пытаюсь втюхать себя, как что-то стоящее. Не то, чтобы я ценил женщин по достатку, напротив, когда они считают себя умнее, чем есть.

— Как тебя зовут? — изучает она мое лицо.

— Макс.

— А я Лиля. Ты классный.

— Я в курсе. Пить будешь?

— Закажи мне коктейль, я не пью крепкое.

Подзываю официанта, девушки делают заказ.

Потягивая через трубочку свой «Пина Колада», Лиля, не теряя времени, трется ногой о мою голень. Приятная на внешность, холенная, готовая уединиться хоть сейчас, но не Снежина. Зачем я, бл*дь, снова сравниваю?

Раньше я никогда не оценивал женщин по поведению относительно мужчин: сколько их у нее было, готова ли дать первому попавшемуся, было все равно. Сейчас, почему-то, вдруг, стало неприятно оттого, что молодая красивая девушка за угощение может позволить тебе все. Дамы нынче дешевле пареной репы.

Вибрирующий в кармане брюк, телефон отвлекает от хмельных философских мыслей, на экране высвечивается Аслан. Выхожу на улицу, подальше от шума и лишних ушей.

— Алло!

— Привет еще раз. Этот упырь сегодня вылетел в Канаду. Прямо у меня из-под носа, с*ка.

— Да есть же! Точно к дочке ломанулся, а Разумовский уверял, что не общаются.

— Мне тоже такое свистел. Завтра первым же рейсом вылетаем туда.

— Адрес у тебя есть, нужно бы ждать его там заранее, теперь можете опоздать. Попробуй добраться пораньше, может с пересадкой билеты найдешь.

— Хорошо, поищу. Если найду, удавлю гниду! Я сейчас должен был клубом заниматься, а не кататься за ним по миру!

— Не кипи, он мне живой нужен. Ребята с тобой?

— Да, но Саню я оставлю здесь, вдвоем в Канаде справимся. Вдруг он нас за нос водит, пока мы прилетим туда, он вернется в Испанию.

— Хорошо. Держи в курсе.

Странно, старик выглядел уверенно, говоря, что Плотников с дочерью не общается. Врал или у того были свои секреты от Разумовского? Или что-то изменилось? Даже в расслабленной обстановке клуба не могу избавиться от этих навязчивых размышлений. Иду к бару, заказываю очередную порцию коньяка. Напиться бы до беспамятства и забить на все к чертовой матери. Делаю пару глотков, поворачиваю голову и вижу перед глазами картину, от которой, на хрен, случается возгорание мозга.

За столом под стенкой сидит Лиза, еще какая-то барышня, а с ними два смазливых паренька. Брюнетка что-то захватывающе рассказывает, они смеются. Когда она поворачивается под определенным углом, узнаю — Дорофеева, помню фотку из досье, а эти двое кто?

Кровь, вперемешку с алкоголем, бурлит и клопочет внутри. Я, бл*дь, мысленно ее уже присвоил себе, не знаю, на каком основании. Но сейчас готов убить любого, кто приблизится к ней на расстояние вытянутой руки.

Высокий широкоплечий брюнет со стянутыми в хвост волосами обращается к ней через стол, она отвечает, перекидывает сумочку через плечо, затем они встают и идут к бару, остановившись в паре метров от меня. Лиза в сером в пайетках платье, достаточно коротком. Верх закрытый, но за счет длинны оно выглядит откровенно сексуально, открывая идеально ровные загорелые ноги. Они делают заказ, бармен наливает им напитки.

Нервно сжимаю бокал с пойлом, наблюдаю — парнишка зеленый совсем, едва за двадцать. Он что-то говорит ей, улыбалась и расшаркиваясь, вожделенно заглядывая ей в глаза. Парень поплыл. Услужливо-угождающе притягивает к Лизе барный стул, но, видимо, она отказывается садиться, судя по тому, как он тут же отставляет его в сторону, ее лица я не вижу.

Но когда он кладет руку на ее ладонь, лежащую на стойке, теряю остатки мозгов, которые еще несколько секунд назад удерживали на месте. Не сводя глаз, в пару шагов оказываюсь возле них.

— А ты где сегодня ночуешь, Лизунь?

— Точно не с тобой! Руки убрал! — гремлю яростно.

В один миг он, как ошпаренный, убирает руку, ошарашенно уставившись на меня. Лиза резко поворачивается и тоже застывает, с испуганным взглядом.

— Лиза, объясни ему, что бывает с теми, кто трогает тебя руками.

Он переводит растерянный взгляд на нее, а она, не в состоянии ответить, на меня.

— Исчезни! — еле сдерживаюсь.

— Вадим, уйди, пожалуйста, — выдавливает Лиза.

И он шустро сваливает к своему столу, жених, бл*дь.

— Ты что себе позволяешь? — Королева приходит в себя, но свой гнев придерживает, контролирует тон, видимо, я выгляжу грозно.

Лиза

— Лиза, объясни ему, что бывает с теми, кто трогает тебя руками.

Вспоминаю случай с Лехой в его доме и судорожно пытаюсь понять, как погасить это недоразумение.

— Исчезни! — рявкает Макс.

— Вадим, уйди, пожалуйста, — понимаю, что силы не равны, что нет повода для разборок, но взбешенному Градову попробуй объяснить.

Парень спешно уходит, а я просто не знаю, как реагировать. Возмущена до предела, но стоящий рядом мужчина изрядно выпивший и злой.

— Ты что себе позволяешь?

— Тебя что, на малолеток потянуло? — на лице гром и молния.

— Это младший брат Альбины с другом, парни после института переехали в Москву работать. Сегодня празднуют свое трудоустройство.

Почему я, черт побери, оправдываюсь? И хоть этот Вадим, друг младшего Дорофеева немного напряг меня, начав у стойки неожиданно клеить, у Градова нет прав контролировать мою личную жизнь.

— А этот не против и в ночную смену поработать?

— Какое ты имеешь ко всему этому отношение?

— То есть, когда тебя хочет трахнуть первый встречный на моих глазах, мне не вмешиваться? Пойдешь с ним?

— Никуда я с ним не пойду и хватит предъявлять мне претензии!

— Ну если не пойдешь, поехали отсюда. Тебе здесь больше делать нечего.

Он хватается меня за руку и со всей силы тянет, уводя за собой. Вырваться нет вариантов, семеню за ним на каблуках, сквозь битком набитый танцпол, все мои попытки что-то до него донести, тонут в громких звуках музыки.

Оказавшись на улице, он резко останавливается и ищет глазами машину. Кажется, его абсолютно не волнует, что я вырываю руку, прошу отпустить, он держит крепко. Когда становится больно, оставляю эти потуги.

Прямо перед нами, на стоянку заведения заруливает такси, высаживает пьяную парочку и Макс показывает ему подождать. Но стук каблуков сзади тормозит его планы.

— Эй, куда вы тащите мою подругу? — запыхавшись, нас догоняет Дорофеева — Элис, что происходит?

Макс окидывает ее нетерпеливым взглядом.

— Ты, кажется, Альбина? — она кивает — Мы тут сами разберемся, без адвокатов.

— Элис, это кто?

— Это Макс.

Подруга осекается, косится на мою руку, плотно зажатую в его, затем смеряет его с головы до ног с нескрываемым интересом. Похоже, увиденное не оставляет ее равнодушной.

— На этот раз я знаю, где ее искать, — предупреждающе вздергивает она подбородок.

До него доходит смысл сказанного:

— Вас там под копирку штампуют таких деловых, в вашем Саратове?

— Макс, хватит. Альбина, все нормально, — успокаиваю ее — мы поговорим и меня

отвезут домой.

Сама тоже немного успокаиваюсь. Действительно, все знают с кем я вышла из клуба, здесь везде камеры, я его не боюсь, лучше мирно решить вопрос. Он все равно уже не даст задний ход, слишком заведен.

— Ладно, набирай, если что.

Киваю, Градов открывает заднюю дверь машины, ныряю туда. Он садится рядом и под пристальным взглядом подруги, мы уезжаем.

Он называет водителю неизвестный адрес и меня слегка напрягает.

— Куда мы едем? — растираю пережатое запястье.

— В паре кварталов отсюда у меня квартира.

Брыкаться бесполезно, я вдруг, осознаю, что разговорами эта ночь не закончится. В голове еще шумит алкоголь, он совсем рядом, чувствую его бедро, его парфюм будоражит сознание. Вместе с тем, накачивает усталость, я откидываю голову и отдаюсь в руки судьбе. Три недели я запрещала себе думать о нем, забивала свои желания в самые дальние уголки души, даже в этот клуб пошла, чтобы сменить обстановку и забыть обо всем. Но карма настигла меня и здесь.

Макс тоже остывает, кажется, понимает, что я сдалась. Приближается, притягивает к себе и накрывает мои губы, неспешно, без языка, нежно и мягко. Закрываю глаза и наслаждаюсь. Он проводит носом по щеке и спускается к жилке на шее, шумно вдыхает и выдыхает со звуком блаженства.

— Я так тебя хотел все это время, Лиза, просто сходил с ума, — немного отстраняется, поворачивает к себе мое лицо за подбородок — скажи, что ты тоже.

Вместо ответа, зарываюсь в его волосы и притягиваю ближе, целую, чувствуя острую потребность слиться с ним, получить то, чего так не хватало, пока мы не виделись.

Он стискивает сильнее, страстно углубляется в мой рот. Боже, как он целует! С какой-то болезненной жадью, с трепетом и упоением. Меня ведет от этого запаха, вкуса, ощущения.

Любой женщине приятно, когда от нее сходят с ума, сейчас я понимаю свою власть над этим большим и сильным мужчиной. От этого осознания ломаются все предрассудки, сомнения и собственные запреты. Я хочу быть с ним, здесь и сейчас, и пусть все горит синим пламенем.

— Приехали, — обрывает таксист, обрушившееся на нас, помешательство.

Макс достает пятитысячную купюру, бросает на переднее сидение и спешно покидает тесный салон, вытаскивая меня следом.

В лифте он даже не притрагивается, остается у противоположной стены и молча рассматривает. Ставлю про себя еще одну галочку — запомнил.

Двухуровневый просторный лофт с идеальным порядком и стерильной чистотой, выглядит довольно уютно, несмотря на брутальную обстановку.

— Проходи, — щелкает выключателем Градов, и комната заливается ярким светом.

Пересекаю гостиную, заглядываю на кухню — никаких следов обитания. Даже бытовая техника выключена из розеток.

— Ты здесь бываешь нечасто?

— Так заметно?

— Угу.

— Бываю только по надобности, крайне редко.

— Зная твои надобности, даже удивлена, что крайне редко, — улыбаюсь я.

Он отзеркаливает мою улыбку. Подходит, сгребает в кольцо рук, чувствую, как мне в живот утыкается восставший член.

— Идем наверх, а то у меня крышу рвет, если, конечно, не хочешь на столе.

— Заманчивое предложение, — вспоминаю наш прошлый секс на кухне — но, пожалуй, выберу кровать.

Войдя в единственную комнату на верхнем этаже, фиксирую отсутствие штор. Что за бзик у Градова? Вид, конечно, потрясающий. Ночной город с двадцатого этажа выглядит завораживающе. Но как можно заниматься сексом в аквариуме? Смотрю вопросительно на хозяина этой экзотики.

— У стекол специальная тонировка, снаружи ничего не видно, — отвечает он на мой немой вопрос.

— Ладно, только свет, все равно выключи, оставь только ночник.

— Хорошо. Душ там, я присоединюсь, — кивает на единственную дверь Градов, воткнувшись в смс, пикнувшее в его кармане.

Пока я снимаю платье и, натершие ноги, туфли, он набирает ответный текст, отключает телефон и отбрасывает на подвесное кресло.

Горячая вода, стекающая по телу, добавляет жара к предвкушению, а когда Макс заполняет собой все пространство кабины, меня просто начинает потрясывать. Боже, что у меня на него за реакция? Мы быстро моемся, вытираемся и он тянет меня к кровати, у обоих просто край.

Макс садится тянет на себя, седлаю его.

— Лиз, я о-очень соскучился, мне нужно кончить, а потом начнем сначала, хорошо?

Киваю, обнимаю за шею, он присасывается к груди, сжимает руками половинки моих ягодиц.

— Ммм, — бабочки разлетаются в животе, между ног я намочла еще в душе, отключаю мозг и окунаюсь в омут по имени Макс Градов.

Он переворачивает меня на спину, сам оказывается сверху. Упираясь на локти, еще раз целует, я сама раздвигаю ноги, он резко входит, замирает на пару секунд, а потом начинает двигаться. Рычит от удовольствия, я стону и выгибаюсь навстречу.

Как же с ним хорошо, до слез, до искрящих всплесков в голове. Ему хватает пяти минут, мутные безумные глаза, надрывные стоны, все говорит о том, что он теряет контроль.

— Макс, тянусь рукой к презервативам на тумбочке, протягиваю ему.

Он с трудом, останавливается, выходит, разрывает зубами упаковку, раскатывает презерватив по члену и продолжает. Несколько толчков и он изливается, утыкаясь головой мне в ключицу, до боли сжимая бедро.

После душа, Градов с лихвой наверстывает пропущенную прелюдию: зацеловывает по сантиметру, ласкает руками, шепчет какие-то безумные слова. Овладевает, трахает до потери рассудка, прекращает и снова разжигает во мне всех чертей. Меняем позы, темп, накал. После двух оргазмов, я уже не помню себя, превратившись в сгусток ощущений, балансирую на грани полоумия.

Но Максу мало, он не пускает меня в душ, наваливается, впивается в ноющие, истерзанные губы. Мне кажется, я больше не способна ни возбудиться, ни двигаться вообще. Он переворачивает меня на живот и вводит в меня пальцы, глубоко, до матки.

— Ааа! — все внутри снова отзывается на его движения. Мамочки, где взять сил?

Градов загибает пальцы под определенным углом и тянет на себя, я взываю, еще и еще,

кричу, он вынимает руку, снова вводит, трахает то сильнее, то ослабляет натиск. Улучаю момент, отползаю на край кровати, сворачиваюсь калачиком и скулю, но он настигает меня, кусает ягодицу, поднимается выше. Язык чертит узоры по моей спине, пальцы снова входят во влагалище, и эта сладкая мука продолжается до физического истощения и моего хриплого: «больше не могу».

Макс поднимает меня, ставит на коленки, надевает защиту, врывается и за несколько десятков диких, необузданных рывков кончает. А я вою от самого продолжительного и ярчайшего оргазма в моем небогатом опыте. Рухнув на подушку, забываюсь на неопределенное время.

Когда разлепляю веки, черные, с поволокой глаза лениво блуждают по моему телу. Так же лениво Градов подмигивает мне, выдавливаю усталую улыбку.

— Я завтра ходить не смогу.

— Готов носить тебя на руках.

— Тогда неси меня в душ.

— Окей.

Он поднимает меня с кровати, заносит прямо в кабинку, ставит на плитку и включает воду. Прислоняюсь к стеклу, нет сил даже помыться. Мой искунитель усмехается, как же он доволен собой. Набирает в руку гель для душа, намыливает меня, я не сопротивляюсь, за пару часов превратилась в безвольное податливое желе. Не только тело, мозг расплавился и отказался мыслить трезво.

Обтертую полотенцем, таким же маршрутом меня возвращают обратно в постель, накрывают пледом, и я забываюсь глубоким сном.

Лиза

Сладкий сон прерывает настойчивый звонок моего мобильного. Скользнув рукой по прикроватной тумбочке, понимаю, что я не дома, и телефон звонит где-то в сумочке. Встаю, бреду к трюмо, на котором вчера ее оставила.

— Алло!

— Черт, Элис, я тебя разбудила? — виновато тараторит Альбина.

— Который час? — не могу прийти в себя.

— Десять! А ты не звонишь. У тебя все нормально? Ты где?

— У меня все нормально, я у Макса на квартире.

— Ты одна?

— Угу.

— Не спрашиваю, как прошла ночь, судя по тому, сколько ты дрыхнешь — бурно. Только могла бы написать, что ты осталась у него, я же переживаю.

— Было не до этого.

— Понимаю. Я, если бы с таким уединилась, тоже забила бы на окружающий мир. Слушай, ну он просто сама харизма, только от взгляда кончить можно, — смеюсь в трубку, Дорофеева в своем репертуаре — Ладно, не пропадай, жду подробностей.

Угу, мне самой стыдно вспоминать, что мы вытворяли и как я вопила, как такое еще рассказывать.

Макса нет, но я слышу снизу звонок в дверь, слышу, как он открывает, несколько фраз и тишина. Иду в душ, прихватываю с собой из сумочки зубную щетку, крем и тушь для ресниц. Слава Богу, собираясь ночевать у Дорофеевой, прихватила с собой хоть это. А вот надеть, кроме платья в пайетках, нечего. Открываю шкаф, стягиваю с вешалки одну из свежесглаженных рубашек, надеваю, заворачиваю рукава. Разглядываю себя в зеркале, мне чертовски к лицу яркий хаки, прямо под цвет глаз.

Спускаюсь вниз, Макс возится на кухонном столе, замечает меня через открытую настежь дверь, улыбается.

— Доброе утро, — захожу неспеша.

— Привет, носилки не нужны?

— Иди к черту, — тоже улыбаюсь.

— Зато я теперь знаю, как сделать тебя тихой и покладистой.

Подхожу совсем близко, в надежде на тактильный контакт, любой. Он мне сейчас крайне необходим. Сама вешаюсь на него, как последняя идиотка. Понимая, что это все нужно прекращать, что эта ночь может быть последней, просто хочу насладиться им вдоволь.

Он обнимает, целует, медленно, чувственно, обжигает дыханием.

— Я даже немного растерялся, — прибитый моей активностью, вглядывается в лицо — завтрак или секс?

— Завтрак, — улыбка не сходит с моих губ, веду себя как малолетняя счастливая дурочка.

Градов снимает крышки с контейнеров, которые вытащил перед моим приходом из пакета доставки, и перекладывает на тарелки. Сам, без моей помощи. Я просто сижу и жду,

когда мне накроют на стол. Последний раз такое было много лет назад, когда я жила с бабушкой.

— Кофе сделаем потом, чтобы не остыл, — включает он кофемашину в розетку и садится напротив.

Киваю и принимаюсь за еду. Баварские сосиски, яйцо пашот, гренки и греческий салат. Я, обычно по утрам не ем так много, ограничиваюсь овсянкой или творогом. Но сегодня у меня зверский аппетит, съедаю практически все.

Попутно анализирую, что миллиардер Градов не посчитал зазорным накрыть стол просто для женщины, с которой у него... роман? Что? Даже не знаю, как обозначить.

Белов, будучи мужем, живя под одной крышей, ни разу даже чаю не заварил, не то, что для меня, а и для себя. Утверждал, что кухня — это сугубо женское занятие, даже чашку после себя сполоснуть считал недостойным. Еду мы никогда не заказывали. Его безапелляционное мнение о том, что там непонятно из чего и когда приготовлено, что нужно есть домашнюю пищу, всегда выводило меня из себя. Позже я поняла, что это простая экономия, присущая ему во всем. А Альбина прямо называла это жлобством.

— Лиз, как часто ты бываешь в клубах? — выводит меня из задумчивости неожиданный вопрос.

— За все четыре года в Москве, была три раза, включая вчерашний. Я не очень люблю такие заведения.

— А вчера как попала?

— Я уже рассказывала. К Дорофеевой приехал брат с другом, они никого еще в городе не знают, предложили развлекаться. А ты что в клубе делал один?

— Я был не один, — он встает со стула и включает кофемашину, пока идет промывка, достает из шкафа две стеклянные чашки, устанавливает на лоток — я был с друзьями.

Поставив кофе на стол, занимает свое место.

— Макс, нам нужно поговорить...

— Ты уверена, что нам сейчас это нужно? — надпивает он напиток.

— Ну мы же не можем прятать голову в песок и делать вид, что так и должно быть.

— Лиза, сегодня выходной, давай просто проведем его с кайфом, а разговоры оставим на потом. Я знаю, что ты скажешь, и знаю, что буду беситься. А я хочу просто побыть с тобой, настоящей, искренней, такой как ночью.

Румянец заливает мои щеки, не ожидала такого напоминания. Он улавливает это, уголок его губ приподнимается.

— Не думал, что тебя можно чем-то смутить.

— Если честно, я себя не знаю такую... Твои соседи через стену, наверное, краснели полночи.

— Хм, во-первых, здесь толстые стены, а во-вторых, мне по барабану, что они там слышали или думали. Главное, что нам было хорошо.

Он хочет еще что-то сказать, но от углубления в эту тему меня спасает телефонный звонок, раздающийся с его мобильного. Он закатывает глаза и тянется к аппарату.

— Алло!

— Максим, привет, — слышу детский голос.

— Привет.

— Мы тут к дедушке приехали, мне поручили пригласить тебя к нам. У нас сегодня уха на костре и рыба гриль.

— Ева, я занят сегодня.

— Дедушка передал — отказы не принимаются. Мы в прошлый раз ждали тебя с невестой, ты обещал и не приехал.

— Обстоятельства изменились, малыш, передай, что у меня не получится.

— Дедушка показывает тебе кулак, — смеется девочка — а мама готовит твой любимый соус. Если не приедешь, они тебя съедят, дядя.

Градов смеется над ее шуткой.

— Ладно, передай, пусть разжигают.

Он откладывает телефон

— Поехали в гости?

— Макс, ...там будет только твоя семья.

— И что тебя смущает?

— У меня даже надеть нечего.

— Поедем через магазин. Выезд через десять минут.

— Сколько?!

Возмущенно смотрю ему вслед, но он уже поднимается по ступенькам в свою комнату.

В бутике выбираю голубое в нежный кремовый рисунок воздушное платье, белые легкие кеды и сумку. На этот раз не претендую на оплату своей картой, не хочу унижать Градова в глазах продавцов. Даже самой не верится, что у нас получается уступить и ладить. Каждый боится нарушить едва установившийся, хрупкий мир.

Нравится это и ему. Всю дорогу до дачи отца он пребывает в хорошем настроении, шутит, смеется, просто не узнаю. В таком же состоянии мы заходим во двор, обходим дом и застаем его родственников на лужайке. Николай Семенович с Артуром жарят на решетке рыбу, а красивая, светлорусая женщина и девочка, судя по всему, та же Ева, накрывают на стол.

— Привет родственники! — обращает внимание на нас Макс.

— Ничего себе! Я думал ты отделался от Евы дежурной фразой, — бросает свои дела и подходит к нам Градов-старший, слегка обнимает сына. — Лиза! Очень рад тебя видеть.

— Здравствуйте, — отмечаю, что он невзначай перешел на ты, и мне это особенно приятно.

— Идем знакомится с остальными, — пригласительным жестом руки указывает на невестку с внучкой.

Мы подходим к столу, боковым зрением вижу, как на нас уставился Артур. По лицу понятно, как он складывает дважды два, затем улыбаясь, качает головой и тоже присоединяется к нам.

— Знакомьтесь, это Лиза. — представляет меня Макс — Оксана — жена Артура и Ева моя племянница.

— Очень приятно, — практически одновременно, мы обмениваемся любезностями.

— Привет, Лиза, — говорит подошедший Артур.

— Привет, — поднимаю на него глаза, пытаюсь понять его реакцию на меня. Но он излучает только интерес.

— Вы знакомы? — удивленно обращается к нему отец.

— Угу, виделись у Макса.

— Ну раз все в сборе, — заявляет отец семейства — прошу за стол.

Оксана разливает по тарелкам уху из казана, который только сняли с костра, и все

принимаются снимать пробу.

— Божественно! — резюмирует Артур.

— Это потому, что дедушка варил, — прожевывая, добавляет Ева.

— Это потому, что форель свежайшая, пару часов назад в реке плавала. Мы с Евушкой своими глазами видели на ферме. Лиза, ты не была раньше в наших краях?

— Не приходилось.

— Здесь неподалеку есть форелевая ферма. Рекомендую побывать, — его глаза загораются гордостью, когда он принимается рассказывать — природа у нас красивейшая, лес, свежий воздух, а на берегу реки — ферма. Обустроены места для пикников и отдыха, даже ресторанчик есть — благодать.

— У вас и здесь благодать, — окидываю взглядом зеленую лужайку, старые высокие сосны, мощенные плиточкой дорожки и сад с вечнозелеными кустарниками и карликовыми березками.

— Выйду на пенсию, перееду сюда. Дача для меня — рай.

— Ты сам в это веришь? — смеется Макс — скорее я выйду на пенсию.

— Пока есть силы, нужно двигаться.

— Согласен, но обороты можно и поубавить, — вставляет Артур — как там твои шансы на выборах? Какие прогнозы в штабе?

Под запеченную рыбку, беседа перетекает в политику, потом плавно в экономику, акции, цены на топливо, курсы валют и прочее. Через какое-то время Оксана смотрит на меня, закатывает глаза под лоб, улыбаюсь ей в ответ, Ева, видя наш бессловесный контакт тоже, подобно маме, запускает глазки вверх и, глядя на меня, машет головой, мол не интересно. Улыбаюсь и ей, ощущая лестное чувство принятия в женский клан семейства.

Пользуясь паузой, Оксана переводит разговор на другую тему:

— А нашу Еву скоро покажут по телевизору. На подтанцовку для финальной части концерта понадобились дети, и их студию пригласили поучаствовать.

— Посмотрим-посмотрим, — говорит старший Градов, напомните мне только, обязательно.

— Время и канал пришьешь? — обращается к Оксане Макс. Она кивает.

Ого! Макс интересуется детьми и танцами? День открытий прямо.

— Ты занимаешься танцами? — смотрю в голубые глаза, точь-в-точь, как у матери.

— Да, и хожу в музыкальную школу. А вообще я мечтаю стать актрисой.

— Угу, мечтай, — отрезает Артур — только актрисы мне не хватало.

— Не отнимай у ребенка мечту, — подкладывает салат в его тарелку жена.

— Ева, мечты сбываются, — подмигивает Макс.

— Дядя, вон твой мечтал стать гангстером, — смеется Артур.

— Нужно было поменьше покупать дисков с боевиками. Ты сам их таскал пачками домой.

— Я их прятал.

— А я находил, — все в том же веселом тоне пререкаются братья.

— Ага, пока не нашел порнуху, и папа не надавал мне по ушам.

— Что такое порнуха? — вклинивается Ева.

— Артур! — возмущенно восклицает Оксана, показывая глазами, не болтать лишнее при ребенке.

— Максим, а Лиза твоя невеста? — неожиданно выдает ребенок.

Я теряюсь, но Градова не прошибешь.

— Невеста.

— И у вас будет свадьба?

Тут подвисает и он. Все ждут, как он выкрутится, брат еле сдерживает смех.

— Ты хочешь погулять на свадьбе?

— Да.

— Я тебя самую первую приглашу.

— Хорошо, замечано, — удовлетворяется ответом Ева.

Что значит опыт в переговорах. Ни «да», ни «нет», но собеседник доволен результатом.

Несколько часов на свежем воздухе, в приятной компании, а именно такими я увидела Градовых, расслабляют меня и заполняют приятным вкусом семейного выходного дня. У меня не было такого ни в детстве, после смерти родителей, ни, когда у меня появилась своя семья. Беловы были надменные, хоть по большому счету, ничего из себя не представляли. Здесь, в обществе серьезных и богатых людей, я чувствую себя уютно. Все просто, домашнему и без намека на превосходство. В который раз убеждаюсь, чем больше человек стоит, тем проще он себя ведет.

Когда все съедено, Ева уговаривает деда поехать в магазин за мороженым, а он, как я уже поняла, не способен отказывать этой стрекозе. Они уезжают, помогаю Оксане отнести грязную посуду в дом.

— Почему вы, все-таки, в прошлый раз не приехали? — спрашивает она.

— Мы поссорились, — говорю, как есть, правда, без подробностей. В нашей истории куча скелетов, которые желательно закрыть в шкафу навечно, дабы не шокировать людей.

— Я так и подумала. Макс придумал какую-то чушь, о том, что ты попала под дождь и приболела.

То, что я попала под дождь, тоже правда. Но об этом я рассказывать не стану. Равно как и о том, что ваш Макс выпустил меня в тот день из заточения, а через пару дней купил, вместе с рабочим креслом, и заставил работать на него. А я, как последняя дура, схожу от него с ума и ничего не могу с этим поделать.

К Оксане звонит мама по какому-то срочному вопросу, она извиняется и уходит поговорить в другую комнату. Выхожу на задний двор, устраиваюсь в кресле-качалке под навесом на крыльце. Наблюдаю, как братья о чем-то разговаривают за столом, не хочу мешать. Наслаждаюсь природой и пением птиц. Легкий ветерок колышет листву и немного пробирает, создавая на крыльце сквозняк.

Макс оборачивается, увидев меня, идет на крыльцо. Достает из массивного деревянного комода, стоящего рядом с креслом, плед и укутывает меня в него. Даю себя завернуть в флисовый кокон. Он присаживается на корточки напротив.

— Заскучала?

Машу отрицательно головой. Мне так хорошо, что и разговаривать не хочется. Именно таким, какой он сегодня, я и представляю своего идеального мужчину: красивый, сильный, внимательный. Но только он не мой мужчина, и у нашей затянувшейся игры, при любом раскладе, один конец — нам не быть вместе, слишком много препятствий и болевых точек.

— Хочешь, поедem домой.

— Давайждемся Николая Семеновича с Евой, нужно же попрощаться.

Когда они приезжают, нас еще уговаривают на десерт. Ева скупила половину кондитерского отдела и стала настоятельно рекомендовать каждому попробовать то или

иное пирожное.

На прощание она взяла с нас обещание приехать к ней на день рождения в следующем месяце и только тогда нас отпустили, нагрузив часть десертов в контейнерах с собой.

Макс

Всю дорогу до квартиры Лиза о чем-то думает. Не хочу даже спрашивать, знаю, что в ее мыслях ничего хорошего. Просто включаю радиоволну и еду в объезд ее района, чтобы ей, вдруг, не приспичило попросить высадить ее дома.

Добравшись до квартиры, немного расслабляюсь, отсюда я точно не отпущу ее до утра.

— Я в душ, — Лиза поднимается наверх.

— Угу, — зависаю в телефоне.

Смс от Аслана, всего три слова: «Я на месте», а сердце делает кульбит. Интуиция подсказывает, что мы совсем близко.

Набираю текст: «Я на связи, будут новости, сразу звони». Принимаю душ внизу, заворачиваюсь в полотенце и иду в спальню, как же хочется вырубить телефон, но вместо этого, ставлю его на зарядку.

Подхожу к окну, созерцаю спускающийся на город вечер и возвращаюсь мыслями к разговору с братом.

— Как ты умудрился? У нее что, стокгольмский синдром? — спрашивает он, когда остаемся за столом одни.

— Сам не знаю, как получилось. Нездоровое увлечение.

— Увлечение? Хочешь сказать, что ты привез в отцовский дом всего лишь увлечение? Что-то раньше я за тобой такого не замечал.

— Хорошо, пусть будет буйное помешательство.

— Да как ни назови, я в шоке. Когда отец в прошлый раз сказал, что ты приедешь с девушкой, меньше всего я ожидал увидеть ее. Она до сих пор у тебя под арестом?

Машу головой.

— Отпустил.

— Весело у вас.

— Ни хрена у нас не весело, все, пи*дец, как сложно. Это временное перемирие, и никто не знает, как будет завтра.

— Зачем тогда она тебе?

— Если бы я знал ответ на этот вопрос...

— Да, братишка, что-то ты явно не в себе...

Лиза выходит из душа в моей рубашке, которую прибрала к рукам еще утром, пара верхних пуговиц не застегнуты, зависаю на виде, открывающемся из выреза. Красивая, упругая грудь с выделяющимися через ткань сосками выбивает почву из-под ног, завожусь враз. Она останавливается в метре и смотрит прямо в глаза, уверенно и дерзко. Понимает, чертовка, какое впечатление на меня производит. Какого хрена я так от нее тащусь, чем к себе настолько привязала?

— Зачем ты надела рубашку, чтобы я мучился с пуговицами? — хриплю, теряясь в зелени больших красивых глаз.

— Могу тебе помочь, — не сходя с места, начинает расстегивать их одну за другой, медленно, сексуально.

Под моим полотенцем начинается пожар, из головы вылетает все на свете, я просто хочу ее трахать, как упоротый наркоман, жаждущий дозу.

Когда рубашка падает на пол, я еще держусь, но, когда Лиза подходит и, неспеша, снимает с меня полотенце, мелкая дрожь пробегает по телу, уходя в пах. Она бросает полотенце к моим ногам и опускается на него коленками. Бл*дь! Проводит рукой по члену и вбирает головку губами, лаская языком. Чердак уносит.

— Ммм, — глухо стону — кайф, моя хорошая, возьми глубже.

Она насаживается сильнее, впускает дальше и поднимает на меня пылающие страстью глаза. Разлетаюсь в щепки от картинки, от ощущений, от стучащего в висках очевидного прозрения: нас засосало наглухо, не выбраться, только Королева этого пока не поняла.

Сгребая ее волосы, фиксирую голову и толкаюсь сам, Лиза задыхается, кашляет, когда выхожу.

— Расслабься, дыши носом, — делаю наставления, в дурмане, обжигающей нутро, похоти.

Она кивает, снова ввожу член и, теряя рассудок, ухожу в процесс. Трахаю с диким наслаждением, пока не чувствую, что сейчас поплыву. Останавливаюсь, хочу растянуть удовольствие. Поднимаю Лизу, опрокидываю на кровать.

— Раздвинь ноги, — разводит послушно, в глазах пелена — шире.

Припадаю губами к промежности, вхожу языком. Она протяжно стонет и зарывается в мои волосы. Ласкаю, помогаю пальцем, довожу до метаний по кровати, стонов и всхлипов, до одичалого: «Еще, пожалуйста, Макс».

Еще, так еще, тараню языком клитор, кусаю внутреннюю поверхность бедра, она уже плохо соображает, мычит что-то невнятное, сводит ноги — готова. Перестраиваюсь повыше, врываюсь и накрываю поцелуем. Лиза полосует ногтями мою спину, толкается навстречу, иступлено кричит, кончая. Неимоверным усилием воли выхожу, натягиваю презерватив, и вхожу в нее, уже получившую свою порцию оргазма, минута, и я изливаюсь, забываясь сладкими спазмами внутри желанного податливого тела.

— Мне нужно домой, завтра на работу, — после душа, Лиза лежит рядом и безмятежно чертит фигурки на моей груди пальцем.

— Отсюда до офиса ближе, можно поехать утром.

— Но мне нужно переодеться. И вообще...

— Лиз, ты полусонная и уставшая. Давай закажем ужин, а потом просто отоспимся. А утром поедешь домой, никуда твоя работа не денется, даже если опоздаешь. Будем считать, начальство в курсе.

Мы, действительно, мало спали в прошлую ночь, и сегодня поездка за город и секс забрали силы. Королева соглашается, даже давить не приходится.

К десяти доставляют легкий ужин, а в одиннадцать моя заноза спит, без задних ног у меня на плече.

А вот мне уснуть не удастся, рой мыслей атаковали голову, еще никогда я не был так не уверен в завтрашнем дне. Что со всем этим делать? Как разрулить?

Телефон на тумбочке подпрыгивает от виброзвонка, звук я выключил, только Лиза уснула. Звонит Аслан.

Выхожу из комнаты и спускаюсь в гостиную.

— Алло!

— Доброе утро.

— У нас ночь.

— Бл*дь, забываю. Мы не успели встретить его. Он побывал у дочки, но пробыл там

меньше получаса, соседи видели, как он приходил. Но это не главное. Мы его нашли, он в больнице, в тяжелом состоянии.

— Что?

— Да, к нему не пускают даже родственников. Медперсонал неохотно делится информацией, даже за деньги. Удалось узнать только, что у него инфаркт и его в больницу привез таксист, в машине которого Плотникову стало плохо.

— Твою мать! — злость разгоняет пульс — Еще не хватало, чтобы он там загнулся.

— Я вызвал человека из Испании сюда, он прилетит ближайшим рейсом, будем дежурить по двое.

— Глаз с него не спускайте. Этот, если придет в себя, и из больнички свалит. С дочкой нужно встретиться, думаю у нее есть ответы на наши вопросы.

— Прилетит Саня, я к ней наведаюсь. Объясню, что по чем.

— Только не жести.

— Да, понял я.

Отключаюсь, бросаю трубку на диван. Какого хрена! Если он откинется, все его счета перейдут этой дочери. Мне что, с бабой воевать?.. Стоп! А может, так и было задумано? Хотел ей бабки отдать, он же не жилец. Если он не знал, чьи деньги, мог и рискнуть.

Долго брожу по квартире, как неприкаянный. Увяз в это дерьмо по самые уши и назад дороги нет. Не могу все просто бросить. Как буду выглядеть перед пацанами? Как лох, которого кинули, а потом он запал на телку, с которой это связано, и проглотил? А зачем тогда они больше месяца рыли землю по всему земному шару? Чтобы я сказал — всем спасибо, свободны? Аслан чувствует свою вину, Башир тоже из-за этого впрягся, а еще из-за меня, потому что прошли многое.

Даже если бы дело было не общее, впрягся бы, мы еще со спортшколы вместе, если нужно, всегда придем на помощь.

Уснуть удается лишь далеко за полночь, а утром еще и Лиза встает не с той ноги.

— Привет, почему так рано встала, — захожу на кухню под шум работающей кофемашины.

— Потому что не хочу опаздывать на работу. А еще нам нужно поговорить. Она кладет ложку сахара в чашку, садится и принимается его громко расколачивать, нервничает.

— Я тебя слушаю, — складываю руки на груди, упираясь о дверной косяк.

— Давай договоримся, что больше не будем видеться. Закончим это все, пока не зашло слишком далеко.

Внутри неприятно щемит и накачивает злость.

— Куда уж дальше, Лиза?

— Вчера ты еле успел надеть презерватив!

— В следующий раз постараюсь не забываться.

— В следующий раз? Ты вообще меня слышишь, Макс? Мы не должны встречаться, это неправильно!

— Кто так решил?

— Это мое мнение и, будь добр, с ним считаться.

— Я видел твое мнение ночью, как-то оно разительно отличается, не находишь?

— Поэтому я и прошу тебя не предпринимать больше попыток встретиться. Пообещай.

— Я не обещаю то, что не в состоянии выполнить.

— Но как ты это видишь, скажи? Ты отобрал у нас все, наш дом выставлен на продажу,

я работаю на тебя по найму, дядя вообще безработный теперь. А я, переступив через все это, буду спать с тобой?

— Лиза, дай мне разобраться с Плотниковым, а дальше разберемся с твоим дядей.

— Ты можешь его вообще не найти.

— Аслан его нашел. — она стопорится — Но он в больнице, в тяжелом состоянии, подступиться пока нереально.

— Даже если все вернется на круги своя, в нашей ситуации продолжения быть не может, — старается выглядеть категоричной.

Ей кажется, что она меня отрезвляет и я сейчас должен понять и принять.

Затем вызывает такси и идет к входной двери. Выхожу в коридор. Надев обувь, в своем вчерашнем платье, она крутится перед зеркалом и поправляет прическу. Любуюсь. Заметив меня в зеркале, Лиза оборачивается.

— Градов, ты лучшее, что было в моей жизни. Но быть вместе не получится, просто прими, как факт.

— Это ты сейчас послушай и прими, как факт: я никому тебя не отдам! И мне не помешают ни твои доводы, ни твой дядя, ни даже Господь Бог!

Она сжимает губы, понимая, что разговор окончен, сверкает на меня разъяренным взглядом и выходит из квартиры.

Лиза

Сегодня возвращаюсь с работы пораньше. Просто позволяю себе уйти, за весь день так и не смогла заставить себя настроиться на нужный лад. Мозг разрывается между чувствами и совестью, с самого ухода из квартиры Макса, меня не покидает мысль, что безболезненного выхода из нашей ситуации нет, больше нет, заигрались.

Возле дома обнаруживаю неизвестную машину, свою загоняю в гараж и захожу в дом. В доверок к моему, и так поникшему, состоянию натыкаюсь на посторонних людей, расхаживающих повсюду и оценивающе осматривающих комнаты.

Покупатели, понимаю сходу.

— А здесь кабинет, — открывает перед ними дверь родственник — отсюда заберу рабочую технику и книги, все остальное остается.

— Добрый вечер, — кладу устало сумку на диван в гостиной.

Люди здороваются и, не обращая больше на меня внимания, проходят по комнатам дальше. Дядя Сева улыбается мне вполоборота, делает вид, что все нормально. Но я-то знаю, чего ему стоит расстаться с родными стенами, единственным напоминанием о сыне, о прошлой жизни, и переехать на старости лет туда, где не предполагал провести последние годы. Что я делаю рядом с Градовым? Это предательство, вероломство, Лиза!

Все! Решаю для себя. Больше никаких встреч, хватит. Если дядя узнает, это его добьет, он не заслужил от меня нож в спину.

После ухода покупателей, дядя Сева, возвратившись в дом, сообщает:

— Лизавета, мы завтра приглашены в гости. Постарайся не задерживаться на работе.

— Куда?

— В ресторан. Помнишь Гуциных?

— Это, которые в посольстве работают?

— Они, — улыбается он — Кирилл, их сын вернулся из Франции, перевели на работу в Москву. А у его отца как раз завтра день рождения, двойной повод.

— Что-то я не припомню, чтобы мы с ними так близко общались. Как мы оказались в списке приглашенных?

Я совершенно точно не хочу туда идти, в компанию возрастных, чужих людей. Но точно знаю, что дядя будет настаивать.

— Ну почему же, мы раньше часто встречались семьями, пока Ирина была жива. Она, конечно, больше дружила со Светланой, но с ее мужем нам всегда было о чем поговорить.

— Дядя Сева, давай без меня. Вообще не до праздников, честно.

— Лиза, тебя тоже пригласили, это невежливо. Хотя бы на часок поедешь, а там откланяешься раньше.

— Ну если только так.

***

В небольшом банкетном зале ресторана собрались самые близкие Гуциным люди. Все, как один, за шестьдесят. Из молодых только их сын, которого я вижу второй раз в жизни.

Кирилл Гуцин тоже дипломат, работал во французском посольстве, теперь предки нашли ему хорошее местечко здесь, в местном консульстве. Судя по тому, что все разговоры за столом битый час сводятся к его персоне, родители очень им гордятся, души не чают, и

вся их жизнь посвящена созданию благоприятных условий для карьеры и сладкой жизни сына.

Ему двадцать восемь, два образования, красноречив, блондин, неплохо сложен и больше ничего особенного, абсолютно ничего. Судя по тому, как он весь вечер поглядывает на меня старается понравится, начинаю понимать цель нашего визита сюда. Ну дядя, как всегда...

Время от времени я вступаю в разговор, если меня о чем-то спрашивают, но в целом не интересно и скучно — не мое. Через час с небольшим ссылаюсь на завтрашний сложный день и говорю, что мне пора. Благодарю хозяев за гостеприимство и все такое.

— Лиза, давай я тебя отвезу, — встает вместе со мной из-за стола Кирилл.

— Не нужно, спасибо большое, я прекрасно доберусь на такси.

— Правильно, Кирилл, — вклинивается Гуцин-старший — нельзя девушку саму отпускать в такое время. Лизонька, Кириллу тоже с нами скучно, тем более, он не пил, так что не отказывайся.

Ага, скучно. Сидел слушал похвалы и оды в свою честь, как павлин, и расцветал, словно майская роза.

Возразить мне, вроде как, нечего, придется потерпеть еще и поездку.

Мы выходим на улицу, слегка продрогнув от прохладного ветра по плечам, радуюсь, что его машина припаркована недалеко.

— Прощу, — Гуцин открывает передо мной дверь своей Ауди.

Усаживаюсь в новенький салон, улавливаю запах, и почему-то вспоминаю Градова. Запах Кирилла не трогает, даже наоборот. Может потому, что он мне не понравился еще вначале? Не то, чтобы он был мне неприятен, просто не вызвал никаких чувств, вообще.

Мы отъезжаем от заведения, машина поворачивает на проспект, и проехав метров триста, Гуцин ныряет в первый же карман, глушит двигатель. Впивается в меня взглядом.

— Поехали ко мне. Обещаю программу поинтереснее, чем в ресторане, — улыбается он. Взглядом шарит по груди, ни капли ни скрывая, для чего он меня приглашает.

— Разве я дала повод приглашать меня в гости?

— Я не ждал от тебя повода, знаю, что воспитана иначе. Но мы взрослые люди, нет смысла делать вид и придумывать всякую ерунду. Я привык называть вещи своими именами. Ты мне понравилась еще год назад, я тогда был в отпуске. Нас познакомили, в этом же ресторане, кстати. Ты помнишь?

— Помню... Но почему ты решил, что этого достаточно, чтобы предлагать мне секс?

— Если тебя смущает, что скажет Всеволод Иванович, то с ним мы все обговорили.

— Что обговорили? — меня начинает нервировать этот разговор.

— Наши с тобой возможные отношения. Я знаю, что у вас сейчас сложности... Готов взять тебя под свое крыло, я часто вспоминал тебя в Париже, Лиза.

Он поддевает указательным пальцем шлейку моего коктейльного платья и тыльной стороной проводит вверх, касаясь кожи. Меня передергивает, хватаюсь за шлейку, отстраняя его руку.

— Кирилл, я не знаю, что вы там обговорили с моим родственником, но свою личную жизнь я устраиваю сама. И на будущее, не стоит обсуждать подобные вопросы за моей спиной.

— Прости, — все еще улыбается Гуцин — я думал ты в курсе. Тогда вернемся в начало. Поехали ко мне и поговорим.

— Нет, Кирилл, на сегодня с меня хватит. И не нужно меня подвозить, я вызову такси.

Мне нужно побыть одной.

Открываю дверь и выхожу.

— Всего доброго! — захлопнув дверцу, с жадностью вдыхаю свежий воздух. Иду в сторону остановки, подхожу к стоящей рядом машине с шашечками.

— Вы свободны? — заглядываю в открытое окно.

— Вам куда? — спрашивает парень.

— По дороге определяюсь.

— Садитесь, — сдвигает он плечами, странно на меня косясь.

Запрыгиваю на заднее сидение и такси набирает скорость. Гущин разворачивает автомобиль и уезжает в другую сторону.

— Так куда ехать? — настаивает водитель.

Ловлю себя на мысли, что мне совершенно не хочется домой, злюсь на дядю, на Гущина. Устроили, черт побери, сватовство. Не зря не хотела идти туда. Крыло он мне предлагает, орел недоделанный. Здесь в конце проспекта живет Дорофеева. Смотрю на часы, только десять. Называю ее адрес и набираю номер.

— Алло!

— Привет.

— Привет, — голос веселый, выпила что ли?

— Альбин, можно я у тебя переночую?

— У тебя что-то случилось?

— Нет. Просто накопилось, не хочу домой ехать...

— Элис... тут такое дело. Я не одна...

— Мм! Я чего-то не знаю?

— В общем, мне самой все, как снег на голову, завтра расскажу. Не обижайся, ладно?

— Ты с ума сошла? — улыбаюсь в темноту — Я, наоборот рада за тебя. Давай, сладкой ночи!

Отключаюсь, пару минут размышляю над услышанным, потом спохватываюсь, что нужно поменять адрес. А домой же так не хочется...

Впереди маячит неоновым светом вывеска «Хилтон».

— В отеле высадите, пожалуйста, — внезапно решаю, что лучше в отеле, чем под одной крышей с дядей. Я еще ему завтра устрою разбор полетов.

На ресепшене администратор просит паспорт, вспоминаю, что не брала его.

— Права подойдут?

— Да, давайте, — бодро, с улыбкой отвечает девушка, как будто не ночью на смену заступила, а ранним утром.

Оформляет меня, отдает ключ от номера.

Захожу в лифт, нажимаю на кнопку третьего этажа, но дверь не успевает закрыться, в последний момент в кабину втискивается брюнетка с длинными прямыми волосами в красивом вечернем платье и крупный мужчина. Он нажимает свой этаж и поворачивается лицом. Что-то неприятно екает внутри — Башир.

Он смотрит с напряженным удивлением, потом проходится по моему наряду и снова устремляет взгляд в мои глаза. Какое-то мутное беспокойство овладевает мной. Не знаю, о чем думает он, а я о том, что Градов если не сейчас, то завтра точно будет знать где я ночевала.

Спутница Джамбаева замечает наши переглядки.

— Башир, ты забыл шампанское в номер заказать, — пытается перетянуть его внимание на себя.

— Не забыл, — отвечает тот, не сводя с меня глаз.

Слава Богу, лифт останавливается, и я выхожу. В пальцах рук чувствую острое покалывание, ноги подкашиваются. Замок считывает карту-ключ, захожу и, только захлопнув дверь изнутри, прихожу в себя.

Он, конечно, расскажет Макс, что видел меня здесь и меня ждет допрос с пристрастием. Черт, ну почему? Это сто процентов не его дело, но он так не думает. Порой у меня ощущение, что Макс уверен, что у него на меня монополия.

Макс

Утро началось трешово. Акции, которые купили на прошлой неделе, начали падать в цене. Загорелся один из складов компании, где хранились нефтепродукты, и цена на двадцать процентов поползла вниз всего за сутки. Давно я так не прогорал. У секретарши сломалась кофемашина, ей пришлось бежать за кофе на первый этаж здания в ресторан. И пока она пришла обратно, кофе успел остыть. Отодвигаю со злостью стаканчик и тянусь к звонящему телефону.

— Да, Аслан.

— Привет, плохие новости.

— Что случилось?

— Плотников умер.

— Бл*дь! Что за день! — откидываюсь в кресле.

— Мне удалось встретиться с дочкой. Не уверен, что она отдаст бабки. Похоже решила, что это мы мошенники. Придумали схему, чтобы завладеть состоянием ее папеньки.

— Она так сказала?

— Не совсем так, но дала понять. С*ка редкая оказалась, под стать папаше.

— Пи*дец, только ее мне не хватало, и так полная ж*па. Сказала, зачем он приезжал?

— Короче, расклад такой: он бросил их с матерью после ее рождения, мать не смогла его простить и дочку настроила так же. Он пытался с ней законтачить, когда она вышла замуж и уехала от матери. Она отказывалась с ним общаться, отмахивалась от его помощи, которую не раз предлагал. В последнее время он исчез и не донимал, а около полугода года назад узнал, что у него родился внук. Написал поздравительное смс. Она на фоне радости от свалившегося материнства ответила «спасибо» и отправила фотографию ребенка. Правда, попросила больше не беспокоить. А два дня назад Плотников приехал и попросил о серьезном разговоре. Рассказал, что болеет, что долго не протянет. Что у него на счетах есть крупная сумма денег и он написал завещание на внука на все свое имущество. Оставил необходимые документы и ушел. Я видел копию завещания. А когда рассказал, как ее папаша добыл свое состояние, она ответила, что живет в цивилизованной стране, и ее государство в состоянии защитить ее и ее ребенка от всяких аферистов. Как сумму в бумагах увидела и гордость засунула в одно место и папаша, уже вроде, не такой и плохой.

— Можешь не продолжать. Эти деньги похоронены на счетах до совершеннолетия этого ребенка. Полный алес...

— Что делать, Макс?

— Ехать домой, — говорю упавшим голосом.

— Да ну нах*р!

— Ты хочешь повоевать с ребенком?

— А ты хочешь так все оставить?

— Я не могу спрашивать с невиновных!

— Слушай, хорошая схема! Нужно будет взять на вооружение. — зло стебется Аслан —
Нужно просто украденное отдать невиновным и можно не отвечать за свои косяки!

Знаю, что он об этом думает, но ответственность за это, в конце концов, на мне. Я не стану влезать в разборки с женщиной и младенцем.

— Ты сейчас возьмешь билеты и вернешься в Москву. Я вам дал деньги на клуб, как обещал. Дальше мои заботы, разгребу сам. Спасибо за помощь.

— Бл*дь, Макс! Такая работа проделана.

— Я сказал ставим точку!

Джамбаев отключается, а меня потряхивает от злости. Все, что могло случиться наихудшего в этой ситуации — случилось. Плотников сделал всех, пора это признать. За его махинации будет отвечать Разумовский... и Лиза, прицепом, мать твою!

Впервые за все это время задумываюсь о том, принесет ли мне облегчение то, что я заберу у Разумовского деньги. Вряд ли. Мне и сейчас от этого тошно, не из-за него, из-за Лизы. Но простить всем, это уж слишком. Что с этим всем, на х*р, делать? Я просто в тупике, загнан в угол. Не хочу ее потерять, если бы дело не касалось личного авторитета, плюнул бы на любую сумму, на любую.

Гришка заваливается в кабинет без стука, с полной оторопью на лице.

— Аслан звонил...

— Лучше бы не звонил.

— Что делать будешь? Обирать старика до нитки?

— У тебя есть другие варианты?

— Готов отказаться от Снежиной?

— Нет.

На следующий день после моей выходки на вечеринке у меня на террасе, Ловцов сказал, что еще не видел меня таким, потерявшим голову. Я не отрицал, бессмысленно ломать комедию перед тем, кто провел с тобой бок о бок столько лет. Даже, понимая, что я с ней переспал, он не стал задавать вопросы, как обычно, когда случается спонтанный секс с какой-либо девицей, и мы подкалываем друг друга. В клубе они с Баширом видели, как я вытащил ее от стойки и уволок за собой.

— Ты же понимаешь, что придется выбирать?

— Понимаю, — стучу ручкой о поверхность стола, устремляю взгляд в окно. Как же хреново.

— Нужно снять прослушку у них в гостиной.

— Что?

— Там до сих пор висит жучок, и в его кабинете тоже, то есть, в кабинете Лизы.

Сглатываю, забыл совсем об этом.

— Ты до сих пор их слушаешь? — от этой мысли становится неприятно.

— Нет. Какой смысл? Но если обнаружат...

— Узнай, если Разумовский дома, съезди, расскажи новости и заодно приберись там. А я разберусь в кабинете Лизы.

— Хорошо.

По дороге в агентство впервые испытываю желание не застать Королеву на работе. Хочу просто снять эту чертову прослушку и не напрягать, и без того, сложную, обстановку между нами. До офиса остается пару километров, на телефоне высвечивается входящий от Башира.

— Алло, — включаю громкую связь кнопкой на панели.

— Привет, ты в офисе?

— Нет, уехал.

— Аслан мне все рассказал. Давай встретимся, есть идея.

— Если беспредел, то не стоит.

— А с Разумовским не беспредел? Мы по закону, что ли, ему счетчик включали? Может, ты Снежину по закону к себе домой уволок? Чем эта ситуация другая, Макс?

— Тем, что Разумовский мужик, тем, что он лично отвечал за доставку денег. А Снежина, — да, беспредел. Но мне его хватило за глаза, Башир! Мне его еще разруливать, понимаешь?

— Кстати, я вчера ночью видел ее в отеле.

— Где видел? — меня прямо подкидывает в кресле.

— В Хилтоне. В вечернем платье, вся при параде. В лифте вместе ехали, вышла на третьем этаже.

Негодование резко сковывает тисками, руки непроизвольно сжимают руль.

— Ночевала там?

— Я не знаю.

— Хорошо, разберусь. Спасибо за информацию.

Кладу трубку и охреневаю. Как же меня разнесла эта новость, даже дышать стало трудно. Сильнее, чем все сегодняшние новости вместе взятые. Какого черта она там делала? С кем была?

С чувством раздражения захожу в первый зал офиса, на автомате здороваюсь с работниками. Глаза сразу же устремляются через стекло направо. И словно обухом по голове меня прибывает картина: напротив Лизы стоит какой-то мужик с букетом и что-то ей втирает.

Резко открываю дверь.

— Просто хочу извиниться за вчерашнее, некрасиво вышло.

Он на критически близком к ней расстоянии, у меня сносит крышу. Это с ним она вчера была?

Лиза реагирует на мое появление и дико испуганными глазами выдает, что мой приход вызывает у нее ужас.

Несколько шагов и я оказываюсь возле них.

— Это кто? — не церемонясь, обращаюсь к ней. Не получается говорить спокойно, внутри все клокочет и горит.

— Знакомый, — голос неуверенный, она с трудом справляется с волнением.

— Мужчина, что происходит? По какому праву вы врываетесь в кабинет без стука? — похоже этого мой приход не испугал, скорее разозлил.

— Я могу и настучать. Но лучше будет, если ты уйдешь и до этого не дойдет.

— Лиза, это кто? — приходит он в возмущение.

— Мой директор, — с чувством безысходности отвечает она, понимая, критичность ситуации.

Мужик осекается, но снова приходит в себя.

— А у вас в компании принято вести себя по-хамски? Вообще-то, у работников есть еще частная жизнь, если вы не в курсе.

— Это ты, что ли, ее частная жизнь? — подхожу к нему вплотную, руки так и чешутся врезать от души — Забирай свой веник и вали отсюда! Если увижу еще раз возле нее, отхватишь не по-детски! Я два раза не предупреждаю!

Он отступает назад, хоть и здоровый лоб, драка не его конек, это я понял сразу.

— Кирилл, тебе лучше уйти, — умоляет Лиза. А меня прямо разносит, от того, как она называет его по имени, еще одно слово и я выкину его отсюда.

Она это понимает, идет к двери, открывает ее и ждет, что он выйдет. Мужику явно не нравится этот выпад, но он делает умную мину при плохой игре и идет на выход.

— Я позвоню, — говорит напоследок.

Лиза, поджимает губы, осознавая, что эта фраза последняя капля и сейчас грянет гром. Закрывает за ним дверь.

— Только не кричи, — просит с мольбой в глазах.

Поднимаю глаза, за происходящим в кабинете наблюдают не только работники, но и семейная пара клиентов.

Лиза

— Только не кричи, — мне и так крайне неприятен визит Гущина, безумно стыдно за эти разборки, которые устроил Градов. Они разговаривали так громко, что в основной зал было слышно каждое слово.

Макс подходит, крутит механизм жалюзи, и они скрывают нас от посторонних глаз. Нависает надо мной, по лицу проносятся гнев и боль. Я четко вижу боль, Боже, что он себе надумал? В голове мелькает мысль, что я не хочу, чтобы он считал, что я имею какие-то отношения с Гущиным, да не только с ним, вообще с кем-либо.

— Ночью в отеле ты была с ним? — он внял моей просьбе не кричать, но от злости в его голосе, у меня холодеют конечности.

— Нет, я была одна.

— Что ты делала там одна? — делает он акцент на последнем слове.

— Рассердилась на дядю, не хотела ехать домой. Макс, хватит. Я его видела два раза в жизни, а ты устроил черт знает что, — говорю разочарованно.

— Я должен тебе просто поверить?

— Я должна тебе что-то доказывать?

Грохот от удара кулака по пластику сбоку над моей головой заставляет дернуться. От задрожавшего стекла за моей спиной, сжимается все внутри. Я не знаю, как совладать с его яростью, просто зажмуриваюсь и забываю дышать. Он склоняется головой над моим ухом, утыкается носом в висок, затем отстраняется.

— Ты сведешь меня с ума, Лиза. Скажи мне правду, что ты делала ночью в отеле?

— Я сказала правду.

— За что он извинялся?

Стопорюсь, если скажу, будет новый приступ гнева. Он поднимает мое лицо за подбородок, громко дышит, обжигая кожу, просто на взводе.

— Лиза! — пристально смотрит в глаза. Чувствую, как дрожит его грудная клетка.

— Мы были у них в гостях, он вызвался подвезти меня домой, а потом предложил поехать к нему, я отказалась.

— Какого хрена ты с ним поехала?

— Мне его навязали, не смогла отказаться.

— Да что ты? Когда это ты в робком десятке оказалась? — желваки играют на его щеках, он просто загоняет меня в тупик. Как никогда, мне нечего ответить.

— Ты долго будешь меня терзать? Мне больше нечего добавить, допрос окончен.

Подныриваю под его руку, упирающуюся в перегородку, и отхожу к окну, привычно упираясь о подоконник. Он подходит к столу, заводит руку под столешницу и вытаскивает оттуда... прослушивающее устройство, доходит до меня.

Вспыхиваю, это просто апогей происходящего. Не скрывая, на моих глазах.

— Ты что, слушаешь меня? — возмущенно смотрю прямо в глаза.

— Слушали Разумовского, когда ты жила у меня. Тебя нет.

— Ты так открыто мне это говоришь, как будто шариковую ручку здесь оставил.

— По-твоему, лучше врать и делать манипуляции за твоей спиной? Была такая ситуация, мы не доверяли ему. Как есть, так есть, назад не вернешь.

— Градов, ты...

— Чудовище, я помню, ты говорила.

Умолкаю. Смотрим друг на друга в полной тишине. Как так случилось, что за такое короткое время этот, такой противоречивый мужчина, стал мне родным? Я это сейчас чувствую крайне остро. Несмотря на весь хаос, который он принес в мою жизнь, мне хочется подойти и обнять, заглушить его разбушевавшуюся бурю эмоций, ощутить его силу и сумасшедшую энергетику. Но что-то не пускает, душит за горло мертвой хваткой, напоминая, что мы по разные стороны баррикад.

— Кто он такой? Чем занимается? — не унимается Макс.

— Гуцин, сын друзей дяди. Дипломат, несколько дней назад вернулся из Парижа, теперь будет работать здесь.

— Увидеть Париж и умереть... — уже без эмоций, философски произносит Градов.

— О, Боже, Макс! — возмущаюсь я. Не хватало еще, чтобы Гуцин пострадал от этого недоразумения.

— Я шучу. Это Разумовский тебе жениха нашел?

— Его сюда хоть не путай, — говорю с укором, но сама-то понимаю, с чьей подачи Кирилл решил, что путь открыт.

— Значит, сама дала повод. Могла ведь не ехать с ним... Ну да, дипломат — хорошая партия, дядя одобрит.

— Макс, прекрати!

— Все правильно, Лиза. Зачем тебе чудовище?

Он медленно, словно истрепанный, выходит из кабинета, болезненно реагирую на звук закрывающейся двери, падаю в рабочее кресло и борюсь с подступившими слезами.

Когда через час выхожу оттуда, подчиненные с любопытством поглядывают, думая, что я этого не замечаю.

— Меня до вечера не будет, — оповещаю всех и покидаю офис.

По телефону договариваемся с Альбиной о встрече, но перед этим в планах заехать домой. Утром, заскочив переодеться, я обнаружила, что никого нет, а мне просто необходимо прояснить вопрос с Гуциным.

Открываю дверь кабинета, дядя сидит за рабочим столом и набирает текст на ноутбуке. Вид у него озабоченный, даже расстроенный. Но я чувствую себя не лучше.

— А, Лизонька, заходи — немного оживает он.

— Дядя Сева, что за сватовство ты мне устроил с этим Кириллом? Почему я узнаю, что за моей спиной обговаривается моя жизнь, а меня никто не ставит в известность?

— Да, собственно, нечего было рассказывать. Кирилл спросил, не против ли я, чтобы вы были вместе. Он отличный парень, Лиза, просто не отвергай сразу, присмотришься. Ему пора жениться, тебе тоже нужно мужское плечо рядом, особенно в свете последних событий. Хорошо бы иметь мужчину, который сможет тебя защитить.

— Это Гуцин меня сможет защитить?

Перед глазами кадрами проносится, как Градов просто словесно загнал его без вести. А если бы применил силу, Кирилл бежал бы оттуда, только пятки сверкали.

— У него престижная работа, хорошая зарплата, отдельное жилье. Ну сама подумай, как ты будешь жить? Готова снова перейти в свое бюро переводов, на прежний уровень дохода?

— Дядя Сева, послушай меня! Не нужно меня ни с кем сводить, я не собираюсь замуж только потому, что меня нужно защищать или содержать. Я сама справлюсь со своими

трудностями, мне не привыкать. А этот Гушин, я к нему даже симпатии не испытываю, зачем ты толкаешь его ко мне?

— Как? — удивляется он — А где же ты тогда ночевала этой ночью?

— В отеле.

Он, наконец, соображает, расстраивается и хлопком закрывает ноутбук.

— Лиза, у нас больше нет вариантов выкарабкаться. Сегодня утром Плотников умер в больнице одной из провинций Канады. Все деньги на счетах завещал внуку. Градов не сможет вернуть ни свои, ни наши...

Мозг взрывается, как от электрошока, все надежды разбиваются о горькую действительность, и на меня обрушивается обреченность. Прислоняюсь к стене, чувствую себя в полном тупике. Впереди непреодолимая стена, хоть бейся головой, выход один, и это точно не Гушин. Это боль, разочарование и финансовый крах. Ну что ж, пора посмотреть судьбе в лицо.

— Сколько, по твоим подсчетам, нам останется выплатить, если продадим дом и снимем оставшиеся на счетах деньги?

— Зачем тебе эта информация? Это мой долг.

— Я хочу знать.

— Много, Лиза. Но я не для того тебе советую не отмахиваться от Кирилла. Свои долги я буду отдавать сам. Просто хочу, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

— Я не буду с Гушиным, даже если стану остро нуждаться. Я жила в браке, который не приносил удовольствия, с меня хватит. Очень прошу тебя, не нужно устраивать мою личную жизнь, я со всем сама разберусь.

— Хорошо, делай, как знаешь.

***

Мы с Альбиной заняли столик на летней террасе в кафе на Арбате. В ожидании заказа лениво потягиваем апельсиновый сок из трубочек и наслаждаемся классным летним вечером, хотя я бы назвала это чем-то средним между полдником и ужином. Мое настроение можно назвать смирением. Если проблемы не избежать, нужно изменить к ней отношение. В конце концов, все живы и здоровы.

— Ты же говорила, больше туда ни ногой, — напоминаю подруге. Что-то у нас с ней повелось периодически наступать на те же грабли.

— Говорила и была уверена, что больше никогда его к себе не подпущу. А вчера он пришел, сказал, что получил развод, что уже месяц живет один, и у меня сорвало крышу.

— Ты уверена, что он развелся?

— Угу, он показывал фото свидетельства.

— И какие перспективы?

— Замуж зовет.

— Мм, пойдешь?

— Пойду. Не сразу, конечно. Я сказала, что подумаю. Слишком легко не будет, пусть теперь тоже помучается.

— Хм. — смеюсь, подруга в предвкушении мелкой мести, аж глаза закатывает от удовольствия — Тебе не кажется, что он в свои сорок все понимает? И твои попытки поиграть с ним тоже.

— Ну и пусть. Хочу, как у всех нормальных людей — ходить на свидания, не прятаться, не испытывать чувство вины, не находить в его косметичке спрятанную обрубалку. А уже

потом замуж, когда скажу «да».

— Ну, может, и правильно. Заодно сама поймешь, нужно тебе это так же, как восемь месяцев назад или что-то за это время изменилось.

— Изменилось, я и так знаю, — Альбина откидывается в плетеном кресле, надпивая сок — Я больше не верю словам, только поступкам. Исходя из них и буду принимать решение.

— В этой истории меня подкупает лишь одно — у тебя глаза светятся счастьем. Поэтому я рада за тебя... Если соберешься переезжать к Олегу, не разрывай договор на аренду квартиры, ладно?

— Ты хочешь переехать?

— Возможно, скоро понадобится.

— Что у вас там происходит?

Рассказываю последние события, начиная с ухода из клуба, где мы виделись в последний раз и заканчиваю сегодняшним днем.

— Ошалеть, Элис! Триллер какой-то. А что по поводу смерти этого Плотникова сказал Градов?

— В том-то и дело, что ничего не сказал. Вообще не озвучил. Возможно, побоялся прямого вопроса, что он теперь будет делать с нами.

— Побоялся? После, снятого на твоих глазах, жучка? Мне он кажется вообще непробиваемым. Но в одном он прав: лучше правда, любая, чем так, как было у нас с Олегом. Ты даже не представляешь, как больно, когда спустя три месяца отношений, оказывается, что половина из сказанного — вранье.

— Согласна, правда лучше. Но наша слишком жестокая...

— Я не понимаю, для него это такие большие деньги? Он же баснословно богат.

— Нет, Альбин. Дело в другом. В его мире такое нельзя прощать. Его кинули, и он должен за это спросить.

— Ну и как он хочет строить с тобой отношения?

— Не знаю. Просто со временем поймет, что это нереально, что у этих отношений нет шансов. Смерть Плотникова — это точка невозврата, дальше тупик.

При этих словах слезы предательски, наворачиваются на глаза, и я ничего не могу с этим поделать.

— А ты сможешь с этим справиться, Элис? — предельно серьезно спрашивает Дорофеева.

— У меня нет другого варианта. Еще недавно я лелеяла надежду, что все завершится как-то иначе. А сегодня я поняла, что это конец.

Лиза

Несколько дней к ряду настроение на нуле. Я упорно продолжаю делать повседневные дела, пытаюсь строить график так, чтобы меньше времени оставалось на раздумья и жалость к себе.

Придя на работу, принимаю, приехавших прямо к открытию офиса, постоянных клиентов. Долго разбираемся с вариантами, наконец, оформляем путевки и проводя их из кабинета, прошу Киру сделать мне кофе.

Взгляд в окно на забрызганное дождевыми каплями стекло, под аромат американо в чашке на столе, возвращает меня в другой дождь. Там, в саду Градова, под потоками ливня, мне казалось, что это апофеоз нашей истории, хуже уже случиться ничего не может. Теперь понимаю, что конец наступил только сейчас. Давящая боль в солнечном сплетении не дает забыть и все время напоминает о нем, как только я остаюсь одна. Мне нужно, во что бы то ни стало, справиться с этим, я должна. В конце концов, этот сложный период закончится, когда-то остынут чувства, возможно, даже придут новые, и я снова смогу дышать полной грудью. Только бы его не видеть, он должен просто остаться прошлым, тогда, пожалуй, я бы выкарабкалась.

Решаю, что пришла пора расставить акценты. Набираю Градова, он берет трубку через пару гудков.

— Алло!

— Привет.

— Привет.

— Макс, я знаю про смерть Плотникова. У меня к тебе есть просьба.

— Говори, — голос у него упавший, как будто не начало, а конец рабочего дня и он сильно измотан.

— Очень тебя прошу, умоляю, не приезжай сюда. Не ищи со мной встречи. У меня никого нет, и в ближайшее время не предвидится. Я просто хочу абстрагироваться от этого всего и попробовать жить, как раньше, помоги мне, пожалуйста.

В трубке воцаряется молчание, я жду ответа, но его нет.

— Макс, ты меня слышишь?

— Да...

— Тогда ответь.

— Хорошо, давай попробуем.

Он отключается, а мне, как будто вогнали в грудь острый клин. Дышать становится тяжело, к горлу подкатывает ком. Сглатываю, делаю глоток уже остывшего напитка.

Больно, мучительно горько. Сокрушительная тоска, поселившаяся в душе, разрастается, просачивается в кровь и разбегается по венам. Я поставила точку, я смогла, он согласился — успокаиваю себя. Все будет хорошо.

Вибрация телефона, заставляет взглянуть на экран. Альбина прислала смс: «Я переезжаю к Олегу. Завтра могу отдать ключи».

Пожалуй, все своевременно. Это как раз то, что мне нужно. Побывать одной, привести свои мысли в порядок.

***

Две недели проходит, словно в тумане. Упаковка вещей, переезд, жаркое время на работе, август все хотят провести на морях. Дядя Сева с понимаем отнесся к моему желанию пожить отдельно, попросил только не забывать совсем и иногда навещать его.

Гущин пропал напрочь после последнего визита. Не знаю, Макс поспособствовал или он сам все понял, мне даже не интересно. Слава Богу, что не беспокоит. Градов тоже, как и обещал, не звонит и не появляется. На прошлой неделе мельком услышала, как Руслан, приехавший из отпуска, рассказывал Кире, где он бывал и упомянул, что видел в пляжном ресторане нового босса. Ну и отлично, значит его и в городе нет.

Пару раз за это время встречались с Альбиной, она весела и счастлива, прямо радуюсь за нее. А несколько дней назад они тоже улетели с Олегом в Сочи, меня попросила хоть пару раз навеститься в бюро. Поэтому сегодня я посвятила целый день объезду. Утром бюро переводов, и дальше по всем своим филиалам. Я стараюсь приезжать каждый месяц, если не дышать подчиненным в спину, они расслабляются, проверено. Но обычно, я распределяю эти поездки на разные дни. Сегодня решила все сделать одним махом, устала катастрофически.

Выехав домой, ощущаю сонное состояние, нужно отоспаться на выходных, просто уделить время себе, ритма белки в колесе мой организм больше не выдерживает.

В сумке звонит телефон, достаю.

— Алло.

— Лиза, привет. Ты уже дома? — голос дяди не внушает приятных новостей.

— Еду, а что?

— Доедешь, перезвони.

— Говори сейчас, что-то случилось?

— Градов объявился. Звонил только что.

Бах, бах, бах — сходу раздается в районе сердца.

— Напомнил, что деньги нужно отдать наличными и в валюте, как было оговорено вначале. Я уж думал, он сменил гнев на милость и готов принять деньги в любом виде. Ему же, по большому счету, все равно. Просто усложняет задачу, развлекается засранец чертов!

— Но как такую сумму собрать наличными?

— Вот и я об этом. Понимает же, что это подстава. Где я возьму ему столько долларов? С офшора тоже не смогу завезти такие суммы, этим занимался Плотников. Все пошло не по плану, мог бы уже пойти навстречу, сволочь.

— Дядя Сева, я не понимаю, как помочь...

— Да никак. Просто больше и высказаться некому, кому ж такое расскажешь... Прости, что нагружил тебя. У тебя все нормально?

— Да.

— Ладно, давай тогда, отдыхай.

— Спасибо.

Кладу трубку, не в состоянии понять, чего Градов хочет снова. Это месть? Мог бы хоть ради меня пойти навстречу.

В расстроенных чувствах, упускаю из виду, что скоро мой поворот, просто не успеваю включить поворотник. Затем спохватываюсь, в последний момент притормаживаю и выкручиваю руль вправо. Но приходится резко нажать на тормоз, потому что чувствую толчок и слышу звук стукнувшей меня сзади машины. Черт!

Из джипа вылетают двое мужиков и подбегают ко мне. Выхожу им навстречу, лица

свирепые, разорвать меня готовы.

— Ты че, дура, права за бабки купила? — наезжает один сходу.

— Вы должны держать расстояние, виноват тот, кто сзади, — пытаюсь выглядеть непрошибаемой.

— Ты поворот не включила! — орет другой — Еще мне тут правила будешь рассказывать!

Обхожу машину, смотрю на место удара. Ничего катастрофического нет, на их машине царапины, на моей, конечно пара вмятин.

— Ладно, давай нам на ремонт и разъедемся, — предлагают они.

— Сколько?

— Ну...тысяч сорок, тут нужно весь бампер перекрашивать, — говорит первый, потирая подбородок.

— Сколько? Вы что издеваетесь? Думаете, я не знаю цен на покраску? И никто в таких случаях весь бампер не красит, тут пара мелких царапин.

— Ты, курица, мне сейчас не только за покраску заплатишь! Умничать будешь маме дома, а тут будет, как я сказал!

Он подходит к моей машине, достает из кармана нож и вонзает его в шину, та мгновенно сдувается, и машина оседает на один бок. Меня охватывает шок, я никогда не сталкивалась с таким. Единственное, что приходит на ум, что нужно вызывать полицию, полюбовно решить на получится.

— Что вы делаете? Я вызываю ДПС, — лезу в машину за телефоном, но тот, что с ножом, грубо оттягивает меня за локоть.

— Бабки гони, а потом вызывай кого хочешь, — шипит он мне в лицо. Мимо проезжают, объезжая нас, потоком машины и никому нет до этого дела.

Неожиданно одна поворачивает и притормаживает возле нас. Из серебристого джипа вываливается крупная фигура Башира. Он подходит к нам.

— Добрый день, — спокойным движением, отрывает руку мужика от меня — что тут происходит?

— Привет, Черкес, — совершенно другим тоном отвечает мужик — телка забыла включить поворотник, вот поцарапала, нах*р, бампер.

Джамбаев подходит к месту удара, оценивает ситуацию, потом смотрит на разметку — обгон разрешен.

— Почему шина повреждена? — спрашивает у меня.

— Он пырнул ножом, — киваю на виновного.

— Ты идиот? — гремит он на него.

— Она в пузырь полезла, Черкес, не сдержался. Сто процентов виновата, но пыталась дурака из меня сделать.

— Хамил? — Башир смотрит на меня исподлобья.

Киваю, вдруг понимая, что пришла поддержка откуда не ждала. Даже бояться перестаю.

— Отойдем, — говорит он мужикам, те, без слов плетутся за ним.

Они минут пять разговаривают, потом возвращаются.

— Запаска есть? — недовольно спрашивает у меня, тот, что разрезал шину.

— Да, — открываю багажник.

Второй находит у себя домкрат, молча, под тяжелым взглядом Джамбаева, они меняют мне колесо, садятся в свою машину и уезжают.

— Спасибо! — выдыхаю я.

— У меня здесь неподалеку СТО, езжай за мной, парни посмотрят, что можно сделать с колесом и вмятины твои тоже. На запаске далеко ехать нельзя.

Садится в свой джип, пристраиваюсь за ним и минут через пятнадцать заезжаем на территорию станции. Увидев его, один из работников выходит навстречу, Башир здоровается, объясняет, что нужно сделать, забирает у меня ключи и передает ему.

— На втором этаже кафе, можешь пока выпить кофе.

— Спасибо, — как попугай повторяю я. Вообще не представляла его никогда в роли нормального человека. В моем представлении он опасный головорез.

Поднимаюсь в кафе, напротив через стекло вижу магазин запчастей и всевозможной всячины для автомобилей. Заказываю кофе, занимаю один из четырех столиков. Два из них заняты мужчинами, которые, по-видимому, тоже оставили свои авто в боксах.

Минут через двадцать приходит Башир, садится напротив.

— Шину заклеить не получится, нужно покупать новую, причем две. Нужно ставить одинаковые на оба диска, иначе нагрузка на колеса будет неравномерной. Вмятины тоже смогут выровнять и закрасить, но на это нужно время. Можешь оставить машину, по готовности заберешь.

— Хорошо, — соглашаюсь я. В любом случае это пришлось бы делать.

— Поехали, отвезу тебя домой.

Первое желание сказать, что доберусь на такси, но почему-то, не решаюсь, поскольку Джамбаев уже встает со своего кресла с готовностью ехать. Спускаюсь за ним вниз, сажусь в машину, он включает зажигание и выезжает на проспект.

— А ты, действительно, забыла показать поворот? — поворачивается голову в мою сторону.

— Забыла. Мне позвонили с неприятными новостями, растерялась, чуть не пропустила поворот.

— Понятно...

— Ты их знаешь?

— Угу. Занимаются автоподставами, ищут таких дурочек, как ты, подставляются под ДТП, а потом разводят на бабки.

— Если честно, я, правда, испугалась. Даже не знаю, чем бы закончилось, если бы ты не подъехал.

— В таких случаях, закрывайся на все замки и не выходи из машины, пока кому-то не дозвонишься. Запоминай, а лучше сфотографируй номер их машины и не веди беседы до момента приезда своих или полиции.

— Поняла, спасибо за ликбез, — улыбаюсь.

— Тебя домой?

— Нет, — называю адрес Альбины.

Башир кивает и вводит адрес в навигатор. Тот показывает двадцать с лишним минут. До квартиры едем молча. Заезжая во двор на стоянку, Джамбаев машинально поднимает высоко глаза на окна Альбины. Знает и этот адрес, понимаю я. Боже, мы как на ладони, для этих людей нет невозможного. Он глушит двигатель.

— На покраску нужно несколько дней, придется обойтись без машины.

— Ничего страшного. Спасибо большое. Если получится быстрее, я заплачу за скорость.

— Я не возьму оплату.

— Почему?

— Будем считать, в качестве извинений. Макс до сих пор не забыл мне мою версию, после которой вы разбежались.

— Хм, можно подумать это единственная причина. Есть масса других, не менее веских, и Макс об этом прекрасно знает. Он их сам и создал.

— Он?

— А кто?

— Поистине, женская логика это что-то не от мира сего.

Он почесывает подбородок, соображает стоит ли продолжать разговор, но потом решается.

— Лиза, Макс пообещал мне вложится в мой проект, договорился с Разумовским про обналичку, перевел деньги на его счет, а тот со своим человеком его кинул. Макс заново нашел такую сумму, выполнил обещание, вложил деньги. А те, которые просрал твой родственник, должен был он и искать. Но Макс кинулся ему в помощь, чтобы погасить вопрос быстрее, чем это где-то вылезет. Мы с Асланом и еще двое наших парней проколесили за этим беглецом через полмира, но и там случился облом. Макс потерял большие бабки. Что он должен сделать — простить? Отпустить твоего дядюшку, как будто он не при делах? А если бы твоего родственника так кинули, ты бы тоже считала, что виноват тот, кого поймали? Мм?

Молчу, все вроде бы знакомо, но теперь видится под другим углом. Но, все же, что-то не пускает понять до конца.

— А для чего эта показательная покупка агентства?

— Да на хрен не сдалось оно ему! Ты же все понимаешь.

— По-твоему, нормально воровать людей, потом покупать их?

— Нет. Но бывают ситуации, когда не остается выбора. Ты же ему его не оставила.

— Есть вещи, которые я, все равно, не понимаю. Сегодня он позвонил и сказал дяде, что деньги нужно отдать в валюте наличными.

— И? Это первоначальное условие.

— Ну он же понимает, что на это нужно время, как собрать такую сумму, не светясь?

— Ты правда не понимаешь, почему он это делает?

— Нет.

— Да он просто натягивает время, как может! Прекрасно осознавая, что, когда обанкротит твоего Разумовского, сразу потеряет тебя. Он просто бьется в этой предсмертной агонии, оттягивая этот момент на месяц, на несколько, на сколько получится.

Машину накрывает гробовое молчание. Башир смотрит куда-то вперед, я под впечатлением от услышанного, вообще ничего не вижу перед собой.

— Говорил мой дед: красивые бабы — зло. Только теперь понимаю, как он был прав. Никогда бы не поверил, что найдется такая, которая из непробиваемого Градова сделает уступчивого болванчика...

Сглатываю, почему-то неприятно слышать о Максе такое.

— Выходи, мне ехать нужно. И денег не надо, у нас со своими так не принято.

Выхожу, на деревянных ногах прохожу в подъезд, вызываю лифт. А зайдя в квартиру, на ходу снимаю туфли, разбрасывая их по пути и заваливаюсь на диван. Эмоции дня прорывают и, словно фонтан, выстреливают слезами наружу.

Лиза

Солнечный лучик, найдя отверстие, пролез через закрытую штору и играет у меня на лице. Открываю от этих бликов глаза, смотрю на часы — Боже, проспала. Хватаюсь за телефон, будильник не сработал или я его забыла завести? Забыла... Встаю с кровати, натягиваю халат, спешу в ванную. И, лишь открыв кран с холодной водой, чтобы быстро привести организм в чувства, останавливаю себя.

Куда я спешу? На работе меня никто не контролирует, мой босс так ни разу и не появился. Ему вообще плевать что там и как. Ну проспала и ладно, приеду позже. Начальство не опаздывает, а задерживается.

Спокойно принимаю душ, привожу себя в порядок, макияж оставляю на потом. Иду на кухню, готовлю гренки с лососем и кофе, сажусь на балконе за столик и наслаждаюсь видом и завтраком.

Прошло три дня, после моего разговора с Баширом. Я многое переоценила, наверное, он прав, у каждого своя правда, но это уже ничего не изменит. Я просто перестала злиться на Макса, и это принесло некоторое облегчение. Единственное, что не дает мне теперь покоя, почему Макс мне никогда не говорил, то, на что открыл глаза Джамбаев? У меня всегда было ощущение, что его во мне привлекает исключительно секс, пусть и в форме гипертрофированного чувства собственности. Башир же разложил все так, как будто Градов совершает из-за меня подвиг в его глазах. Но, почему-то я не могу в это поверить до конца. Градов изменился, и другу кажется, что он ударился в чувства.

Споласкиваю посуду и иду одеваться. При входе в спальню меня догоняет звонок в дверь. Странно, Дорофеева еще на море. Кто это может быть?

Заглядываю в глазок и внутренности подпрыгивают хором — Градов. Замираю, размышляя открывать или... Ах да, мою машину вчера пригнали, она стоит под подъездом, он понимает, что я еще не уехала. В подтверждение моих мыслей, Макс произносит нетерпеливо:

— Лиза, открывай, я знаю, что ты дома.

Проворачиваю ключ и отступаю, впуская его.

— Привет.

— Привет.

Он загорел, как всегда безупречно одет, брутально выглядит и шикарно пахнет. Меня прямо штормит от его вида, упираюсь спиной в стену на коридоре, чтобы увеличить расстояние, уж слишком он будоражит мои рецепторы.

Макс бегло окидывает взглядом снизу вверх. На мне только трусики и тонкий халат, блин, не успела одеться.

— Ты обещал не приходить, — наконец, я собрала себя в кучу и могу говорить что-то связное.

— Я помню. Но и ты кое-что обещала, за этим и пришел.

Делаю вопросительное лицо, не понимаю, о чем речь.

— Сегодня у Евы День рождения, мы обещали приехать.

— Градов, ты совсем с головой не дружишь? Понимаешь, о чем просишь?

— Ты обещала Еве. Она еще вчера спрашивала, будешь ли ты.

— И ты ответил за меня?

— А что, нужно было ребенку рассказать, почему ты не сможешь выполнить обещание?

Он разворачивается и проходит в гостиную, возмущенно иду за ним.

— В качестве кого ты возишь меня к своей родне, Макс? — взрываюсь — Мне снова притворяться твоей девушкой? Может, хватит всем врать?

— Может, и хватит. — он останавливается, я чуть не врезаюсь в него — Просто побудь собой. Ты же сейчас притворяешься, что ничего не чувствуешь, что я тебе безразличен. Только ни хрена я тебе не безразличен! Вижу, чувствую, это притяжение между нами не вырвать, не искоренить. Ничего не изменилось с прошлого нашего визита к отцу. Так, когда было вранье: тогда или сейчас?

— Между нами ничего нет, зачем вводить всех в заблуждение?

— Между нами нет контакта, мы искусственно создали расстояние. Но чувства никуда не денешь, они были и есть, против них не попрешь, Лиза.

— Настоящие чувства — роскошь, они тебе не по карману, Градов! Ты просто привык брать то, что задумал, это просто страсть, не более.

И снова в глазах боль, я даже осекаюсь. Мои резкие слова действуют на него отравляюще. Но он справляется за пару секунд.

— У тебя тоже не более? — этот пытливый взгляд пробирает до костей. Отвергаю его доводы, но понимаю, что он прав.

Он подходит максимально близко, захватывает мою голову ладонью, склоняется и говорит прямо в губы:

— Скажи мне, что не скучала, не думала обо мне, не вспоминала по ночам, не хотела увидеть. Скажи...

Его запах обволакивает невидимыми путами, волна трепета пробегает по позвоночнику и оседает в животе. Горячие губы так близко, руки обвивают талию и притягивают к себе. Падаю в бездну этих черных глаз, понимаю, что еще одно его движение — не выберусь. Нужно это остановить прямо сейчас. Но он врывается в мой рот поцелуем, властно, жадно, с полной уверенностью, что я заглотила наживку и не сорвусь с крючка.

Отчаянно хватаюсь за его шею, дрожу, от его вкуса, блаженствую в руках, блуждающих по телу. Он распахивает халат, скользит руками вдоль бедер, стягивая кружево трусиков и проходится языком по шее.

— Ммм! — выдыхаю нервно. Что я делаю?

Теряю равновесие, он опрокидывает меня на диван, освобождает от остатков одежды, сам тоже нетерпеливо раздевается. Наваливается сверху, со стоном, захватывает сосок, другую грудь сжимает ладонью.

— Маакс! — мгновенно становлюсь влажной между ног.

— Что, моя хорошая?

Дикое желание наполняет меня, Градов тоже возбужден невероятно, если он сейчас не войдет в меня, я сойду с ума и начну его об этом просить. Но он, как всегда, чувствует меня безоговорочно, проверяет пальцем наличие смазки, раздвигает ноги.

Проникновение, искры, пожар. Закрываю глаза и стою от наслаждения. Он скользит в нужном мне ритме, окрашивая каждый толчок надсадным хриплым стоном. Закидываю ноги ему на ягодицы, давая доступ еще глубже.

— Ммм, как я скучал, Лиза! Ты даже не представляешь... Обожаю тебя, слышишь.

Киваю, безумствую, впиваюсь ногтями в его кожу.

— Я тоже скучала, — отвечаю сквозь стоны.

Градов на мгновение выходит, переворачивает меня, подстраивает под себя и вколачивается сзади. Двигается, все больше ускоряясь, наматывает мои волосы на руку и слегка тянет на себя. Одичало вбивается на всю длину, берет свое, а я покорно отдаю. Балансируем на грани, горим, захлебываемся, до одури, до помешательства, пока оба не подходим к феерическому финалу.

Приняв душ, наношу крем перед зеркалом над умывальником. Макс, обернутый полотенцем, прислонился плечом к дверному косяку.

— Так кого ты хочешь обмануть? Меня или себя?

— Я порой ненавижу себя за эту зависимость. Есть единственный способ ее избежать — не видеться.

Он подходит сзади, кладет руки на раковину, заточая меня в кольцо, и смотрит на меня в зеркало.

— Нет такого способа, я не смогу тебя не видеть. Пробовал — ломает нещадно. Ты стала первой необходимостью, от всего могу отказаться, от тебя нет.

Целует меня в голое плечо и выходит. Вздыхаю, всматриваюсь в свое выражение напротив. Что мне с ним делать? Как излечиться от этой болезни?

Когда выхожу в гостиную, Макс, уже одетый, застегивает пуговики на манжетах рубашки. Он спокоен и умиротворен и, конечно, доволен собой.

— Заеду в шесть, — говорит, уже не сомневаясь, что я ему не откажу, чмокает меня в нос и направляется на выход.

Сегодня пятница, впереди выходные, если поеду с ним, затеряюсь в этом омуте до понедельника, как минимум. Закрываю дверь на замок, подбираю свои вещи, разбросанные по полу, и понимаю, что уже подсознательно капитулировала, что поеду на праздник, и везде, куда позовет. Он только вышел, а я опять хочу, чтобы вернулся и был рядом. Хочу, чтобы прижал и не отпускал, любил, целовал, трахал. Хочу утонуть в нашем безумии, выбросить из головы все проблемы, забыться и раствориться в нем.

***

На работе пробыла недолго, умчалась пораньше домой. Ванна, пилинг для тела, процедуры для лица и волос, впервые за последнее время захотелось уделить внимание своей внешности. Раньше я не забивала на себя, что бы ни случилось, минимум раз в неделю посвящала себе время, пора возвращать эти традиции обратно.

Спускаюсь в салон красоты, неподалеку от дома, делаю свежий маникюр, вечернюю прическу, макияж.

Достаю любимое шелковое зеленое платье, с открытой в меру спиной и длинной чуть ниже колена, блестящие черные босоножки. До шести еще пятнадцать минут, а я уже готова. От предвкушения голова кругом. Это же надо так вляпаться, влюбиться именно в того, кто никак не подходит на эту роль. Но одно я сегодня поняла — я ужасно устала бороться с собой, Градов прав, чувства не задушить здравым смыслом. Чем больше их заталкиваешь подальше, тем болезненнее они проявляются при случае.

Макс звонит, что подъезжает, выхожу на улицу, он уже припарковался. Открывает мне дверь и попутно разглядывает, пока иду к машине.

— Офигенная! — резюмирует, обвивая талию, и тянется к губам.

— Сотрешь помаду, — предупреждаю я, и он зависает перед моим лицом.

— Ладно. Куда тебя можно поцеловать?

— Я бы сказала, — отвечаю игриво.

— Так скажи, — улыбается на это Макс, прижимая еще ближе.

— Ты будешь это делать прямо здесь?

— Хм, могу в машине, — глаза загораются похотливым блеском.

— Поехали уже, герой-любовник, я полдня потратила на сборы, нет желания приехать растрепанной.

Он закрывает мою дверцу, обходит машину и садится за руль.

— Заедем еще за цветами, поможешь выбрать букет, я в этих делах не очень.

— Хорошо.

Во дворе шикарного особняка Артура и Оксаны царит атмосфера карнавала. Повсюду развешены гирлянды, шары, цветы и другие атрибуты детского праздника. Дети уже почти разошлись, но судя по количеству столиков в саду, их было десятка два.

Ева, увидев нас, мчит на всех парах навстречу, Макс обнимает ее, дарит новенький айфон и цветы. Затем, с таким же восторгом, она обнимает меня, я отвечаю на этот жест, говорю несколько поздравительных слов и чувствую какой-то необъяснимый трепет. Эта девочка принимает меня за родного человека, потому что по умолчанию ассоциирует с Максом.

— Взрослый стол накрыли в гостиной — сообщает она.

— Понял, — говорит Макс, и мы проходим в дом.

— Там уже довольно людно, человек пятнадцать, не меньше. Николай Семенович представляет меня всем, как девушку Макса, ловлю на себе заинтересованные взгляды. Особенно пристально разглядывает красивая статная женщина лет за шестьдесят. Дорого одетая, в массивных украшениях и шлейфе тяжелых духов. Она подходит к нам.

— Наталья Петровна, — протягивает мне руку — мама Максима.

Меня коротит, не предполагала такой встречи сегодня. Подаю руку в ответ, стараюсь выглядеть естественно.

— Очень приятно.

— И мне очень приятно, — улыбается она в ответ, и меня отпускает.

— Привет сынок, — чмокает Макса в щеку.

Он отвечает сухим:

— Привет, — и проводит меня за стол.

На протяжении вечера осознаю, что здесь собрались не простые смертные: банкиры, работники Центробанка, судья арбитражного суда, однопартиец отца семейства с супругой и взрослой дочерью, депутат, которого я не раз видела по телевизору, в общем тот еще бомонд. Родители Оксаны оказались людьми из круга науки, какие-то работники Министерства образования.

Как ни странно, за столом ведутся очень живые, интересные беседы, никто не строит из себя людей высокого ранга, они здесь все одинаковые. Кумовья Градовых, сидящие на нашем краю, подвыпив, подогревают всех смешными историями с недавнего отдыха. В непринужденной атмосфере расслабляюсь окончательно. Оксана, расположившаяся по правую руку от меня, склонившись ближе, тихонько спрашивает:

— Лиз, может останетесь у нас ночевать?

— Мм, не знаю, мне такие планы не озвучивали.

— Оставайтесь, а то у нас мои родители остаются, и одна комната получается, свободна. Не хочу, чтобы Наталья Петровна напросилась.

— О, нет! С ней я точно не хочу конкурировать, — улыбаюсь, смотрим друг на дружку заговорщически.

— Значит, придется разрешить Еве оставить на ночевку пару подружек.

— Душевные отношения со свекровью? — смеюсь я.

— Не могу ее вынести больше часа. Душная и неприятная.

— Мне показалась доброжелательной.

— В глаза да, а на самом деле фальшивая и мутная. Будь с ней поосторожнее.

— Спасибо, что предупредила.

Через какое-то время мужчины и курящие дамы выходят покурить, Градову звонят, и он уходит через коридор вглубь помещения. У женщин, как водится, речь заходит о косметических процедурах, новинках косметологии, потом разговоры плавно перетекают к детям, школе и прочему. Мне нечем поделиться в этой области, извиняюсь и выхожу найти Макса.

Иду по коридору в сторону, куда он скрылся, вижу сбоку двухстворчатую дверь, догадываюсь, что это кухня. Одна половина двери открыта, улавливаю голоса. Макс и его мать, даже не заметила, как она испарилась из-за стола.

Притормаживаю, размышляю, стоит ли врываться в их разговор, но потом прирастаю к полу.

— Ну Елизаровы. Они давно в Питер переехали, ты должен их помнить.

— Помню, и?

— Леночку их помнишь?

— Мам, она пешком под стол ходила, что я могу помнить?

— Так вот. Ей сейчас двадцать три, закончила институт с красным дипломом. Умница, красавица модельной внешности, а родословная какая! Ты даже не представляешь, какая она стала сейчас.

— Мне зачем эта информация?

— Я обещала ее родителям вас познакомить. Сынок, зачем тебе эта простушка? Это же временно? Кто она вообще такая, откуда ты ее взял?

Сотни иголок вонзаются мне в голову, жар приливает к лицу, а в утробе что-то неприятно переворачивается.

— Мам, остановись! Ты опоздала лет на пятнадцать минимум. Это ты мне хочешь давать какие-то советы? Ты? — по раздраженному повышенному тону слышу, что он злится

— Где ты раньше была, когда мне, бесхозному подростку, нужно было рассказывать, какой должна и какой не должна быть женщина? Для меня теперь в женщине главное, чтобы она в один прекрасный момент не бросила моих детей!

— Ты прекрасно знаешь, что на этом настоял твой отец.

— А тебя все устроило. Умчала и забыла, что меня надо воспитывать. А теперь вдруг решила навестить? Я сам разберусь, с кем мне быть. Родословная, твою мать! Толку от твоей родословной, что она хорошего мне принесла? Когда на школьном выпускном матери моих одноклассников роняли слезу, что их дети выросли, дарили цветы и толкали напутственные речи, помнишь, где ты была?

— Где? — упавшим голосом роняет она.

— В Греции, на отдыхе со своим любимым мужем.

— Ты мне всю жизнь будешь все это вспоминать, Максим? Ты же уже сам взрослый мужчина, многое понимаешь.

— Понимаю, многое. Но как можно бросить своих детей, до конца жизни не пойму. Так что, передай своим Елизаровым, что они в полете. А если тебя чем-то не устраивает Лиза, можешь больше не приезжать, никто не огорчится.

Судя по хлопнувшей двери, Макс вышел на другую сторону дома. С горящим лицом, на цыпочках возвращаюсь назад, не хочу, чтобы они поняли, что я все слышала. Только успеваю занять свое место, Наталья Петровна тоже заходит в гостиную, садится за стол и смеряет меня недовольным взглядом. Ощущение, как будто меня унизили в лицо, а не за глаза.

— Наташа, — обращается к ней мама Оксаны — а ты пробовала рыбу?

— Еще нет.

— Пробуй, по новому рецепту делала, а то скоро не останется, — улыбается женщина.

Наталья Петровна принимает свой прежний приторно-сладкий вид, заставляет себя улыбнуться, накладывает рыбу и уходит в живой разговор со свахой. Ну и двуличная. Как точно описала ее Оксана несколькими словами.

Все сходятся в гостиную, усаживаются, разливают, только Макса все нет. Я, все-таки, решаю пойти к нему.

Прохожу через кухню, открываю дверь, ведущую в сад. Макс сидит спиной, метрах в десяти на качели, в поникшей позе. О чем он думает? О матери, о детстве? Я знаю, как это расти без материнского тепла, но у меня, хотя бы, была бабушка. Мне становится так жаль его, она там за столом сидит и играет дальше свою лживую роль, а его, возможно, накрыло воспоминаниями и обидами. Он не может ими поделиться, взрослый мужчина не станет плакаться и жаловаться на мать, но я слышала, сколько горечи было в его словах.

Подхожу, приседаю напротив, накрываю сложенные в замок, лежащие на коленях руки.

— Все нормально?

— Угу. Заждалась?

— Все уже за столом.

Он встает, поднимает и меня, заключает в объятия, и целует в висок.

— Я люблю тебя, Лиза, — получается это как-то надломлено.

Замыкание, искры, и я распадаюсь на атомы. Мне же не послышалось? Он это сказал? Смотрю на него ошарашенными глазами, перестаю дышать.

— Не сразу понял, но сейчас точно знаю, что сердце ты мне прострелила просто в упор.

Обвиваю его шею, притягиваю голову ближе, губы в губы. Шепчу, не в состоянии осилить голосом:

— Я тебя тоже люблю, вопреки всему.

Он касается губ, раздвигает их языком и углубляет поцелуй. Парю от этих ощущений, забывая обо всем на свете. Я только что услышала самые желанные слова в своей жизни.

Макс

— О чем задумался?

Лиза наблюдает за мной из-под веера черных, густо накрашенных ресниц, отчего в темноте машины ее глаза кажутся еще больше. Водитель, включил музыку, но нас с заднего сидения, все равно, слышно. Поэтому придвигаюсь ближе, кладу руку ей на ногу, слегка сжимаю. Склоняюсь над ухом.

— В каких позах буду трахать тебя по приезде домой.

— Составляешь план? — хихикает она — А если что-то пойдет не так?

— Тогда по ситуации, — провожу подушечкой большого пальца по губам.

Лиза вбирает его в рот и с вожделием, засасывает. Я и так ехал с желанием поскорее добраться до койки, а сейчас мой контроль лопается, словно мыльный пузырь. Утреннего секса оказалось катастрофически мало, не стал наглеть, чтобы не переборщить, а теперь меня рвет на куски от ее близости и невозможности взять прямо здесь. Забываю на водителя и даю себе волю. Целую, прохожусь руками по спине, груди, животу. Лиза старается не издавать звуков, но дышит громко, отвечает на поцелуй, ее потряхивает.

С трудом отрываюсь, нащупываю в дверях бутылку коллекционного вина, которую прихватил с собой с праздника. Открываю и делаю глоток с горла, за ним второй. Без слов, предлагаю Лизе. Она не отказывается, принимает бутылку и тоже надпивает.

Ее глаза, пьяные после поцелуя, и влажные, в вине губы крошат остатки моего самообладания. Набираю в рот терпкий напиток, впиваюсь в ее губы и выпускаю ей в рот. Задушенный вдох, она запрокидывает голову и проглатывает содержимое, томный выдох в мои губы, глаза в глаза. Между нами электрические заряды, бешенное притяжение и любовь, необузданная и магнетическая, не имеющая пределов.

Не собирался признаваться сегодня ей в своих чувствах, само вырвалось. Сам осознал только недавно, когда, на отдыхе сотни красоток сновало перед носом, мечтая запрыгнуть ко мне в постель, а я, как полный идиот, напивался, уходил в номер один, и перебирал в памяти прожитые с ней эпизоды. В итоге, понял, что никакое время, обстоятельства и даже ее просьбы не заставят меня отказаться от нее. Я впервые так сильно влюбился. И это не сопливая юношеская влюбленность, это зрелое, осознанное чувство взрослого мужчины. Оно не пройдет, не испарится, оно требует продолжения и подпитки.

Подходя к входной двери, включаю с телефона приглушенный свет в гостиной и спальне, открываю ключом, пропускаю Лизу вперед. Мы оба прилично заведены, Королева оглядывается на меня лукавым взглядом и, виляя бедрами, проходит вперед. Я, как полоумный, следую за ней. Эхо каблуков раздается по комнате и стихает. Она резко поворачивается и слегка толкает меня ладонью в грудь. Заваливаюсь на подушки дивана и жду. Давай, куколка, покажи, что хотела, никогда не видел ее изрядно выпившей.

Лиза включает на телефоне какой-то иностранный медляк, откладывает его и неспешно расстегивает молнию платья. Оно скользит по телу вниз и падает к ее ногам. Она смотрит мне в глаза, не отводя их ни на секунду. Вид зеленого, в тон платью, белья, идеально сидящего на шикарной фигуре, заставляет спуститься глазами ниже. Смотрю завороченно, сердце выбивает чечетку, член сходит с ума и просится наружу. Следом за платьем, щелкает замок бюстгальтера, он падает на ворох, лежащей на полу, ткани. Лиза, оставшись в лоскуте

бикини, переступает его и делает пару шагов ко мне. Опускается между ног и принимается расстегивать ширинку.

Снимаю через голову рубашку, помогаю ей с брюками. Она проводит по плоти ногтем, я дергаюсь и издаю протяжный звук. А когда головки касается язык, дразнящими движениями, проходя по всей длине ствола, меня кроет.

— Лиза, сладкая, не томи, прошу.

Она захватывает член и начинает чувственно двигаться, помогая себе рукой. Меня разносит в щепки, хриплю от каждого прикосновения, от ее изощренных ласк и томных вздохов, тону в этих ощущениях. Меня, как будто, поместили в красивое порно. Звуки нашего наслаждения взлетают ввысь и отзываются эхом на фоне красивой мелодии, создавая впечатление 3D эффекта, тени от наших тел пляшут на потолке и стенах — непередаваемое зрелище. После долгого плотского голода, эта ночь кажется наградой за все, что выстрадал, пока не видел ее и пытался забыть.

Лиза поднимается, тяну ее на себя, ласкаю языком чувствительные отвердевшие соски, осыпаю поцелуями шею. Рукой исследую промежность, срываю промокшие влагой бикини, укладываю на диван, накрываю сверху и вхожу. Королева, со страстным стоном, выгибается навстречу, и я трахаю ее, словно тронутый, уплывая в другую реальность и теряя последние мозги. Еле успеваю выскользнуть, прежде чем обильно забрызгиваю спермой ее живот.

— Это тебе, — выйдя из гардеробной, Лиза бросает мне на грудь презервативы.

Она знает, где они у меня хранятся, пришла в себя и злится, что мы напрочь забыли о защите.

Мы уже в спальне. Я лежу на кровати, закинув руки за голову.

— Прости, выключился. Но, знаешь, с резиной были бы не те ощущения.

— А что ты скажешь насчет ощущений, если случится беременность?

— Понятия не имею, — улыбаюсь я — это нужно проверить.

Она смотрит с укором и возмущением.

— Тебе смешно?

— Зайка, в ногах правды нет, ложись, не пожалеешь, — во мне, вдруг, просыпается засранец. Знаю, что ее недовольство до первого моего прикосновения. Потом, как рукой снимет.

Но Королева не сдается.

— Пообещай мне, что все будет под контролем.

— Обещаю, ты мне эту резинку вон почти на лоб прицепила, как я могу о ней забыть?

Иди ко мне, — протягиваю руки, смотрю многострадально.

Не успевает Лиза присесть рядом, захватываю и опрокидываю ее на спину. Нависаю, просто рассматриваю любимые черты, она зарывается в мои волосы.

— Макс... что мы дальше будем делать?

— Заниматься сексом.

— Ты понял, о чем я...

— Лиза, не грузись этим сейчас... Я что-нибудь придумаю, дай мне немного времени.

— Что ты можешь придумать? — не унимается она.

— Женюсь на тебе, и долги твоей семьи станут моими, — этот вариант мне пришел в голову несколько дней назад, когда я пьянствовал в одиночестве на ночном безлюдном пляже в Сочи.

— Ты же сейчас не серьезно? — я пьян, и она воспринимает все, как дурачество.

— Я сейчас серьезно. Но давай перенесем этот разговор на другое время и место. На ночь у меня другие планы.

Лиза вздыхает, втягиваю мочку уха ртом, она прогребаает ногтями по моей спине и мне хватает, чтобы возбудиться снова. Еще долго пылаем в огне, утоляя накопившуюся жажду, сжигая все барьеры, сливаясь в единое целое и доводя друг друга до экстаза.

***

Утром долго не можем проснуться, до обеда валяемся в кровати, обедаем, плаваем в бассейне, забывая обо всем на свете, впервые проводим время легко, не ощущая груза навалившихся сложностей.

Вечером, когда темнеет, ужинаем на террасе.

— Ты всегда питаешься из этого ресторана? — спрашивает Лиза.

— Если заказываю доставку, то да. Он самый ближний и там очень толковый шеф-повар, всегда быстро и вкусно. Кроме того, там рядом фитнес-центр, куда я хожу в тренажерный зал. Делаю заказ и пока занимаюсь, все уже готово, удобно. Не так, конечно, как с тобой, — улыбка невольно озаряет мое лицо — проснулся, а на столе уже завтрак и чашка кофе. Все время вспоминаю твои блины.

У Лизы это тоже вызывает улыбку.

— Если ты будешь по ночам практиковать секс до рассвета, то с блинами будут накладки. Я сегодня еле проснулась.

Смеюсь, как же я соскучился за нашими разговорами, перепалками и даже ссорами. Люблю в ней все, без исключения. Зависаю на губах, которые она облизывает после глотка апельсинового сока.

— Поехали в клуб.

— В какой клуб?

— Башир открыл ночной клуб, вчера был первый день. Наши решили собраться сегодня, посидим немного, пару часов и вернемся.

— Башир открыл?

— С Асланом.

— На твои деньги.

— Частично. Откуда ты это знаешь?

— Башир сказал. В тот день, когда я в ДТП попала, он наверняка тебе рассказал эту историю.

— Рассказал, конечно. А вот болтать лишнее, такого за ним раньше не числилось.

— Это было в контексте, мы о тебе говорили. Он сказал, что красивые бабы — зло и ты стал со мной другим. Я не нравлюсь твоим друзьям?

— Лиз, что за чушь? В нашей дружбе так вопросы не ставятся, а Джамбаеву я язык прикручу.

— Не нужно ничего говорить, пожалуйста. Он мне помог и... я не хочу вставать между вами.

— Так, кажется пора сменить обстановку. Ты снова грузишься, поехали, все-таки, в клуб.

Заезжаем к ней на квартиру переодеться, пока добираемся до места, там уже битком. Наш стол в дальнем углу, пробираемся мимо бара, пользуясь случаем заказываю коктейль для Лизы, и себе минералку, за рулем.

На диване за столиком развалился Башир и в своей обычной манере, тербит пальцами

столешницу, в другой руке бокал с коньяком. Он в последнее время был в конкретной запарке, еле успел с ремонтом к открытию, заслужил отдых. Рядом сидит Богдан, наш друг из Питера, приехал вчера на открытие, еще не виделись. Напротив Ловцов с Ритой.

— О, какие люди! — поднимается с места Богдан. Обнимает, похлопывая по плечу.

Все приветствуют, знакомлю Лизу с теми, кто незнаком. С Ритой они, оказывается, где-то пересекались. И хоть никогда не общались, знают кто есть кто. Рита по жизни бесшабашная, довольно общительная, моя Снежина тоже палец в рот не клади, поэтому девушки сразу находят общий язык. Выпив по коктейлю, идут танцевать, а мы с мужиками обсуждаем первое впечатление от клуба.

— Вчера был сумасшедший дом, — довольно говорит Башир — не все желающие попали, сегодня практически та же история.

— Место удачное, — вставляет Богдан — и с интерьером, конечно, расстарались. Прямо бомба!

— Дизайнер работала на износ, чуть не стерлась, — смеясь, говорю я.

Гришка с Джамбаевым тоже жгут.

— Кстати, где она? — смотрю на него. Знаю, что у них пока все в шоколаде. Пару месяцев, пока он не остынет, эта бестия покачает из него денежки. Башир в этих вопросах щедрый.

— Должна подъехать, — отвечает довольно — на заказе за городом.

Девочки возвращаются, Рита усаживается Ловцову на колени и что-то томно шепчет на ухо, он заходится смехом. Смотрю в горящие, счастливые глаза Лизы и чувствую, как внутри разливается тепло и затапливает меня до краев.

— Тебе нравится? — спрашиваю, чтобы никто не слышал.

Она кивает, потягивая через соломинку оранжевый коктейль.

— А говорила не любишь такие заведения, — улыбаюсь.

— Просто нужно знать с кем приходить, — лукаво заглядывает мне в глаза.

Льстит, выводит на эмоции, играет, ну а я веду, позволяя ее словам литься по моим ушам густой патокой. До одури приятно услышать от нее прямо, что ей хорошо, потому что я рядом.

Башир отвечает на телефонный звонок, хмурится.

— Сейчас подойдем, — отвечает он и отключается.

— Аслан звонит, нужно выйти, — говорит мне.

Выходим из-за стола.

— Я скоро вернусь, — говорю Лизе, она кивает.

— Все нормально? — уточняет Гриша, увидев озадаченное лицо Джамбаева.

— Аслан ждет с черного входа, с ним человек Джамала.

— Я с вами, — Гриша тоже понимает.

— Не нужно пока, побудь с девчонками, — прошу я.

Он нехотя соглашается, садится на место, а мы выходим в коридор, ведущий к заднему выходу из клуба.

На улице только Аслан и молодой невысокий парень рядом. Они что-то доказывают друг другу. Но когда мы подходим ближе, из машины, припаркованной метрах в пяти-шести, вылетают двое в балаклавах и несутся на нас, оба с автоматами.

Все происходит за считанные секунды. Раздается очередь, Аслан падает, как подкошенный, Башир уворачивается и срывается с места, но пуля догоняет его сзади. Я

чувствую удар в живот, онемение, а затем резкую боль. Падаю, меня скручивает от болевого шока, понимаю, что меня ранили тоже.

Сквозь пелену, застилающую глаза, вижу, как они убегают, садятся в машину и скрываются в арке, разделяющей задний двор с прилегающей улицей. Вижу, как Башир поднимается, смотрит в мою сторону, и на полусогнутых подходит к Аслану. Успеваю задаться вопросом, как машина заехала во двор, если ворота арки были закрыты, а дальше новый виток дикой боли и темнота.

Лиза

После ухода Макса с Баширом, Гриша минут десять нервно посматривает на часы в телефоне, Богдан тоже напряжен, разговор у них не клеится, они больше не пьют, и Ловцов все время поглядывает в ту сторону, куда вышли товарищи.

Вдруг его взгляд привлекает один из охранников в черном костюме с иголки. Он машет ему с той стороны, резкими хаотичными движениями, зовя на выход. Я тоже это вижу. Ловцов меняется в лице и срывается к коридору. Тело сковывает страх, борюсь с подступившей волной паники, но уже понимаю, что что-то произошло. Мы все тоже пускаемся вслед за ним.

Выбегаю на улицу и холодею от ужаса. Аслан лежит в луже крови, под светом фонаря, над ним вопит проклятиями склонившийся Башир, чуть дальше в нескольких метрах лицом вниз лежит Макс. Гриша поднимает его, под ним тоже кровь. Она бьет пульсирующей тонкой струей из раны в животе.

В голове молниеносно случается взрыв, ноги отказывают и становятся ватными. Я пытаюсь двигаться через не могу, подхожу к ним.

— Макс, ты меня слышишь? — почти кричит Ловцов — Макс, твою мать!

Он снимает с себя футболку и прикладывает к ране, пытаюсь остановить кровь.

— Вызывайте скорую!

— Уже вызвал, — отвечает охранник.

Гриша отходит от Макса, я приседаю, придерживаю, успевшую промокнуть кровью, футболку, обнимаю, пытаюсь поднять, его глаза закрыты. Он тяжело дышит, рваные стоны вырываются из его груди, он в очень плохом состоянии.

— Макс, держись, пожалуйста. Пожалуйста! — рыдаю я.

Как в тумане, слышу разговор Гриши и Башира.

— Что с Асланом? Пульса нет! Аслан! — пытается докричаться Гриша.

— Он умер, — отвечает ему Башир безжизненным голосом.

— Пи*дец. У тебя что? Куда попали?

— Плечо задело, — он сидит прямо на асфальте и держится за окровавленное плечо — Макс еще дышит, давай его в больничку, срочно!

— Скорая уже едет, можем навредить.

Вторым фоном Богдан просит охранника закрыть все двери, чтобы в клуб не было доступа и никто не вышел на задний двор.

Держа его голову на коленях, шатаюсь в агонии, над Максом, я глажу его, прошу потерпеть, не умирать. Сердце разрывается на куски, мне невыносимо больно. Кажется, это страшный сон и хочется проснуться.

Рита в слезах, зажав рот рукой, тихо стоит поодаль, подперев стену здания. В воздухе витает запах пороха и свежей крови, а еще запах смерти. До меня, наконец, доходит смысл сказанного Баширом. Аслана убили...

Когда на территорию двора заезжает карета скорой помощи, кто-то силой оттаскивает меня от Макса, Рита уговаривает успокоиться, обещает, что теперь все будет хорошо. Макса грузят на носилки, Башир, скрючившись от боли, садится в скорую сам, и они уезжают.

Во дворе с мигалками, но без звука, появляется полиция, Гриша остается с ними, а меня

и Риту просит ехать домой. Богдан говорит ему, что поедет в больницу и я в истерике, уговариваю взять меня с собой.

— Лиза, ты вся в крови, — пытается достучаться Рита — давай поедем переоденешься и на такси доберемся до больницы.

— Нет, мне нужно туда сейчас, — стою на своем.

— Ладно, поехали, сейчас бесполезно, — говорит ей Богдан, кивая в мою сторону.

Он подгоняет свою машину к арке, и мы едем в больницу.

Пока Богдан выясняет, где хирургия, куда нам идти, я в туалете первого этажа смываю кровь с рук, умываю запачканное кровью и измазанное тушью лицо. Белая рубашка, так красиво сидевшая на мне под кожаную короткую юбку, безнадежно испорчена, грязная и в коричневых кровавых пятнах. Достаяю из сумочки расческу, провожу по волосам, смотрю на свое потерянное отражение в зеркале и снова начинаю плакать. Слезы катятся по щекам, впервые в жизни я не могу привести мысли в порядок. Господи, только бы выжил. Макс, не умирай, пожалуйста, ты не можешь умереть.

Выйдя на коридор, где меня ждет Рита, вижу открывающиеся створки лифта и Богдана, выходящего из него.

— Он в операционной, можно подождать в коридоре на диванчике, — говорит устало.

— Больше ничего не известно? — спрашиваю я.

— Нет. По Максy нет информации. Башира шьют, но у него пуля прошла навывлет.

Мы следуем за ним в лифт, поднимаемся на четвертый этаж и проходим по коридору. Молча садимся на диванчики, стоящие под стенами небольшого холла, и гипнотизируем дверь, за которой находится коридор, ведущий в операционную.

Через какое-то время Гриша звонит Богдану, тот делится крупными имеющейся информации. Ловцов обещает приехать, как только закончит с полицией.

Не знаю сколько проходит времени, я то встаю и хожу взад-вперед, то снова сажусь на диван. Покоя нет ни минуты, слез тоже больше нет, только тупая ноющая боль и страх услышать, что врачи не справились.

Поднимаю голову на звуки шагов по коридору — Артур. Его лицо серьезно и напряжено. Он подходит к нам, Богдан поднимается, он подает ему руку.

— Здравствуйте. — здоровается и снами, мы отвечаем, — Как случилось, Богдан?

— Я не знаю, мы остались в зале, а когда прибежали, там уже было месиво. Башир может рассказать, но его тоже заштопали, наверняка под капельницей сейчас.

Градов кивает, подходит ко мне, приседает напротив.

— Лиза, почему ты в крови?

— Это Макса кровь, — голос, как будто, не мой, задушенный и слабый.

— Днем ты была с ним?

— Да.

— Было что-то подозрительное до этого? Звонки, разговоры?

— Нет, все было, как обычно. И в клуб мы поехали спонтанно, после ужина.

Артур зарывается пятерней в свои волосы, еле сдерживается, ощущение, что ему хочется заорать от бессилия.

— Ты не знаешь, что там происходит? — киваю на дверь в отделение — Я скоро с ума сойду.

— Знаю, отец поднял уже всех, кого мог. Все очень серьезно. Пуля попала в брюшную полость, сильное разрушение тканей, задет кишечник. Он потерял много крови, состояние

крайне тяжелое. Если выживет, предстоит продолжительное и сложное лечение...

Каждое слово ударяет, словно хлыстом, теперь понимаю, почему Артур такой мрачный и на взводе. На глаза снова накатываются непрошенные слезы. Закрываю лицо руками и плачу.

— Лиза, — Артур садится рядом и обнимает — на смене сегодня один из лучших хирургов в городе, давай будем надеяться, что все обойдется.

Киваю, сквозь слезы, пытаюсь успокоиться. Сейчас всем нелегко, не стоит привлекать на себя столько внимания.

Артур отпускает меня и встает. В холл заходит его отец, окидывает всех взглядом, здоровается.

— Пока ничего нового, — отвечает Артуру на немой вопрос.

Николай Семенович пытается держать марку, мол все у него на контроле. Но я вижу перед собой удрученного, осунувшегося в один миг человека, к которому нагрянуло горе.

— Лиза, ты как? — рассматривает мой растрепанный, поникший вид с опухшим от слез лицом.

— Нормально, — заверяю я. Не до меня сейчас.

Все находятся в молчаливом ожидании еще около получаса, может больше. Для меня время тянется невыносимо долго, истощая все возможные ресурсы. Наконец, дверь открывается и к нам выходит уставший врач. Мы все поднимаемся.

— Доброй ночи. Пациента поместили в реанимацию, в палату интенсивной терапии. Операция была очень сложная, но мы сделали все, от нас зависящее.

— Какие прогнозы, Валентин Сергеевич? — спрашивает отец.

— Не могу дать прогноз, все теперь зависит от него. Но он и так молодец, скажу вам. С такой потерей крови не многие до операционной доезжают.

— Как Джамбаев, что с ним? — спрашивает Артур.

— Пулю извлекать не пришлось, прошла навывлет. Ему зашили рану, он в палате под капельницей. Рвался домой уже, говорит, брата нужно хоронить. Пока не отпустили. Ему бы полежать в стационаре. Если имеете влияние, поговорите, а то завтра сбежит, а рана нешуточная. А по поводу сына, Николай Семенович, лечащего контакты вы знаете, он вас будет держать в курсе.

— Спасибо вам большое. Я в долгу не останусь, — говорит Градов-старший. Врач скрывается за дверью. — Все, молодежь, давайте по домам. Завтра сложный день.

Взмыленный Гриша вбегает в холл, смотрит на всех, ожидающим новостей, взглядом. Богдан быстро пересказывает ему разговор с врачом. Он просит Артура отвезти нас с Ритой домой, а Богдана ехать с ним.

Дома принимаю душ и ложусь в кровать. Никогда я еще не чувствовала себя так мерзко. Долгое время кручусь без сна, воскресая картинки прошедшего вечера. А ведь мы могли бы остаться дома, и все сейчас было бы иначе. Почему? За что их? Кто эти люди? Вопросы наваливаются камнепадом, только я не знаю на них ответы.

Засыпаю я уже под утро, когда истощившийся до изнеможения организм отключается самостоятельно, потому что его загнали до предела.

***

Просыпаюсь в половине девятого от настойчивого звонка на телефон. Звонит дядя.

— Алло! — сонно говорю в трубку.

— Доброе утро, Лизавета. Я тебя разбудил?

— Разбудил, но пора вставать.

— Я заеду минут через пятнадцать, есть у тебя немного времени для старика?

— Хорошо.

Не склонна сейчас к разговорам, но раз он почти возле моего дома, смысла что-то придумывать нет. Иду в душ, чищу зубы и натягиваю домашние шорты с футболкой. Успеваю отправить смс Артуру, он вчера дал мне свой телефон для связи на случай, если что-то понадобится: «Привет. Это Лиза. Есть новости?»

После двух настойчивых звонков, открываю дверь. Дядя проходит следом за мной.

— Кофе будешь?

— Не откажусь, — какой-то он взбудораженный.

— Тогда идем на кухню.

Делаю сразу две чашки американо, ставлю на стол сахарницу. К кофе даже предложить нечего, но я не парюсь, ничего не мило. На подоконнике пиликает входящее смс от Артура, открываю: «Привет. Все по-прежнему. Пока в искусственной коме под аппаратами. Правда, дышит сам». «Спасибо», — отправляю в ответ и откладываю мобильный.

— Ты плохо выглядишь, не заболела?

— Нет, просто мало спала.

— Ну, дело молодое. Ты новости не слышала?

— Какие новости?

— Компанию Градова вчера в ночном клубе расстреляли. Черкесов, вроде, насмерть.

Я не в силах что-то ответить, надпиваю свой кофе, обнаруживаю, что не положила сахар. Всыпаю ложку и порывисто колочу, в памяти всплывает картина разбросанных по заднему двору клуба окровавленных тел. И появляется мандраж, сравни вчерашнему.

— Ты приехал, чтобы рассказать это?

— Вообще-то это наш шанс, Лиза. Если Джамбаевы мертвы, а Градов при смерти, мы можем выйти из нашей ситуации с наименьшими потерями.

Что-то неприятно щемит в районе сердца и вызывает возмущение от такого цинизма.

— Ты хоронишь живых людей, чтобы не отдавать долги?

Родственник замирает, вглядывается мне в лицо, понимает, конечно, что сказал лишнее.

— Я никого не хороню. Просто им сейчас будет не до нас, возможно проблема отодвинется или вообще исчезнет. Я о тебе думаю, прежде всего, Лиза.

— Дядя Сева, не гневи Бога. Застрелили только Аслана, Башир жив, а Градова прооперировали, он сейчас в реанимации.

— Откуда такая осведомленность? — удивляется он.

— Я там была.

— Чтоо?! — он настолько шокирован, что забывает даже, что поднес чашку к губам. Так и не надпив, ставит ее обратно на стол — В этом клубе была?

— С ними была.

Надоело врать, не досказывать, прятаться. Сейчас, когда Макс в таком состоянии, все остальное кажется бессмысленным и никчемным.

— Как с ними, что ты там делала?

— Я была с Максом, в клубе.

Его глаза ползут вверх, потом он прищуривается и иронично улыбается.

— Значит, я был прав? У тебя с ним что-то было?

— Было. И тогда, когда я жила в его доме, и потом. Но все было обоюдно, меня никто

ни к чему не принуждал. Прости... я не могла тебе сказать. Чувствовала себя при этом предательницей. Пыталась выбросить его из головы, вычеркнуть из своей жизни. Но, увы, не получается...

— Лиза, Лиза! — вздыхает он разочарованно — Но ведь придет момент, и он оставит нас без гроша, а с тобой наиграется и бросит.

— Позавчера он мне сказал, что хочет закрыть ваш вопрос иначе. Мы перенесли этот разговор на потом... А потом случилось несчастье.

— И ты веришь ему?

Он встает из-за стола, подходит к окну. С поникшим видом, всматривается в даль, задумывается.

— Я жизнь прожил, многое повидал..., - затем устало поворачивается — Но, ей Богу, не ожидал, что мой близкий человек перейдет на сторону врага...

— Он любит меня.

— Лиза, не будь наивной! Ты же умная девушка, совсем с ним стала дурочкой? Он самоутверждается за твой счет. Конечно, девушка красивая, ситуация пикантная — интересно, не банально, бодрит. А что потом, девочка моя? Ты хоть теперь понимаешь, что он опасен? Большие деньги, разборки, криминал. Говорят, это привет из прошлого. Ты тоже под раздачу хочешь попасть?

— Не знаю, что потом... Сейчас меня это меньше всего интересует. Я понимаю, что тебе выгодно, чтобы он умер, но я не разделяю твоего энтузиазма, прости.

Мой телефон раздражается громким звуком и от вибрации съезжает по пластику подоконника вбок. Ловлю его рукой, на экране неизвестный номер.

— Алло!

— Лиза, здравствуй. Это Николай Семенович.

— Здравствуйте, — я напрягаюсь.

— Я только что был в полиции. Им нужно тебя допросить. Как ты себя чувствуешь? — голос уставший и подавленный, такое ощущение, что он совсем не спал.

— Более-менее. А что я им могу сказать? Я же ничего не видела.

— Просто расскажешь все, как было, чтобы они больше тебя не дергали. Я могу организовать, чтобы следователь приехал к тебе домой, если не хочешь идти в отделение.

— Было бы хорошо, спасибо.

— Ладно, я попрошу, чтобы заранее тебе сообщили, чтобы ты была дома.

— Да, спасибо большое. Эм... Николай Семенович, вы сегодня с врачом разговаривали?

Мне уже не важно, что рядом дядя Сева, и его выражение лица становится просто офигевшим, когда он понимает, кто ко мне позвонил.

— Да, пока без изменений. Но слава Богу, что не хуже. Лечащий говорит, это вселяет надежду.

— Хорошо, будем держать кулаки. До свидания.

— До свидания.

Откладываю телефон и решаю расставить окончательно все точки над «і». Но дядя Сева опережает.

— Я не ослышался?

— Нет, это был отец Макса.

— А что он так тебе поет? Вы знакомы?

— Я бывала у них с Максом не раз. А позавчера мы были на дне рождения его

племянницы. Там была и его мать.

— То есть, Градовы считают тебя его дамой сердца, ты едешь тусить с его друзьями, которые на меня вместе с ним наезжали, и лишь я, старый идиот, не в курсе всего происходящего.

Боже, как мне стыдно в этот момент, хочется провалиться сквозь землю. Понимаю, как дяде неприятно, и он не поймет меня, как не объясняй.

— Я понимаю, что ты расстроен, мне очень жаль, но я люблю его...

— Расстроен? Я разочарован, Лиза. Я не заслужил такого к себе отношения.

— Дело не в тебе, как ты не понимаешь?

— Понимаю. Дело в Градове. Не понимаю только одно, когда он успел стать для тебя роднее меня?

Дядя встает из-за стола и выходит. Поднимаюсь за ним.

— Не провожай.

Когда закрывается дверь, меня рвет на части. Почему все мужчины вокруг меня ставят себя на первое место? Почему дядя в своих обидах не услышал, что чувствую я? Я люблю этого мужчину, и он попал в беду. Мне плохо, очень плохо, хочется рвать на себе волосы от безысходности. А рядом нет никого, кто просто сказал бы: держись, я с тобой. Альбина на отдыхе, не хочу портить ей такой долгожданный отпуск, а больше и поделиться не с кем.

Лиза

Несколько дней проходят, как в замедленной съемке. Отсутствие прогресса у Макса и черная пустота на душе доводят меня до состояния, похожего на депрессию. Я пытаюсь делать повседневные дела, на несколько часов в день появляюсь на работе, но все валится из рук.

Особенно тяжело мне дались похороны Аслана. Не смогла не пойти, но более душераздирающего события мне не приходилось видеть за всю жизнь. Похороны родителей я помню смутно, бабушку было потерять невыносимо тяжело, но она была старенькая и в последние годы болела. А тут молодой, крепкий парень. Ему было двадцать семь, он самый старший в семье из трех детей. У матери-инвалида остались две его сестры. Когда вспоминаю, как она, убитая горем, кричала на кладбище, каждый раз мороз по коже.

Молчаливый и болезненный на вид, Башир держался до самого конца, а когда все разошлись, он так и остался стоять у свежей могилы, заваленной цветами. Оглянувшись, я увидела, как он вытирал слезы тыльной стороной ладони. Оказывается, мужчины плачут, даже такие большие и сильные.

В офисе сегодня аврал, такое ощущение, что все клиенты решили сойтись в одном месте в одно время. Давно такого не было. Приходится через не могу переключаться на рабочую волну.

После полудня народ немного рассосался, делаю себе зеленый чай, от кофе уже покалывает сердце, и приседаю на диванчик в своем кабинете. На пороге офиса появляется Дорофеева, весело всех приветствует и проходит ко мне. Через стекло двери ее губы расплываются в улыбке ярко-красного, уже сроднившегося с ней, цвета.

— Привет! — расставляет руки для объятий.

— Привет, — обнимаю, только сейчас понимая, как не хватало ее все это время.

Она подозрительно осматривает меня и выносит вердикт:

— Совсем заработалась, Элис. Выглядишь, как мокрая курица.

— Угу, и чувствую себя так же.

— Что-то случилось?

Рассказываю все, что произошло за это время, чем повергаю подругу в полное смятение.

— Я в афиге! Почему ты не позвонила?

— Звонок не решил бы проблемы, только бы отдых тебе испортила.

— А родственник так и не объявлялся?

— Нет, хотела вчера его набрать, но не представляю, что ему сказать.

— Да все правильно ты ему сказала. Он на Градова говорит, что тот тебя пользует, а сам? Получается, чтобы быть хорошей девочкой, нужно слушать дядю, не расстраивать и даже спать с тем, кого он считает подходящим. Что за бред? Он сам ввязался в историю с Градовым, тебя не спрашивал, ты из-за его дел оказалась в заложницах, а теперь кого-то склоняет. Он, конечно, неплохой мужик и много тебе помог, но это не значит, что ты теперь всю жизнь обязана танцевать под его дудку.

— Нет ни сил, ни желания ему это доказывать. Я сейчас хочу лишь одного, чтобы Макс поправился. Живу в постоянном ожидании хороших новостей, а их все нет. Я даже увидеть его не могу, к нему не пускают. Отец заходил на пару минут, остальным, говорят, нет

СМЫСЛА.

— Бедная моя девочка. Держись, я с тобой, — кладет свою ладонь поверх моей.

Улыбаюсь, я ждала этих слов. И пусть они не имеют практического смысла, мне просто приятно и тепло на душе оттого, что кто-то сочувствует и переживает за меня, проживает вместе со мной мои неприятности и поддерживает мою позицию.

Договариваемся с Альбиной, что она приедет ко мне с ночевкой. Уезжаю из офиса, покупаю в супермаркете продукты, бутылку вина. Эти приготовления немного отвлекают, я словно оживаю и начинаю верить, что все еще будет хорошо.

Домой попадаю к шести, прибираюсь в квартире, запекаю в духовке мясо с овощами, принимаю душ и закутываюсь в любимый халат.

На журнальном столике в гостиной оживает телефон. Сердце пускается вскачь, когда вижу на экране, что это Артур. Хочу услышать новости, но боюсь, что-то плохое.

— Алло.

— Привет, Королева.

— Макс?! — мой пульс ускоряется до максимума, даже дышать перестаю.

Слабый сдавленный голос выдает, что ему трудно разговаривать, но я прихожу в восторг от осознания того, что его вывели из комы.

— Как ты?

— Могло быть и лучше, но это пройдет.

— Я хочу тебя увидеть.

— Я не в форме, детка, — он хрипло сглатывает, даже разговор стоит ему усилий.

— Я тебя видела во дворе клуба, чем ты хочешь меня напугать? Макс, пожалуйста.

Несколько секунд молчание, а потом хриплое:

— Хорошо, приезжай. Сейчас Артур договорится.

Я нажимаю отбой и чуть не подпрыгиваю от счастья. Бегу к шкафу, хватаю первое, что попадается под руку, им оказывается вишневое трикотажное платье, короткое, но скромное — пойдет, решаю мгновенно. Натягиваю, провожу тушью по ресницам, выключаю духовку, вскакиваю в босоножки на низком ходу и бегу вниз к машине.

От переизбытка чувств ловлю мелкий мандраж. Руки на руле, как не свои, но вместе с тем, адреналиновый коктейль возвращает меня к жизни. Господи, спасибо! Лишь бы теперь пошел на поправку.

Но переступив порог палаты, мое воодушевление сходит на нет. Макс лежит на спине, не сильно отличаясь цветом от подушки. Яркими остались на лице лишь ссадины от падения об асфальт. От аппаратуры и мониторов, висящих над ним, становится немного жутко. Он тяжело дышит, видно по лицу, что рана причиняет ему боль. Карие глаза, всегда выразительные и блестящие, сейчас измученно смотрят, пока я подхожу к нему.

Присаживаюсь на краешек широкого топчана.

— Привет, — говорю почти шепотом.

— Привет, — он кладет руку, с прикрепленным к кисти катетером, на мою и слабо сжимает.

— Я очень испугалась...

— Я выкарабкаюсь, обещаю.

Вздыхаю, нежно обхватываю ладошками скулы, наклоняюсь и легонько целую в заросшую щетиной щеку.

— Только попробуй не сдержать обещание.

Он блекло улыбается, накрывает и задерживает мою ладонь у себя на груди.

— Я тебя очень люблю.

Прикрывает глаза и молчит. Я тоже не налегаю с разговорами. Перед тем, как впустить, предварительно одев в одноразовый халат и бахилы, мне провели целый инструктаж: не более пяти минут, никаких волнующих разговоров, все в тихом и спокойном режиме. Артур предупредил, что о смерти Аслана Максу не сообщали, чтобы, не дай Бог, не проболталась.

— Макс, мне разрешили только несколько минут, — перехожу на шепот.

— Побудь еще немного, — не открывая глаза, говорит он.

Ощущаю под запястьем размеренное биение сердца и прошу у Бога дать ему сил поскорее встать на ноги. Дверь приоткрывается, и дежурная медсестра сообщает, что мне пора на выход. Встаю, целую его еще раз.

— Я приду еще, выздоравливай.

Он открывает глаза, улыбается.

— Постараюсь к следующему приходу накопить силы для поцелуя.

Расплываюсь в улыбке, раз думает о таком, значит и, правда, пошел на поправку.

Прикрываю дверь и стараюсь быстрее ретироваться из отделения. Зрелище не для слабонервных. По обе стороны в палатах, с множеством коек, лежат люди, есть маленькие детки. Звенящая тишина давит на голову и страшно осознать весь совокупный размер неприятностей, а возможно и покалеченных судеб всех, находящихся в этих стенах. Хорошо, что у Макса отдельная палата.

Артур ждет меня внизу на крыльце.

— Расстроена?

— Впечатлена. Что говорят врачи? — спрашиваю с надеждой.

— Температура, державшаяся несколько дней, сегодня спала, рана тоже стала выглядеть лучше. А так еще очень слаб, сама видела.

— Да, по телефону мне показалось, что ему лучше, чем на самом деле.

— Угу, по телефону храбрился. У него стоит дренажный катетер, буквально перед твоим приходом заставил медсестру укрыть его, чтобы ты не видела, убрать капельницу и прибор, измеряющий каждые полчаса давление.

— Артур, почему в них стреляли? Кто такой Джамал?

Он напрягается.

— Не думаю, что Макс одобрит мои с тобой разговоры на эту тему. Сейчас идет следствие, давайждемся результатов.

— Я уверена, что ты и без следствия знаешь.

— Лиза, мне нужно ехать, у меня встреча через час.

Он уезжает, а я остаюсь посреди пустого больничного двора. Вечер окутывает темнотой, душе становится зябко и одиноко. Необходимо ехать домой, напоминаю себе, что скоро приедет Альбина. Сажусь в машину, поднимаю глаза на окна реанимации. Где-то там Макс, в сознании, проведет эту ночь. О чем он думает? Куда его занесло? Просто так не стреляют в людей, как на сафари. Возможно, с ним, действительно, опасно. Но я больше не представляю свою жизнь без него. Он поселился не только в моем сердце и голове, он в каждой клеточке моего страдающего из-за него организма.

Лиза

Тем вечером, когда у меня ночевала Альбина, мы засиделись до полуночи. Говорили обо всем — о ее новом витке отношений с Олегом, планах на жизнь, моих проблемах, Максе. Выговорившись, решили, что не так у нас все и плохо, а еще скоро все уляжется и будет совсем хорошо, обязательно будет.

Спустя несколько дней у меня остается все меньше уверенности и настроения на хорошее. Мне никто не звонит, я ничего не знаю о Градове, не понимаю вообще, что происходит. Артур обещал звонить и информировать о его состоянии. Кроме того, я собиралась еще его навестить и Макс был не против, что же теперь произошло?

Попрощавшись с двумя дотошными клиентками, закрываю за ними дверь и, выдохнув с облегчением, падаю в рабочее кресло. Эти возрастные сестрички своими запросами попросту вынесли мне мозг. В следующий раз скину их кому-то из подчиненных. А сегодня еще встреча с новым туроператором и, возможно, заключение договора, если придем к решению о сотрудничестве. Где взять сил? Сплю я в последнее время неважно, нарастающая тревога не дает жизнедействовать полноценно. Я понимаю, что что-то не так и не знаю, что с этим делать? Не хочу навязываться его родне, но нервы на пределе, и я прихожу к мысли набрать Артура сама.

Набираю, но он не берет трубку. Ладно, может, занят и перезвонит, когда освободится.

Почти последняя ухожу из офиса. Совершенно нет желания ехать домой и бродить, как привидение, по комнатам, не находя себе место. Я стала чувствовать себя там одиноко и неуютно.

Зайдя в квартиру, снимаю туфли с уставших ног. В последнее время мне трудно ходить на каблуках, ноги наливаются, нагрянувшая августовская жара выматывает и дома, после работы, я свешиваю ноги в ванну и долго обливаю их холодной водой, так становится легче.

Завершив и сегодня, ставшую привычкой процедуру, открываю холодильник, разогреваю рагу и снова заглядываю в телефон. Звонка от Артура нет. Не выдерживаю, набираю снова.

— Алло.

— Привет, Артур. Как Макс? Скажи хоть пару слов.

— Привет, лучше, — сухим тоном сообщает он.

— Я хочу его увидеть, — засовываю гордость подальше и набиваюсь сама. Никогда бы ни с кем этого себе не позволила. Но, видимо, Градов успел стать тем, ради кого я готова показать слабость.

— К нему не пустят.

— Почему, если ему лучше? Он еще в реанимации?

— Нет, Лиза. Его сегодня перевели в отделение.

— Тогда что происходит? — произношу потеряно — У него есть телефон? Почему он даже не звонит?

— Значит, у него имеются на это причины.

— Ладно, извини, что побеспокоила.

Кладу трубку и в горле появляется ком. Терпкий осадок обиды поселяется внутри, как же неприятно.

Вот как понять этих мужиков? Еще недавно говорил, что любит, даже о женитьбе заговаривал, а теперь исчез с радаров. Он же понимает, что мне не легко, что я переживаю, места себе не нахожу. Почему так себя ведет? Если он с телефоном, ему ничто не мешало связаться со мной. И Артур довольно странно себя ведет.

Кручу мобильный в руке, не осмеливаюсь на совсем уже несвойственный для меня шаг. Позвонить? Или это глупо? Нет, не стану звонить, раз ему плевать на мои чувства, то мой звонок ничего не изменит, а, может и усугубит ситуацию.

Откладываю телефон, мою посуду, растягиваю уборку на кухне, потому что потом вообще не будет чем себя занять. Но, все же, не выдерживаю и пишу Максиму смс: «Привет. Почему ты не звонишь? Как твое здоровье?». Через несколько секунд вижу, что оно прочитано. Сердце набирает оборотов, жду ответ. Пялюсь в экран, как влюбленная малолетка, даже потряхивать начинает. Но ответа нет, ни сразу, ни через время. Это прибывает окончательно, дезориентирует, и я впадаю в отчаяние. Что могло произойти? Не может быть, что на ровном месте такие перемены. Как же с этим справиться? Особенно, если учесть, что впереди еще одна бессонная ночь.

Утром еле просыпаюсь от настойчивого звука. Не сразу понимаю, что это не будильник, звонят в дверь. Накидываю халат, плетусь открывать, на пороге, в полном нетерпении, стоит хозяйка квартиры.

— Ну слава Богу! Я уж думала никого нет.

Не дожидаясь приглашения, она проходит в гостиную, как всегда, беспардонно усаживаясь на диван.

— У меня не очень приятные новости.

— Что случилось? — спрашиваю, под ложечкой начинает сосать. Альбина всегда возмущалась, что эта особа приходит редко, но после ее ухода, всегда хочется помыться, настолько она умеет педантично довести до белого каления.

— Я продаю квартиру, тебе придется съехать.

Чувство неприязни резко и навязчиво врывается в сознание. Прямо классика, если уж черная полоса, то сразу по всем направлениям. И договор у Альбины давно закончился, она уже почти год жила просто на устных договоренностях.

— Хорошо. Сколько у меня времени?

— День-два.

— Сколько? Но вы должны за месяц о таком предупредить.

— Когда появился покупатель, тогда и предупредила. Пока дает хорошую цену, мне нужно проверить сделку. Ты, чай, не бездомная, не на улице останешься. Значит, послезавтра я приду во второй половине дня, приму квартиру. И уберись тут, чтобы мне людям не стыдно было показать.

Она встает и, шаркая своими тучными слоновьими ногами по ламинату, выходит в коридор. Закрываюсь я уже спустя несколько минут, когда прихожу в себя от очередной проблемы, свалившейся на мою, гудящую от мигрени, голову. «Уберись тут», у меня и без того чисто, бесит, когда человек желает унижить просто потому, что «может себе позволить».

Все довольно странно. Квартиру ни разу не смотрели, как она нашла покупателей? Может, появились арендодатели, которые дали больше денег? Так подняла бы мне аренду, я бы никуда сейчас точно не срывалась, нет ни желания, ни настроения.

В невеселых раздумьях, набираю Альбину, ошарашиваю новостями. Рассказываю про

непонятную ситуацию с Максом. Она долго негодует, выпускает пар, нелестно отзываясь о хозяйке, Градова тоже не щадит. Но сейчас я с ней полностью согласна. А когда остывает, разговор неожиданно приобретает другой оборот.

— Слушай, а пойдём сегодня в СПА? Сделаем массаж, расслабимся. Тебе просто необходима перезагрузка.

— Мне вещи нужно собирать, Альбин.

— А я тебе завтра помогу, прямо с самого утра, мм?

Задумываюсь, разрываюсь между желанием зарыться под одеяло и никого не видеть или выйти в люди и попытаться упорядочить хаос, накотивший на меня снежной лавиной.

— А пошли. Иначе, моя голова скоро треснет от переизбытка мыслей и эмоций.

Макс

— Вы куда собрались, Максим Николаевич? — пугается медсестра, увидев меня в спортивных штанах и футболке.

— Посетитель должен прийти, куда я могу собраться в таком состоянии?

— Вот и я подумала, только сделали перевязку. И какой смысл переодеваться, если вам нужно лежать и скоро капельница.

— С капельницей не суйтесь пока, уйдет человек, тогда вернемся к процедурам.

Она смиренно вздыхает и выходит из палаты. Я встаю, придерживая место с наложенными на рану швами и прохожу к круглому небольшому столу с тремя удобными креслами. Сажусь в одно из них и жду Разумовского. Не дам ему насладиться видом, валяющейся на больничной койке, развалюхи с дыркой в боку. Положение сидя доставляет немалый дискомфорт, но я, конечно же, этого не покажу.

Пока его нет, еще раз заглядываю в телефон, читаю смс от Лизы и, скрипя зубами, заставляю отключить экран. Мысленно возвращаюсь к разговору с Баширом. Он появился у меня в реанимации пару дней назад. Злой и озабоченный. Невзирая на слабость, уже по полной включившийся в дела.

— Привет, ты как?

— Дырка приличная, но жить буду. После капельниц мне гораздо лучше с каждым днем. Хотя слабость бешенная, бесит, бл*дь. Все здесь бесит. У тебя, сказали, на вылет прошла?

— Да, считай легким испугом.

— Везунчик, а я тут теперь надолго. Так и хочется свалить по-тихому.

— Тебе отец охрану у двери приставил, свалить не получится, так что лежи и не дергайся пока.

— По ходу, у всех крышу сорвало, сплошные крайности. Телефон Артур вчера, наконец, привез, а зарядку забыл. Специально, мать твою, забыл. Решил, что я не просеку. Нячнутся со мной, как с барышней теперь. Еще и в несознанку ушли, что он, что отец — не знают, что по расследованию, якобы. у них пока нет информации. Ты хоть можешь мне прояснить что-то?

— Все серьезно, Макс... И охрану тебе не зря приперли.

— Поясни.

— Я кинулся к Джамалу сразу после того, как из больнички свалил. Интересный разговор у нас состоялся. Перестрелку устроил Ваня.

— Пасынок?

— Угу, этот щенок освободился на год с лишним раньше него и начал руководить его бизнесом, вернее тем, что от него осталось. Стал снова употреблять, на жизнь хватало, на дурь тоже. Люди Джамала возле него терлись, и он прекрасно себя чувствовал в роли хозяина. Параллельно обдумывал, как нам отомстить, Джамал сказал, у него еще на нарах планы такие зрели.

А когда подошел срок Джамалу выходить, Ваня понял, что лафа закончилась. Решил, что не стоит отдавать лакомый кусок. Уговорил его, пока тот отсиживал последние недели, купить клуб, уверил, что даже соинвесторов нашел. Но нужен ему был не клуб, а свести нас

снова, бл*дь, лбами. Соинвесторов тупо придумал. Не зря к нам его братки подкатывали. Ваня дал им такое задание, якобы от барона. Одним махом хотел убрать Джамала, понимал, что после перестрелки на него все подумают и тот подастся в бега. И с нами поквитается, сиделось ему не сладко, сам знаешь. Развязав войну, он остается на бабках Джамала, тот либо исчезает, либо снова сядет. Ну и нас в расход.

— С*ка! Решил всех на*бать. Недоценили мы его... Как Аслан, кстати?

Джамбаев умолкает, кулаки сжимаются до побеления костяшек, на лице играют желваки. Он не отвечает, просто смотрит на меня, и молчит. Потухшие после вопроса, глаза наводят на дурные мысли.

— Башир!

— Похоронили, через день после перестрелки...

Что-то резко обрывается и больно запекает в районе солнечного сплетения. В мозгу проносятся картинки с его падением от очереди пуль. Он стоял ближе всех и принял на себя первый удар. Ненависть взрывается фонтаном, я подрываюсь и, через боль, сажусь на кровати.

— Почему мне не с казали?!

— Ты сам был между жизнью и смертью, врачи строго-настрого запретили тебе эмоции.

Башир отходит к окну, еле сдерживаясь то ли от гнева, то ли, чтобы не сорвались слезы. Они были очень близки, Аслан рос без отца, и брат таскал его за собой с очень раннего возраста, учил боевым искусствам, помогал финансово его семье, потом взял в свой бизнес.

Прогребаю пятерней волосы, пульс начинает зашкаливать, рана, как будто, дает невыносимую боль. Двадцать семь пацану было, почему так несправедливо? Когда я очнулся в реанимации, мне сказали, что он в хирургии, после ранения.

— И где сейчас эта мразь?

— В бегах, — Башир уже взял себя в руки, в его тоне слышится решимость и сталь — братки, которых он под нас подставил позже смекнули в чем дело, предупредили Джамала. Он не хотел больше с нами пересекаться, выглядит х*рово, здоровье подорвано, туберкулез. Сейчас тоже пасынка ищет. Но я сплю и вижу, как найду эту блевотину первым.

— С ментами не сотрудничаешь?

— Какие менты, Макс? Это война, я не собираюсь его больше садить, я собираюсь его отправить за Асланом. Менты пусть свои версии строят, а я уже знаю, что буду делать. Потому и пришел. Тебе еще тут валяться долго, и я этому рад. Это не твоя война, больше никого не хочу подставлять.

— Не моя? Меня чуть на тот свет не отправили, Аслана убили, а ты говоришь не моя. Я не буду здесь валяться, куда меня соизволят отпустить, все равно раньше уйду. И можешь на меня рассчитывать, я с тобой.

— Макс, не дури. Тебя с того света только вытащили. Ты и сейчас выглядишь, как восковая фигура и кривишься от боли, просто этого не замечаешь. Ловцов мне помогает по своей части, люди Джамала кое-какую инфу слили. Придешь в себя, я от помощи не отказываюсь, но пока лежи, лады?

— Пи*дец, не могу поверить...

Осознание тяжелым грузом ложится на плечи, и в груди, кроме бахающего сердца, гнездится тяжелый камень.

— Макс, люди Джамала сказали, что Ваня после отсидки совсем псих. Вполне

возможно, что не просто слился и затих, в любой момент может всплыть в неожиданных местах. Сейчас или мы его, или он нас. Я, собственно, по этому поводу и пришел. Вчера тетку с сестрами отправил к родителям на юг, сказал не высовываться. Там ребята за ними присмотрят. Гриша родителей и Ритку тоже ненавязчиво отправил за границу, пока ничего не поняли. Тебе нужно своих предупредить. Хотя отец с Артуром и так все понимают, у меня с ними был разговор. Николай Семенович далеко не в восторге, но подключил к поискам и свои каналы. Артур своих спрячет, а ты Лизу убери пока куда-то.

Еще долго, после его ухода я не мог прийти в себя. Хотелось вырвать капельницу, которую мне приволокла медсестра, как только за Джамбаевым закрылась дверь, и выбраться из этой душной палаты. Ненавижу больницы, лежать до этого приходилось лишь раз в жизни, и то в далеком детстве. Но эта долбаная жидкость, которую мне ежедневно дважды пускают по венам, имеет свойство усыплять, уж не знаю, что там в этой бутылке. И через какое-то время я забылся тревожным продолжительным сном.

Стук в дверь прерывает поток моих мыслей.

— Входите.

— Добрый день, — Разумовский подходит к столу и, с удовлетворением разглядывая мою бледную и разбитую от падения на асфальт физиономию, присаживается напротив.

— Странное место для встречи, он обводит глазами мою вип-палату, а затем останавливается на мне и дает понять, что весь внимание.

— Думаю, ты, Всеволод Иванович, о нашем происшествии наслышан, пересказывать не буду. Но появились определенные обстоятельства и у меня к тебе есть просьба.

— Хм, — включает непонимание он, поднимая бровь.

— Люди, которые в нас стреляли могут устроить второй заход. Только теперь более выверенно и грамотно. Я поневоле оказался в войне, и это опасно не только для меня, но и для близких мне людей. Мне нужно спрятать Лизу.

— Так и знал, что ничем хорошим это не закончится. Лучше всего было спрятать ее от тебя, еще вначале.

Распрямляю спину, преодолевая боль. Понимаю его недовольство.

— Сейчас поздно рассуждать, что имеем, то имеем. Нужно принимать меры.

— И что ты хочешь от меня? В последнем разговоре она мне четко дала понять, что на твоей стороне. Я для нее больше не авторитет, твоими стараниями.

— Всеволод Иванович, давай забудем на время о сторонах. Я мог бы ее просто вывезти из страны, или посадить под замок. Но у меня уже имеется негативный опыт. Лиза не тот человек, которого можно безболезненно ограничить в передвижениях. Но я хочу, чтобы ее это не коснулось. Поэтому и обращаюсь к тебе.

— И что от меня нужно?

— Я оборвал с ней контакты. Наверное, она обижается, но сейчас это не главное. Я потом ей все объясню. Не хочу, чтобы она знала, что моя жизнь в опасности, и, если со мной что-то случится, пусть лучше думает, что я ее бросил, чем страдает от того, что потеряла меня таким образом. Да и этот утырок, если узнает, что она со мной, может сыграть на этом. Пусть для всех будет очевидным, что она не со мной и не представляет для меня ценности.

— Ну да, Градов, ты знаешь в этом толк. Когда ее у меня из-под носа воровал, тоже играл на тех же чувствах...

Зависаю в паузе. Просто насмешка судьбы, оборотка, бл*дь, пришла. Выдыхаю, стараюсь не вестись на его провокации, собираюсь с мыслями. Никогда не думал, что

придется о чем-то просить этого старого аферюгу.

— Мне нужно, чтобы ты убедил Лизу переехать снова к тебе. Хочу, чтобы была под присмотром, да и мой игнор ей дастся не легко, точно знаю. Нужно, чтобы хоть кто-то был рядом и поддержал. Пусть живет, как и раньше, чтобы ни у единой души не возникло сомнений, что тогда со мной в клубе она оказалась случайно, на один вечер.

Вижу блеск в глазах старика и понимаю, что его такой расклад более, чем устраивает, прямо просиял.

— А если она не захочет съезжать с квартиры?

— С этим уже разобрались, не парься, она съедет на днях. Твоя задача уговорить вернуться под твою крышу.

— Хорошо, договорились, — улыбается он торжествующе. Уже представляю, как будет налегать Лизе на уши, что я ее прокидал.

— Только если узнаю, что опять таскаешь ее по мероприятиям в поисках женихов, за себя не отвечаю, — предупреждаю, чуть склонившись через стол.

— Макс, зачем она вообще тебе нужна? Новый каприз? Самоутверждение? Что? Все равно ведь конец один, так какая разница раньше или позже? Может, найти другого был бы наилучший вариант?

— А вот сюда не советую соваться! Мы, как-нибудь сами разберемся, что для нас лучше. И Лиза не каприз, у меня на нее другие планы.

— Если выживешь, — смеется Разумовский, глядя на меня в упор.

— Я живучий, не обольщайся...

В комнате повисает напряженная пауза, он смотрит в окно, о чем-то размышляет, а потом меняет тему.

— Это Джамал вас так?

— Это Ваня.

Старик, вдруг, меняется в лице, гнев пробегает в глазах и челюсть сжимается чуть ли не до хруста. Когда мы рыли на него информацию, после побега Плотникова, выяснилось, что это пасынок Джамала в свое время присадил его сына на наркоту. Они были друзьями. Кроме того, Ваня выкачал с него уйму денег и втянул с неподъемные долги. Разумовский только спустя несколько лет рассчитался с горе-кредиторами.

— Он вышел из тюрьмы?

— Чуть больше года назад.

— И что вы планируете с ним сделать?

— Это не корректный вопрос, Всеволод Иванович.

— Понимаю, что озвучивать не будешь. Но, знаешь... в этой войне я за тебя, как ни странно, это выглядит. Такая тварь не имеет права ходить по земле, — ядовито выплевывает старик.

— Вот видишь, мы даже нашли точки соприкосновения... И по долгу и продаже дома пока притормози. Разберусь со всем этим, тогда вернемся к этому вопросу. А пока присмотри за Лизой. Все, мне нужно отдохнуть.

Он встает и молча выходит. Лишь на миг задерживается у двери.

— Удачи! — говорит нерадостно и покидает палату.

Макс

Бросаю в спортивную сумку телефон, зарядку, планшет. Остальную мелочевку забирать нет желания, даже зубная щетка напоминает мне эту долбанную палату, в которой я провалялся без двух дней три недели. Надеваю спортивный костюм, джинсы и брюки надену еще не скоро, рана не позволяет носить тесную одежду.

Она еще дает о себе знать — это официальная версия, а на самом деле, боль даже ночью мешает спать полноценно. Нужно лежать в определенном положении, иначе хр*н уснешь. Но мне настолько надоело здесь находиться, что я написал расписку с отказом от стационара и обязательством приезжать на процедуры ежедневно, и желаю как можно быстрее свалить отсюда. Минут десять назад позвонил Артур и предупредил, что отец несется на всех парах в больницу отговорить меня и, главное, надавить на медработников, чтобы не отпускали. Но, если он рассчитывает, что это поможет, то, видимо, еще не понял, что я почти пришел в норму и больше не глотаю все подряд, что мне подсовывали врачи, чтобы притормозить мое сознание. Сейчас у меня конкретное желание выбраться отсюда, достать из-под земли убийцу Аслана и наказать.

И практически ведь успел. Но перед самым выходом, отец таки входит в палату.

— Максим, ты сдурел? Куда тебя несет?

— Я здесь больше не останусь и дня, твои доводы сейчас бесполезны, пап.

— Ты вообще в адеквате? Тебе нужны перевязки, нужно побыть под наблюдением еще хотя бы пару недель!

— Я буду под наблюдением, обо всем уже договорился с врачом. Тебе клятвенно пообещать?

— Сын, ситуация, по-прежнему, небезопасная. Ты не сможешь за себя постоять в таком состоянии, случись что-либо.

— Так ты меня прячешь? И сколько еще собираешься? Хватит уже, я не просил решать мои проблемы! И охранника своего от дверей убери. И того, который в больничном дворе пасется, тоже. Детский сад, ей Богу! Ты думаешь этот наркоман придет меня в больницу убивать?

— Этот наркоман понял, что у него один исход, кто бы его не нашел: мы, Джамал или менты, ему крышка. А все его проблемы из-за того, что не добились вас тогда. Кто знает, что у него на уме? Тем более, пока он залег на дно, ты мог бы за это время привести в порядок здоровье.

Ага, залег... Утром Ловцову удалось засечь разговор какого-то упыря, с его телкой. Просил ее сменить телефонный аппарат и номер. Снять неприметную квартиру на окраине и дать о себе знать. Но отцу я этого не говорю. Просто беру сумку и отправляюсь на выход.

— Пап, если хочешь помочь, я не отказываюсь. Вот только нянчить меня не нужно.

— Твою мать! Тебе по голове настучать не мешало бы хорошенько, баран упертый!

— Это нужно было делать, когда я был подростком. Но тогда тебе некогда было, а теперь поздно меня воспитывать. Что уж получилось...

Закрываю за собой дверь и ухожу под молчаливым наблюдением охранника, расположившегося у моей палаты.

— Подожди, подвезу! — догоняет психованный отец во дворе больницы. Вижу, как

играют желваки, какое злое у него сейчас выражение лица, поэтому не решаюсь отказаться, это было бы слишком. Отпускаю таксиста, предварительно оплатив отмененный вызов, и сажусь в машину. Водитель трогается с места.

— Домой? — обращается отец с переднего пассажирского сидения.

— Да, — вдыхаю полной грудью.

Свобода! Как же гадко я себя чувствовал в этой клетке. Тут же на ум приходит Лиза. Ее претензии, когда она сидела у меня под замком, не казались мне ничем иным, как попыткой вернуть себе право на передвижение. Я тогда и приблизительно не понимал, что она чувствует и насколько это ломает. Идиот.

Стоило только вспомнить, и зубы сводит от злости, что не могу просто поехать к ней, просто увидеться. Как же я за ней соскучился. Человек, которого по моей просьбе нанял Ловцов присматривать за ней, сообщает, что она стала реже появляться на работе в последнее время. Хочется верить, что ничего серьезного с ней не происходит, на расстоянии ведь в голову не заглянешь. Держись, моя девочка, надеюсь, потом ты меня простишь.

— Матери пока не говори, что я выписался, — говорю отцу, выходя из машины возле дома.

— Не хочешь, чтобы приезжала?

— Мне хватило причитаний в палате реанимации. За умершими так не плачут, устроила, блин, спектакль.

***

— Что мы имеем на сегодняшний день?

Мы с Баширом с Гришей расположились у меня дома на террасе. Ребята за несколько недель устали биться, как рыба об лед. Столько работы проделано, столько зацепок нарыли, несколько раз ездили по адресам, но пока ничего не срастается. А я в это время лежал в коматозе, пока не понял, что мне подсовывают что-то, замедляющее реакцию. И сейчас, придя в себя, готов землю рыть, снова и снова.

Башир подкуривает, подтягивает к себе пепельницу и, безрадостно подытоживает:

— По всем адресам, по которым Ваня может появиться расставлены люди, пока никакого движения там не наблюдается. Машину, на которой они приехали в клуб, не нашли. Уверен, она уже разобрана где-то по запчастям. Его машину, на следующий день после перестрелки, нашли скинутой в кювет за тридцать километров от города. Проверка всех машин, которые засветились на камерах в течение пары часов после, ничего не дала. Только одну машину, мелькнувшую там в это время, не удалось отыскать. По документам ее владелец умер за два месяца до этих событий — синяя Тойота Рав 4. Жена хозяина уверяет, что он продал ее задолго до этого. Отдал вместе с договором купли-продажи, но на учет в ГИБДД ее так и не поставили. Автомобиль исчез на подъезде к Коломне. Предполагаем, что бросив свою машину, он уехал на нем. Прочесали все населенные пункты в этих местах, его не нашли.

— Мог запутать следы. И с каким-то частником вернуться в город или уехать дальше, — рассуждает Ловцов.

— Тогда и сейчас может быть постановка. Они же понимают, что у нас есть возможность их прослушать. Может, звонок к телке — отвлекающий маневр? Возможно, если ничего не сработало, нужно сменить тактику... — говорю я, и в моей голове мелькает совершенно крамольная мысль.

Башир тушит сигарету.

— Что ты имеешь ввиду?

— Нужно, чтобы не мы его искали, а он нас.

— Хм, и как мы его к этому подтолкнем? — интересуется Гриша.

— Нужно пустить слух, что мы за его голову даем хорошую сумму, тридцать лямов, к примеру. Пусть все выйдет в такую плоскость, чтобы его каждая собака хотела найти и сдать. Чтобы он и тени своей стал бояться. Самим же начать появляться в людных местах, вместе. Делать вид, что у нас все в шоколаде, что он прячется, как мышь в норе, а мы в это время прожигаем жизнь. Менты, Джамал, мы и еще каждый, кому он сверкнет рожей, отныне его потенциальные убийцы. Его даже его дилеры или курьеры захотят сдать, а долго без дозы он не протянет. Уверен, он появится ровно тогда, когда будет загнан в угол.

— Согласен, — чеканит Башир. И я впервые с того дня, как он зашел ко мне в палату, улавливаю в его глазах живой огонь — Гриш, в сеть пустишь инфу?

— Разумеется.

— И в бумажном формате тоже большим тиражом распространить нужно. Пусть его рожа на каждом столбе красуется, в городе и за его пределами.

***

— Макс, ты прямо кислый, смотреть больно, — улыбается Гриня.

Мы всего полчаса находимся в клубе, а мне уже хочется домой, в тишину. Я, в отличие от них, не пью. Музыка кажется громкой, световые эффекты раздражают глаза, место, где практически затянулась рана, ноет от долгого напряжения. За весь день не прилег.

Башир пригласил одну из своих бывших с подружкой. Так нужно было для картинки, но девушка на радостях решила, что Джамбаев одумался. Барышни гуляют по полной, заказали столько жратвы и напитков, ощущение, что собрались кутить до утра.

— А почему ты без девушки? — спрашивает меня через стол подружка, поглаживая Ловцова по плечу.

— Девушки со мной не дружат. После ранения пришел в негодность.

Парни ухмыляются, а дамы озабочено впиваются в меня взглядами.

— А где ты получил ранение? — тупорылые, бя. Даже нету ума нормально отреагировать на шутку.

— В лесу, с друзьями по бутылкам стреляли, срикошетило.

— И прямо туда, — ржет Гришка.

— Да ну вас! — наконец, до второй доходит, что никто серьезно не разговаривает — Иришка, пошли танцевать.

— Пошли, — соглашается та, и они уходят.

Я проверяю телефон, нет ли новой информации, а мои парни, похоже решили расслабиться после трудового дня.

— Эй, вы не сильно налегайте. Мы тут, как на ладони, — напоминаю им.

— Да мы по второй и все, — говорит Башир, завтра еще куча дел.

— И работу никто не отменял, — добавляю с нажимом.

Спустя несколько дней на номер, который Ловцов запустил для связи по гонорару за голову Вани, начала приходиться различная информация. А через неделю ее стало так много, что отследить и проверить все не удавалось собственными силами. Хоть большая часть была полной туфтой, реагировать необходимо было на любую мелочь, мало ли. Пришлось нанимать еще людей, кроме десятка ребят из охранного агентства, которых Башир нанял изначально.

В квартиру, снятую на окраине телкой, заселился какой-то его брат по несчастью, тоже наркоман. Его мы оставили ментам, как только, после жесткой беседы, поняли, что с ним была связь только по телефону и он не владеет информацией. Это было телефонное шоу для нас, ну и удостовериться, что барышня прослушивается.

А вот один охранник из придорожного магазинчика прислал тридцатисекундное видео с наружной камеры. На нем этот утырок покупает у курьера наркоту. За хорошие чаевые нам отдали запись, и мы выяснили личность курьера. Осталось дело за малым — поймать его. Наши ребята уже дежурят у его дома. Одно порадовало, убийца Аслана снова в городе. А значит должен скоро проявиться.

Полтора часа в клубе мне дались с трудом, очень хочется принять душ, а за ним горизонтальное положение. Когда чувствую, что меня начинает клонить в сон, решаю закончить на сегодня этот балаган.

— Я домой, — сообщаю парням. Прощаемся, и я пробираюсь на выход.

Но почти у машины меня догоняют Гриша с Баширом.

— Макс, подожди! Курьера взяли.

Джамбаев смотрит извиняющимся взглядом. Понимает, что мое состояние оставляет желать лучшего, но среди них я единственный трезвый, кто может повести машину. Можно было бы и завтра поехать. Раз взяли, то уже не выпустят, но Баширу не терпится.

— Поехали, — говорю я.

Приезжаем в район убогих пятиэтажек, давно не бывал в таких местах, даже забыл, что такие дворы существуют.

— Ну что, вспомним молодость, парни? — говорит Ловцов, оглядывая местность.

Заходим в квартиру на втором этаже.

Башир сходу ударом под челюсть отправляет, привязанного парня, вместе со стулом на пол. Он вскрикивает и проезжает по старым деревянным доскам в угол комнаты.

— Черкес, выключи эмоции! — оттягиваю его от лежащего человека — Он просто шестерка, нам от него нужна только информация.

— Он нам все сейчас расскажет, да? — приседаю над лежащим, затравленно смотрящим на меня пареньком, лет семнадцати.

Одет скудно, квартира убогая и грязная. Ему бы за партой учебного заведения сидеть, да девчонок в кино водить, а он уже пешка в чужой игре. Сколько судеб сломал наркобизнес.

Парень вообще ничего не понимает, кто мы, что от него хотим. На лице смертельный испуг, на щеке, которой проехался по полу, кровавые царапины.

Показываю ребятам из охранного агентства, которые его задержали, чтобы подняли его.

— Что вам нужно? — паренек смотрит мне в глаза, в них теплится надежда на мою адекватность.

Включаю ему видео на телефоне и даю посмотреть.

— Несколько дней назад ты передавал товар этому человеку. Он связывался с тобой напрямую или через куратора?

— Я просто отношу товар, куда скажут по телефону и все.

— Кто твой куратор?

— Я не знаю. Все устроено так, что никто никого не знает, вы же сами это понимаете.

— Номер давай.

— Они звонят с нескольких.

— Давай все.

— Развяжите меня.

— Нет, дружок. Ты же как-то устраивался на работу. Не с улицы они тебя взяли. Сейчас сольешь всех, кто свел, кто постоянные клиенты, телефоны, места, адреса. Тогда, возможно, мы тебя отпустим. Если информация окажется верной.

— Они меня убьют.

— Думаешь мы по голове погладим? — даю время осознать его положение, по глазам вижу, что понимает — Так что, в случае молчания, можешь уже их не бояться. Ты с ними, дружок, больше не встретишься. А если расскажешь, есть шанс.

Парень сдаётся и выкладывает даже больше, чем мы предполагали услышать.

Грише удается определить два телефона, оба находятся неподалеку.

Один адрес оказывается борделем. Приезжаем туда уже около двух ночи, по дороге рассуждаем, что клиентов не должно быть много в такое время, а значит есть шанс найти того, кто нам нужен. Рожи своего куратора курьер не знает, только кличку — Мазай.

Два звонка и нам открывает дама лет сорока, довольно прилично одетая для такого заведения. Бордель по виду дешевый. В зале на диване сидят четыре проститутки и оживляются, когда видят нас, входящих большой компанией.

— Доброй ночи, господа, — говорит администратор или как у них это называется. Не питаю слабости к таким местам, никогда не обращался. Нынче такого товара навалом везде. Пожалуй, нужно поистине ужасно выглядеть, чтобы имея бабки, покупать проститутку потрахаться.

— Какие предпочтения? Классика, пожестче? По одиночке или втроем?

Телки уже вскочили на ноги, осматривают нас с интересом, заработок привалил.

— Сколько клиентов сейчас здесь находится?

— Это конфиденциальная информация, вы кто такие? — офигев, старается держать лицо администраторша, доставая телефон из кармана брюк.

Ловцов тут же отбирает его, она осекается и начинает понимать, что мы не простые гости. Джамбаев достает ствол и с грозным видом протягивает руку перед путанами.

— И вы тоже телефоны сюда — все, как одна отдают безоговорочно.

Я подхожу ближе к, стучащей от страха зубами, главной.

— Повторяю вопрос — сколько клиентов сейчас в борделе?

— Трое, — выдыхает она.

— Досье на всех. Быстро! — прикрикиваю и она судорожно убегает в дверь справа.

Захожу за ней в кабинет, если это недоразумение два на два можно назвать кабинетом. Она роется в шкафчике, достает папку-скоросшиватель, открывает, перелистывает. Вынимает три файла с содержимым и отдает мне. Охренеть, я думал документация в бумажном виде уже давнее прошлое.

— Оперативно, молодец. На выход! — говорю ей, когда вижу, что посматривает на ящик стола. Возможно, там еще один телефон для связи или тревожная кнопка, хр*н их знает.

Выходим, заставляю закрыть кабинет на ключ и забираю ключ себе.

Просматриваем бумаги, клиентами оказываются какой-то хозяин точек с шаурмой на рынке, ИП-шник, занимающийся установкой пластиковых окон и третий наш. Станислав Мазаев, кличка Мазай.

— Этот в какой комнате? — спрашиваю администраторшу.

— Там номера на дверях. Он в пятом.

Гриша остается внизу, присматривать за дамами, а мы с Баширом поднимаемся на второй этаж. Дверь, конечно же, заперта изнутри, за ней слышны глухие звуки секса. Джамбаев зрительно обследует дверное полотно, слегка дергает ручку, определяя качество замка. А потом резко наваливается и выбивает ее нахр*н.

Наш клиент, вскакивает с, прикованной к кровати лохматыми розовыми наручниками, проститутки и садится к нам лицом. Она панически пытается тоже сесть, дергает руками, но не получается. Так и застывает, сведя ноги и смотря со страхом во все глаза на происходящее.

Мазай сразу понимает, что мы по его душу, профессия обязывает. Он вскакивает и кидается к окну. Башир в два шага догоняет его, оттаскивает и роняет на пол.

— Надевай портки, прокатимся.

— Вы кто? — он судорожно сглатывает, кинув взгляд на пистолет у Башира за поясом брюк.

— У тебя тридцать секунд, чувак, — говорю нетерпеливо — я, бл*дь, устал. А уставший я злой.

Он одевается, уходим из борделя, закинув телефоны в мусорное ведро рядом со входом. Ключ от кабинета администраторши тоже бросаю туда. Мазай не сопротивляется, увидев еще и Ловцова, понимает, что знакомство и разговор будут не из приятных.

Лиза

Стук в дверь вырывает из рабочего процесса. Вот уже около получаса веду переписку с новым отелем Хургады по поводу сотрудничества.

— Входите, — вижу через стекло бухгалтера.

— Елизавета Павловна, у меня к вам просьба.

Выглядит странно, взвинчено как-то.

— Присаживайтесь. Что-то случилось, Антонина Петровна?

— Да. То есть... — она садится напротив — Я хочу пойти домой, мне не хорошо. Можно?

— Да, конечно. Вы съездили в главный офис? Кажется, вас сегодня вызывала главный бухгалтер?

— Да вот съездила на свою голову. Отойти не могу.

— Вас там обидели?

Внутри неприятно все сжимается и, давящее все это время, внутреннее напряжение, отзывается уколом боли.

— Нет. Я пообщалась со своим начальством, Светлана Юрьевна очень хорошая девушка, молодая, но толковая. Мы же с ней не первый раз пересекаемся.

При упоминании о молодой девушке в команде Градова, щемит в груди, но я справляюсь посредством глубокого вдоха, а затем такого же выдоха. Озабоченная Антонина Петровна этого, слава Богу, не замечает. Сколько же еще это будет болеть?

— Все случилось, когда я уже выходила из офиса. — продолжает женщина — Наш босс, этот Градов, он ехал со мной в лифте. Он и еще один налысо выбритый, я тоже видела его в офисе. Они вышли на парковку у здания, их остановил какой-то мужик в костюме, и они остановились на разговор. А потом Максим Николаевич нажал кнопку то ли на пульте, то ли на ключе от машины. Я точно видела, что он навел эту штуку в сторону джипа. Он завелся, а через несколько секунд как бахнуло, как запылало! Машина взорвалась, представляете? А я рядом была, метрах в пятнадцати. Меня аж откинуло.

У женщины выступают слезы на моих глазах и ее жутко начинает трясти. Меня, кстати, тоже.

— Я ведь могла оказаться ближе и тогда все. Ближние машины тоже зацепило, они сгорели. Там начался хаос, прохожие разбежались, хорошо, что там только офисные ходят и еще был не обеденный перерыв. В прошлый раз я застала окончание обеда, так там столько народу в здание валило. Господи, что могло быть! — причитает бухгалтер, покачивая головой.

— Успокойтесь, Антонина Петровна. Уже все позади, идите домой, приходите в себя. Если нужно, можете несколько дней поработать из дома.

Успокаиваю ее, а у самой сердце трепещет, словно лично все увидела.

— Я сначала подумала, что он сам машину взорвал, а потом мне таксист, который вез меня, объяснил, что это такая функция есть на дорогих машинах, дистанционного запуска двигателя.

— Я попрошу Руслана, чтобы отвез вас домой, — встаю и выхожу в зал. Мне самой нужно восстановить моральное равновесие, не могу больше ее увещевать.

Оставшись одна, захожу в соцсети, ввожу запрос, читаю новости. «Второе покушение на бизнесмена Максима Градова», «Подрыв или случайность?» и тому подобного громкого содержания, названия статей пестрят на экране. Есть прикрепленное видео с камеры наблюдения. БМВ вспыхивает, словно спичечная коробка, и хоть оно без звука, я, кажется, даже слышу звук, как рвануло и как догорал автомобиль и несколько машин, по случайности, оказавшиеся рядом.

Что же у тебя происходит, Макс? Сначала стрельба, теперь это. Я даже не спросила у Антонины Петровны, что делал Градов, когда увидел взрыв. Ведь, очевидно, если бы их с Ловцовым не задержал какой-то человек, они сели бы в машину и взорвались бы вместе с ней.

От одной этой мысли становится дурно. Черт, Лиза, он бросил тебя, растоптал, словно тряпку, а ты сокрушаешься, что его снова чуть не убили. Но от себя не убежишь. Тру переносицу, только не плакать.

Когда, спустя неделю, после моего визита к нему в реанимацию, Макс так и не объявился, у меня началась апатия. Зная его, уже и не питала иллюзий, что он захочет меня видеть, хотел бы, ему бы ничего не помешало, даже камнепад.

Я не понимала, что мне делать, как жить дальше. Словно моя жизнь оборвалась на каком-то важном моменте, а дальше сто дорог и я не представляю по какой идти. Стою на месте — назад нельзя, а вперед не хочется. Не хочется без него, без людей, которые окружали меня, когда он был рядом. Может, и не сразу, но они, меня приняли, а я их. Мне было непросто, но я хотела жить, а сейчас нет. Это состояние сопровождалось постоянными вопросами без ответов. Почему? Что случилось, что так резко изменилось?

В тот день, когда мы собирали с Альбиной мои вещи, а я уже забронировала квартиру посуточно, на время пока буду искать новую, приехал дядя. Подруга ретировалась, а мы поговорили по душам, пришли к миру. Пусть не такому, как был раньше, но высказали каждый свою позицию, предельно честно. Он предложил пожить у него, пока не найду что-то стоящее. Я согласилась, это лучше, чем впопыхах заселиться непонятно куда.

А потом наступило состояние «ничего не хочу». Не хотелось искать квартиру, есть, кого-либо видеть, вообще выходить из дома. Дней десять я каждый день заставляла себя ехать на работу, питаться через силу, улыбаться через силу. Все ждала, когда наступит хоть какое-то облегчение. Но оно не наступало, становилось только хуже и я начала сдаваться. Стала редко выбираться в офис, вела дела онлайн, при крайней необходимости. Плюнула на свой внешний вид, а потом и вовсе засела в четырех стенах своей комнаты. Даже Дорофееву не хотелось видеть.

Но она приехала сама. Устроила мне взбучку, подвела к зеркалу и заставила посмотреть на себя со стороны.

— Посмотри, Элис, посмотри в кого ты себя превратила. Это не он тебя превратил, ты сама! Наша жизнь принадлежит только нам!

В отражении напротив, сутулясь, стояла потерявшаяся изможденная девушка с серым лицом и потухшими глазами. Я даже после развода себя так не ощущала.

— Пусть тебе плохо, я все понимаю. Но ни один мужик не стоит того, чтобы так убиваться. Ты хоть расчесаться можешь по утрам, Лиза, твою мать? Ты же никогда не была мямлей.

Закусываю губу, ведь она права. Он и забыл уже, что такая была в его жизни. Зачем я себя извожу? Постоянно прокручиваю внутренние монологи, что бы сказала ему при

встрече, постоянно ищу причины, почему он так сделал. Закрылась в этом душном коконе и перевариваю свои обиды.

Альбина обнимает, прижимает крепко.

— Элис, давай уже вылезать из этого болота, мм? Ты помнишь, как ты меня вытаскивала, после разрыва с Олегом?

— Угу.

— Так вот, я тоже с тебя не слезу. Я и так тебе дала достаточно времени запереться в своих уязвленных чувствах, пожалеть себя, поскулить. Теперь возвращаемся в жизнь.

Со стороны всегда легче рассуждать. Понимаешь, только когда сам попадаешь в задницу. Я тоже вот так с ней разговаривала, когда ей было плохо.

Но спорить не стала, понимаю ведь, что у меня нет выбора и не сегодня, так завтра мне придется принять правду и жить дальше. Так пусть будет сегодня.

Приняв душ, мы выпили с Альбиной чай, и я клятвенно пообещала и себе, и ей, что на следующий день пойду на работу.

А там, на удивление, получилось переключиться. Еще и Дорофеева подкинула какой-то необъятный проект, который нужно перевести до конца недели, а она зашивается и девчонки в бюро тоже.

Предположив, что это сделано намеренно, чтобы завалить меня работой, все же окунулась в проект с головой. Даже после офиса, приходилось брать работу на дом. А когда закончила, с чувством выполненного долга, сама отвезла в бюро переводов Дорофеевой. Она, конечно, была в шоке от моих темпов, а я благодарна ей за то, что вытащила меня на свет Божий.

Сейчас, сидя перед ноутбуком, пролистывая новости о взрыве, задумываюсь глубже. Может, его молчание как-то связано с его проблемами? Может, не до меня ему? Черт! Ну что я опять ищу ему оправдания? В конце концов, позвонить и объяснить много времени не занимает. Просто кинул. Точка!

Захлопываю ноутбук, пора ехать домой. Встаю с кресла и чувствую, что мне нехорошо. В теле мелкая дрожь, а к горлу подступает комок. Еле успеваю добежать до туалета. Резко закрываю за собой дверь и выворачиваю все содержимое желудка в унитаз.

Боже, как мне плохо. Запиваю прямо из ладошки водой из-под крана, резкая слабость, окатившая с головы до ног, заставляет облокотиться об раковину. Снова перенервничала, ведь только перестала думать о нем ежеминутно. Где ты взялся на мою голову?

Дорога до дома занимает чуть больше времени, чем обычно. Уж не знаю, куда всем понадобилось именно сейчас, но я почти все время ползу, периодически застреваю в пробках. Как бы я не старалась думать о чем-то отстраненном, мысли одна за другой приводят к Максусу. Кто на него открыл охоту и за что? Чем он занимается на самом деле? Наверное, все же, что-то криминальное и дядя не зря предупреждал. Нужно будет сегодня спросить, причем так, чтобы не отвертелся.

С тех пор, как я к нему переехала, он, как и договорились изначально, не жевал меня ни за связь с Градовым, ни за мои страдания. Хотя все видел, понимал, но не лез в душу, спасибо ему за это.

Блин, ну что там опять за затор впереди? Меньше километра до дома, и опять пробка. Что за день? Еще и состояние кошмарное: то в жар бросает, то накатывает слабость, и голова разболелась. Завидев аптеку, сворачиваю.

— Дайте что-то обезболивающее, пожалуйста, и бутылку воды, — наклоняюсь в окошко

и чувствую, что мне опять нехорошо. Может, пирожное в кафе было испорченное? Ну не может же так от нервов колбасить.

— Карта или наличные? — спрашивает фармацевт.

— Карта.

И пока она выбивает сумму на терминале, мой взгляд падает на витрину с акционными товарами и натывается на тест на беременность.

Взрыв в голове происходит мгновенно. Какое сегодня число? Судорожно достаю из сумки телефон, разблокировка удается мне только со второго раза. Ну нет! Только не это, задержка пять дней.

— Оплачивайте, девушка, — врывается в поток моих, охваченных испугом, мыслей, женщина по ту сторону стекла.

— Дайте еще тест на беременность, пожалуйста — потухшим голосом говорю ей.

Из аптеки выхожу на деревянных ногах. Сев за руль, радуюсь, что ехать осталось совсем ничего и пробка, вроде, рассосалась. Вообще не соображаю. Господи, пусть это будет просто сбитый цикл, нервы, отравление, да что угодно, только не беременность.

Дома залетаю на второй этаж, закрываюсь в своей ванной, провожу необходимые манипуляции, выкладываю тест и жду, гипнотизируя его глазами неотрывно. И уже на пятой минуте отчетливо проявляются две полоски, яркие и четкие. Это полный провал, просто невысказано.

Спускаюсь по стенке на пол и плачу. Ну как же так? Погуляла, так погуляла. Он и думать забыл, а у меня ребенок, его ребенок!

Так, — вытираю слезы — нужно записаться на УЗИ. Вдруг тест соврал, бывает же такое? Конечно бывает.

Сидя на полу в ванной, обзваниваю несколько клиник, в одну удается записаться на прием через час. Принимаю душ и выезжаю. Это недалеко, должна успеть.

***

— Доброе утро, — дядя Сева заходит на кухню, с утра при параде, наверное, собрался куда-то.

— Доброе, завтракать будешь? — еле ворочаю языком, пережевывая омлет. Ночь выдалась еще та. Чего я только не передумала, пока уснула под утро.

Дядя садится напротив, ужасается моему внешнему виду.

— Лизавета, у тебя снова что-то случилось?

— Случилось. Непоправимое.

— Ну что опять?

— Я беременна...

Сказать, что родственник в шоке, ничего не сказать. Он так и застывает, глядя на меня в полном недоумении.

— Градов? — наконец, выдавливает из себя.

— Да.

Он вздыхает, качая головой, затем встает, берет из холодильника бутылку минералки и стакан, налив себе полный, выпивает залпом.

Я тоже хочу сейчас сделать так же, только чего-то покрепче, но мне нельзя, черт бы побрал это все.

Ночью я решила, что рожу этого ребенка. Главное, теперь, чтобы дядя как-то разрулил вопрос с Градовым, и я уеду. Пока в Саратов, а там через какое-то время, вернусь в Москву, в

бюро.

Но родственник удивляет меня не меньше, чем новость о беременности.

— Ты ему сказала?

— Нет, конечно. Если ты не заметил, мы не общаемся, от слова совсем.

— Скажи ему.

Что? Я точно с дядей Севой разговариваю?

— Он бросил меня! Я не собираюсь упрашивать его вернуться с помощью ребенка.

— Лиза, это и его ребенок тоже. Он должен знать.

— А что у нас вирус альтруизма в дом кто-то занес? Ты же его ненавидишь. Или снова будешь рассказывать, что мне нужна опора?

— Ты многое не знаешь... Лиза, я никогда никому не пожелаю терять детей, поверь, хуже этого ничего не может быть. Дети, это святое, нельзя отбирать их у родителей...

— Дядя Сева, у тебя все в порядке с головой? Прости, но я тебя не понимаю. Ты недавно радовался, что его подстрелили. И, кстати, его вчера чуть не взорвали снова.

— Читал.

— У него проблемы? Ты что-то знаешь об этом?

Вижу по глазам, что знает, какого же черта, делает вид, что не слышит мой вопрос.

— Я не заставляю тебя бежать прямо сейчас и сообщать новость. Возможно, ему после очередного покушения и не до этого, но в перспективе лучше сказать.

Он выходит, так и не позавтракав, а потом я слышу, как его Мерседес отъезжает от двора. Что это было?

Макс

После взрыва моей машины, окончательно убеждаюсь, что пасынок Джамала совсем рядом. Ходит по пятам. Обозлен и опасен. Мог вчера нас переиграть. А еще сегодня ночью менты взяли человека, который подложил взрывное устройство под днище БМВ. Он начал говорить и теперь Ване не отвертеться, объявлен план-перехват.

Забираю из салона новую тачку, точно такую же, только моя была в пленке. Как все закончится, и эту затюнинговую, только бы выжить в этом адовом котле.

Завожу и еду в офис, Ловцов на месте, туда подтянулся и Башир. Вчера и сегодня у нас предельная концентрация, мы играем уже почти в открытую. Ребята из агентства, которых мы наняли, прочесали все в районе трассы, где исчезла Тойота, и нашли в лесу заброшенную лесопилку со следами пребывания людей. У Гриши есть вариант, как выяснить, есть ли там тот, кто нам нужен. Сказал, не телефонный разговор.

Перед глазами снова и снова проносится недавнее происшествие. Когда взорвалась машина, стало не по себе. Не затронь нас Дэн, наш сотрудник, с новостями про партнеров, мы бы с Гришкой отправились в один конец, бесповоротно.

Отец в бешенстве, журналисты достали его настолько, что он даже решил дать интервью, чтобы не дописывали всякие домыслы и пресса не поливала всю семью помоями. Понимаю его, и за своих страшно. Оксана с Евой уже воют в Эмиратах, домой просят, а я тут все никак не приберусь. И к Лизе хочется, как будто не месяц с лишним прошел, а год ее не видел. Как же все достало.

— Привет, — захожу в кабинет Ловцова.

Он сидит, сложив ноги на стол и что-то набирает в телефоне, Джамбаев стоя, курит в приоткрытое окно.

— Привет, здороваются они.

— Телефон Вани не прорезался? — смотрю на Гришу, переходя сразу к делу.

— Пока нет.

— Что хотел предложить?

— Запустить над этой лесопилкой аэросъемку. Пойдем сколько их, сколько транспорта, есть ли с ними этот ублюдок. Заодно видео будет как вещдок. Может потом пригодиться.

— Вариант, главное, чтобы не засекли. Если уйдут, больше не будет времени искать.

— Если уйдут, сможем проследить, куда.

— Да они разбегутся, как мыши, — вклинивается Башир — идеально будет, если потихому, и чтобы все в кучу собрались.

На компе у Ловцова что-то пищит, он резко снимает ноги со стола, усаживается в кресло, вперившись в экран.

— Есть!

— Что? — спрашиваю.

— Телефон Вани. Он на лесопилке.

— Поехали! — сердце начинает отбивать чечетку — Башир, ствол с тобой?

Мой был в сгоревшей машине, Гришка со стрельбой не дружит, даже по мишеням промахивается.

— Да. В тачке.

— В любом случае поедем на твоей, моя на временных номерах.

— Только ты за руль, — на ходу говорит Джамбаев.

Дорога на Коломну занимает чуть меньше двух часов. В обычном режиме ехать чуть больше, но мы несемся, как угорелые. Пролетаем кучу камер, лишь бы нигде ДПС-ники не остановили. По пути звоним двум нашим парням, которые, после обнаружения лесопилки, остановились неподалеку в придорожном отеле, чтобы были на чеку.

— Хреново, что так и не поняли сколько их там, — сетует Ловцов.

— А еще не знаем сколько у них оружия, — добавляю задумчиво.

— У ребят еще два пистолета, — успокаивает меня Башир — справимся. Форс-мажор нам не впервой.

Встречаемся с парнями и двумя машинами направляемся на лесопилку. Дорога ужасная, канавы в колесо, но, слава Богу, сухая. Пройди дождь, не проехали бы даже джипом. Машины оставляем неподалеку, дальше тихо обходим заброшенное здание.

Во дворе лесопилки стоит та самая синяя Тойота. Из заколоченных невпопад досками, окон слышится резкий разговор.

— Я больше не собираюсь здесь отсиживаться, Ваня. Ореха приняли, он нас сольет, сто пудов. Нас тут всех положат!

— Не ссы, найду, где устроиться до вечера, переедем.

Показываю парням притормозить, возможно из разговора услышим хоть какую-то нужную информацию.

— Мы сейчас отъедем с Жорой, один чувак нашел место, где можно перекантоваться пару дней, но нам нужно его проверить.

— Место? — спрашивает третий голос.

— Чувака, бл*дь! Я с ним по телефону разговаривал, может он под ментами уже или наши недобитые прослушали разговор. Нужно исключить засаду.

Гришка, психуя, хлопает себя по лбу. Ведь он засек включенный телефон, нужно было не срывать с места, а прослушать разговор. Остынь — показываю ему, поздно махать руками.

— Жрачку привези, одни консервы остались, — доносится из глубины четвертый голос.

— Обойдешься, мы машину в лесу перед трассой оставляем, дальше пешком. Не буду ничего на горбу тащить, вечером пожрешь — отвечает еще один. Судя по всему, который Жора.

Башир показывает пальцами, что насчитал пятерых. Утвердительно киваю и показываю, что нам пора.

Огромные металлические ржавые двери, больше напоминающие ворота скрипят при открывании и это не играет нам на руку. Когда врываемся в здание, на нас направлено два ствола, и пару человек успело спрятаться.

— Всем стоять! Пушки на пол, живо! — орет Башир.

Наши трое с пистолетами держат на мушке троих. Я без оружия. Чувствую себя хреново. Если начнется перестрелка, мы с Ловцовым просто мишени.

— С*ки! — скалится Ваня — Таки нашли.

— Если скажете, кто стрелял в клубе, заберем тебя и их, остальных не тронем, — говорю ему.

— Макс, ты такой благородный стал. Я что-то пропустил, пока сидел?

— Слышь, овца! — выплевывает Башир — Будешь вы*бываться, их положим сразу, а

тебя я буду убивать медленно и с наслаждением.

— А вы, мрази, меня и так убивали медленно! Семь гребаных лет под небом в клеточку, в камере с отморозками. Мне, бл*дь, даже жрачку не могли передать, проплаченные вами, с*ки, забирали все себе. Ты думаешь я не знаю, что это ваша работа?

— Ваня, хватит плакать, — рублю я — не понимает. Либо едешь с нами, либо...

Не успеваю договорить, он вырывает ствол у рядом стоящего низкорослого рыжего крепыша и выстреливает. Наши реагируют мгновенно, и стреляют в ответ. Уворачиваюсь от пули, и кидаюсь на одного из выпрыгнувших на меня из-за старых прогнивших мешков с опилками, сложенных кучей. Они оба кидаются в рукопашную. Отмечаю, что безоружны, уже хорошо. Ударом в нос отправляю одного на пол. Окровавленный рыжий без движения на полу, походу все.

Краем глаза вижу потасовку между Джамбаевым и Ваней. Баширу удалось заломать его руку с пистолетом, и тот выстреливает патроны в никуда. Но, каким-то чудом, ему удается вырваться, и он выбегает в открытую дверь. Гришка в драке, парни с агентства тоже не без дела, одного почти добились, второй кинулся на Башира.

Выбегаю за беглецом, на моих глазах он прыгает в Тойоту, заводит и дает по газам практически, когда я подбегаю.

— С*ка!

Бегу к нашей машине, запрыгиваю и с ревом, не обращая внимания на прыжки и удары по днищу, несусь за ним. Здесь одна дорога, но, если не догоню до трассы, не увижу в какую сторону свернул. Выжимаю, сколько могу, злость закипает с такой силой, что кажется, если догоню, вытащу из машины и задушу голыми руками.

Хоть на трассе он оказывается с отрывом, вдалеке улавливаю синее пятно. Ну конечно, не в сторону Москвы, там его срисуют быстро. Ускоряюсь за ним, лечу сто девяносто. Минут через десять уже у него на хвосте. Да, Ваня, не ту машину ты выбрал, не ту.

Видя, что его дела плохи, он на полном ходу открывает стекло и выбрасывает в мою сторону бутылку с каким-то пойлом. Видимо, с надеждой, что она попадет мне в лобовое или хотя бы по капоту и отвлечет. Дурь несусветная, она падает и разбивается прямо перед моими колесами. Зато он теряет управление, машину заносит. Впереди мост, он ударяется бочиной об ограждение, затем машина подпрыгивает и пробивая ограждение, летит вниз.

Торможу с визгом, оставив черный тормозной путь, сдаю назад. Включаю аварийку и с бешено колотящимся сердцем, выскакиваю из джипа, подбегаю к ограждению и всматриваюсь вниз.

Река мелководная, высота моста метров десять. Перевернутый вверх колесами, Рав 4 валяется в воде, вокруг плавают куски оторвавшегося метала. Машина искорежена в хлам. Умом понимаю, что при падении с такой высоты не выжить. Но хочется сигануть в воду и убедиться, что эта тварь больше никому не принесет горя.

Рядом останавливается фура и две легковые, спрашивают, видел ли я, как все произошло. Отвечаю, что видел, потому так резко и тормозил. Менты ведь, все равно, выяснят, что тормозной путь от моих колес. Водитель фуры вызывает полицию, а я отхожу в сторону.

Набираю Башира.

— Алло!

— Что у вас?

— Один убит, остальные будут жить. У нас один из парней ранен, сейчас везем в

больницу. На лесопилке уже менты работают, похоже, нас вели. Появились в аккурат, как мы там закончили. Сами мараться не захотели, явились на готовое. У тебя что? Догнал?

— Догнал. Он улетел в реку с моста.

— Бесповоротно?

— Уверен, что да. Дождусь, пока вытащат, чтобы убедиться и приеду. Скинь адрес больницы.

— Жаль... Хотел его сам задушить.

— Башир, зачем о такое дерьмо руки марать?

— Ладно, ждем тебя в больнице... Спасибо, Макс.

Полиция приезжает минут через сорок, вслед за ними спасатели, но я и так уже знаю, что этому гаду конец. Когда его вытаскивают, жалкое окровавленное зрелище не производит на меня никакого впечатления. Ни жалости, ни угрызений, ни страха, что мне предъявят погоню и покушение на убийство.

Дав коротко показания, и оставив свой телефон для связи, я просто сажусь в машину и уезжаю.

Перед глазами всплывает лицо Аслана. Башир познакомил нас, когда он был подростком, тогда мы не брали его в расчет, у нас уже была взрослая, не понаслышке, жизнь. Но малой упорно таскался за нами, куда только можно было пролезть и со временем стал выполнять какие-то поручения, потом и в какой-то драке себя проявил смело. А когда ему исполнилось восемнадцать, заявил, что больше не будет на побегушках, ему нужна работа, нормальная. Башир дал ему шанс, и он его оправдал.

Аслан всегда был не по годам взрослым, верным, брата боготворил, на него можно было положиться во всем.

В этом феврале он купил свою новую спортивную тачку, долго бредил ею, копил и, наконец, исполнил свою мечту. А еще собирался свозить маму на море в сентябре. Долго выбирал небольшой отель, чтобы поменьше народу, она стесняется со своим недугом находиться среди большого количества людей. А у сестры осенью планировалась свадьба, которую теперь отменили. Вот так один упоротый придурок покромсал жизнь, планы и простое человеческое счастье целой семьи.

А теперь его смерть на мне. И если что-то или кто-то есть там, наверху, то я готов ответить за то, что сделал. Пришлось бы выстрелить, рука бы не дрогнула, мне все равно как, в живых бы я его уже не оставил ни при каких обстоятельствах. Пусть еще скажет спасибо, что вышло вот так. Не удери он от Башира, не знаю, что бы он с ним сделал.

Домой попадаю уже вечером, принимаю душ, заваливаюсь на кровать и тупо пялюсь в потолок. Накрывает состояние выпотрошенной рыбы, мне бы радоваться, что все закончилось, но внутри пустота. Нужно возвращаться в привычную жизнь, а я потратил все силы на этот марафон и просто хочу покоя.

Сегодня отлежусь, а завтра поеду к Лизе. От одной мысли неприятно отзываются внутренности. Поймет ли? Столько времени прошло, вдруг ей хватило, чтобы остыть и понять, что ей и без меня неплохо.

Как будто, прочитав мои мысли, звонит Разумовский.

— Алло! — меньше всего сейчас хочу слышать его.

— Добрый вечер. Слышал новости про Ваню.

— И?

— Говорят, погоня за ним была...

— Кто говорит?

— Люди из органов.

— Им виднее.

— Только вот непонятно, умер он или жив остался...

Вот лиса хитрож*пая, не так, так эдак подкатится.

— Умер. Можешь спать спокойно.

— Спасибо тебе...

— Пожалуйста. Как Лиза?

— Плохо.

— Почему? Что-то случилось?

— Да, но об этом тебе лучше с ней.

— Всеволод Иванович, мне не до загадок. Говори уже.

Пауза в трубке напрягает нешуточно. Сажусь в кровати, мне вот совсем не нравится его молчание. Слышу громкий вздох и хриплое:

— Она беременна.

Спинной мозг простреливает судорогой, сердце пускается вскачь. От потрясения теряю дар речи.

— Чего молчишь? Доигрались? Весело, наверное, было всем вокруг лапшу вешать? Меня дураком выставили, твои поди, тоже не знают, при каких обстоятельствах вы познакомились?

— Лиза дома?

— Дома. Но говорить тебе о ребенке не собирается. Слишком тяжело дался ей ваш разрыв.

— Ну ты-то точно знаешь этому причины.

— Хочешь, чтобы я тебя оправдывал в ее глазах?

— Нет, бл*дь, хочу, чтобы дальше меня закапывал и втирал, что я с ней играюсь.

— Я вообще ей в этот раз ничего не говорил. Ей и без того не сладко было.

— Я сейчас приеду.

— Давай уже завтра. Она поднялась в свою комнату, может даже спит.

— Я-сейчас-приеду!

Отключаюсь, спешно одеваюсь и выхожу из дома. Взбодрил Разумовский. Беременна! Как уложить эту мысль в своей голове? Похоже, у меня грядут большие перемены.

Лиза

Хоть только девять вечера, ночь давно вступила в свои права. Дни стали намного короче, с улицы веет осенью, обволакивая душу тоской. Отметаю первую мысль закрыть балкон и завалиться на кровать, укрывшись с головой одеялом. Так я делаю уже три вчера кряду, а потом не сплю, составляя планы на будущее. И ни один из них не выглядит привлекательным. Утром, конечно же, обеспечена головная боль.

Надеваю махровый длинный халат, закутываюсь в плед и выхожу на балкон. Он у меня небольшой, но уютный диванчик с подушками и завитая виноградной лозой, незастекленная панорама с видом на соседские крыши, компенсирует недостатки площади.

Усаживаюсь, поджав под себя ноги, и люблюсь огоньками светящихся окон на фоне неба и темных крыш. В комнате я оставила включенным только торшер, тусклый свет проникает через стекло на балкон и слегка освещает половину пространства. Где-то в листве стрекочет кузнечик, из соседнего двора слышен лай собаки.

На улице с парадной стороны дома остановилась машина, звук хлопнувшей двери заставляет прислушаться. К нам, что ли? Да нет, наверное, кто-то остановился по своей надобности. Становится совсем тихо, даже кузнечик прерывает свою трель. А минут через десять дверь моей спальни открывается, и кто-то входит. Напрягаю слух, дядя? Но на балконе передо мной появляется Градов.

Вскакиваю с дивана, не веря своим глазам. У меня что, помутнение рассудка? Он в нашем доме? В такое время, да и как вообще?

Сердце, словно сумасшедшее, забивается в бешеном ритме, пульсация в висках такая, что кажется разнесет черепную коробку вхлам.

Сморю, как на привидение. Живой или глюк?

— Привет, — говорит осторожно.

— Привет, — дается с трудом, голос дрожит.

— Мне многое нужно тебе рассказать.

— Как ты сюда попал?

— Твой дядя открыл мне дверь.

— Ты пришел забрать долг? — не знаю почему задаю именно этот вопрос, но других вариантов его позднего визита у меня сейчас нет.

— Лиза, — он делает ко мне шаг и оказывается рядом — не говори ерунду, я пришел к тебе.

Машинально отстраняюсь, что вообще происходит? Сначала больше месяца полного игнора, теперь пришел говорить в такое время, прямо ко мне в спальню.

Он видит, что я в замешательстве, молчит, дает прийти в себя. Просто рассматривает, каким-то странным взглядом: губы, грудь, живот. Он знает? Или я себе надумала? Адреналин бьет фонтаном и заполняет каждую клетку.

— Почему так поздно?

Сама не знаю, спрашиваю про время или о том, насколько он пропал.

— Давай зайдем в комнату, — разжимает он мою руку, которой я удерживаю скрещенные края пледа у себя на груди.

Его теплая ладонь касается моей, и я понимаю, что моя холодная и максимально

напряженная кисть, сжимает края, а остальная часть пледа упала с плеч и болтается где-то внизу. Он слегка обнимает за плечи и ведет меня в спальню, иду, как заторможенная, в голове лишь одна мысль: сказать или сначала выслушать. Возможно, после того, что скажет он, говорить о беременности не захочется вовсе. К ни го ед . нет

Макс закрывает балконную дверь, включает свет, усаживает меня на кровать, а сам садится на пуф напротив.

— Я знаю, что ты сейчас будешь возмущаться, но очень тебя прошу, выслушай меня до конца.

— Хорошо, — сердце еще немного подрагивает.

Макс выглядит измотанным, но спокойным и сосредоточенным. Я немного успокаиваюсь, непроизвольно сильнее кутаюсь в халат и показываю всем своим видом, что я его внимательно слушаю.

— Я не отказывался от тебя. Мне нужно было время решить свои проблемы. Это было опасно, я не хотел, чтобы ты пострадала. И Башир, и Гриша, и даже Артур всех своих отправили подальше на это время. Я не знал, останусь ли в живых, и отправить тебя никуда не мог. Ты бы не согласилась. А еще не хотел, чтобы переживала... Я попросил твоего дядю забрать тебя к себе и нанял человека присматривать за тобой... Сегодня все закончилось, мы, наконец, можем вернуться к привычной жизни.

Услышанное на фоне накопившегося напряжения последних дней, вырывает с корнем остатки самообладания и прорывается фонтаном негодования и нервной дрожи. Мерзкое ощущение, что меня изолировали, словно инфантильную дурочку от важной информации, решили за меня, заставили снова играть по чужим правилам отзывается такой неприязнью к нему, что я вскакиваю и даю ему пощечину. И только потом понимаю, что я сделала.

Макс тоже вскакивает на ноги, глаза гневно сверкают, он сжимает челюсти, смотрит в упор несколько секунд, за которые к моему лицу успевают прилить жар.

— Полегчало? — еле сдерживается он.

— Нет!

— Больше никогда так не делай, иначе схлопочешь себе проблемы — он изо всех сил пытается говорить спокойно, но я вижу, как его это задело. Помню, что он не признает таких замашек от женщины, но уже сделано, не вернешь.

— Ты просто... Как можно так распорядиться чувствами человека, Макс? Ты хоть понимаешь, чего мне это стоило? Что я пережила, сколько всего передумала? А можно было просто позвонить и все объяснить. Я же не сумасшедшая лезть в петлю, я бы все поняла.

— Так ты просто злилась, и не понимала, а зная правду, каждую минуту переживала бы за меня. Одно дело не знать, что со мной, а другое осознавать, что каждый день я потенциальная мишень. И представлять меня вновь и вновь простреленным, в луже крови, как тогда в клубе или вообще мертвым. Так ты хотела жить все это время, Лиза? — он смотрит в упор, пытаясь понять воспринимаю ли, что он хочет донести — И я не знал на сколько это затянется. Спроси у Риты, как она жила в Ницце после того, как взорвали мою машину. Ловцову пришлось заблокировать все ее номера, чтобы она не звонила ему каждые полчаса. Пришлось отправить туда человека, который не дал ей прилететь сюда, физически не дал, понимаешь?

Стараюсь дышать глубже, все чувства смешались в кучу, злость, обида, возмущение, в то же время, понимаю, что его слова имеют смысл, но принять это не могу. А дядя? Он как пошел на этот сговор?

— То есть ты занимался своими делами, и, чтобы я не пугалась под ногами, пошел с моим родственником на закулисную сделку, а дядя Сева видел, как я страдаю и спокойно продолжал делать вид, что он ничего не знает, — выдаю горько.

— Мы это сделали для твоей защиты. И это я попросил Разумовского, это решение только мое. Не нужно его винить.

— Надо же! И когда это вы так поладили?

— Мы оба тебя любим, каждый по-своему. Бывают ситуации, когда ради чего-то или кого-то приходится засунуть свое «я» и поступать прагматично.

— В любом случае это должен был быть мой выбор, а вы решили все за меня.

— Лиза, этот мир принадлежит мужчинам. Нравится это тебе или нет. Просто потому, что мужчина сильнее, потому что на нем лежит ответственность за его жизнь, за его женщину, за безопасность, достаток и... за его детей.

Он снова мажет взглядом по моему животу, и меня это напрягает. Никто же не знает, кроме дяди и Альбины. Не может он знать.

— И да, я буду всегда решать вопросы единолично, если посчитаю, что по-другому небезопасно, потому что никогда не прошу себе, если из-за моего желания угодить тебе, причину тебе вред.

Оседаю на кровати, с кем я спорю, это же Градов. Что он сказал? Всегда?

— Ты ничего не хочешь мне сказать, Лиза?

— О чем? — спрашиваю и уже понимаю, что ему все известно.

— О ребенке.

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. Я здесь уже пятнадцать минут, а ты до сих пор не сказала. А это ведь самое важное сейчас. Обида или принципиальная позиция, Лиз?

Встаю, отхожу к окну, обнимаю себя за плечи. Теряюсь в ощущениях. Вроде бы и пришел, вот он рядом, хочет вернуться к привычной жизни. Но он для меня больше не тот Макс, я слишком долго думала о нем плохо. Он стал чужим, далеким, еще и этот договорняк с дядей.

— Я была уверена, что ты больше не появишься в моей жизни, решила вообще тебе не говорить. И сегодня уж точно не ожидала увидеть тебя в своей спальне на ночь глядя. Так что и обида, и принципиальная позиция, и много чего еще, Макс. Очень давила мысль, что у меня больше нет нормально оплачиваемой работы, да и долг тебе висел камнем на шее... Причем, дядя вообще ничего не рассказывал, как в рот воды набрал о тебе. За эти дни мой мозг чуть не закипел.

— Забудь уже про этот долг. Это мой ему калым за тебя.

— Ты уже решил это с ним? По традиции, в обход меня?

— Если ты о долге, то да, я решил это с ним. А если о нас, то ты мою позицию знаешь. Это только наше с тобой дело. — он подходит со спины, обнимает — Я адски устал, поехали домой.

— Мне нужно побыть одной, Макс.

— Лиза, ты еще не настрадалась в одиночестве? Мм?

Он опускает подбородок на мою макушку, бережно кладет руку на живот и притягивает крепче к себе.

— Это была вынужденная мера, прости, хватит уже дуться. Я тоже больше не могу быть один. Мне все эти дни безумно хотелось тебя увидеть. Днем еще полбеды, а ночами хотелось

драться на стену от того, что не могу хотя бы позвонить и услышать твой голос, просто спросить, как у тебя дела. Все закончилось, можно выдохнуть и просто жить. Тем более, у нас теперь есть тот, ради кого стоит забыть все обиды и двигаться дальше.

Накрываю его руки своими, прикрываю глаза и вдыхаю его запах — невероятно вкусный и до боли родной, воскресающий почти забытое ощущение всей гаммы чувств, что вызывает во мне этот мужчина.

— Ты хочешь забрать меня насовсем?

— Без вариантов.

— А если я откажусь ехать, ты заберешь меня силой? Тебе не привыкать, да Макс?

— Всегда знал, что ты умная женщина, — слышу по интонации, что он улыбается.

Говнюк.

Поворачиваюсь — глаза в глаза, он так близко, что чувствую дыхание на своем лице. Как же я хотела все это время, чтобы пришел, вот так заключил в объятия и не выпускал, и душа разрывалась оттого, что это лишь фантазия.

А сейчас сердце кричит впусти, а разум стопорит. Это ведь все серьезно — семья, ребенок, а мы даже не знаем толком друг друга. У нас были лишь преграды и сумасшедший секс, разносящий вклам все их, одну за другой. Да, теперь есть ребенок, ради которого придется привыкать, притираться, подстраиваться. Но сможем ли?

— Я не пойму, о чем ты думаешь? Отказывать или соглашаться? — улыбается Градов.

— Сомневаюсь, получится ли у нас.

— У нас нет выбора, девочка моя. У тебя внутри поселилось маленькое чадо — мое! А свое я не отдаю.

Да уж кто бы сомневался. До встречи с ним, я настолько привыкла жить по своему усмотрению, что даже не представляла, что кто-то будет мне навязывать свою волю, а я плясать под эту дудку, при этом, пылая и плавясь от одного только взгляда или прикосновения.

И я сдаюсь. Впрочем, как обычно, когда он рядом. Подхожу к шкафу, достаю джинсы и толстовку, переодеваюсь под молчаливым взглядом Макса. Закидываю в дорожную сумку самое необходимое и вручаю ему.

— Поехали.

Мы спускаемся на первый этаж, в гостиной у окна стоит дядя Сева. В его руке бокал с коньяком, никогда не видела, чтобы он пил сам, еще и на ночь. Он смотрит на нас, пока идем по ступенькам, а когда подходим ближе, переключается на меня.

— Я не мог тебе сказать, извини...

— Я поняла.

— Надеюсь, ты не против, Всеволод Иванович, чтобы я женился на Лизе? — Макс опускает сумку на пол и засовывает руки в карманы спортивных штанов.

— Это ты так руки просишь?

— Да.

— А если против, тебя это остановит?

— Нет, конечно. Но зато соблюли все приличия, — улыбается Градов.

Меня напрягает этот диалог, но я не вмешиваюсь. Им и правда, нужно выяснить отношения.

— Приличия не твоя стихия. Ты бы еще под утро свататься пришел. Че ты лыбишься?

Поднимаю глаза на Макса, он действительно беззвучно смеется. Да и тон дяди нельзя

назвать недружелюбным. У них что, после заговора общение приобрело другой формат?

— Да вот что-то мне кажется, что ты уже не сильно против.

— Угу, всю жизнь мечтал иметь зятя мудака.

Мне кажется, или губы родственника на секунду дернулись в улыбке?

— Зато без долгов, Лиза пристроена. Еще и внуков понянчишь — все, как хотел.

— Хоть бы не пацан, — машет головой дядя Сева — на кой Лизе эта гремучая смесь?

— Ну паиньки у нас точно не получится, даже если будет девочка. Смесь с обеих сторон гремучая, — отвечает Градов.

Сейчас я точно вижу, что между ними больше нет вражды, они подкалывают друг друга. Незримое тепло разливается в груди и становится легче дышать. Словно кто-то вытащил невидимый клин со спины и можно почувствовать свое тело и расправив плечи, кричать от радости.

Договариваюсь с дядей, что за вещами приеду на днях, обещаю навещать и звонить. Он проводит нас до калитки, прощаемся на позитивной ноте.

Макс открывает мне дверь БМВ, точно такой же, как у него была раньше. Но я вижу, что эта новая и запах кожи пока преобладает в салоне. В прошлой пахло им. У этой машины еще все впереди, Градов проникает быстро и надолго — и в салон автомобиля, и в сердце женщины, и даже под кожу.

Он заводит двигатель, подмигивает в своей ленивой манере, с чувством удовлетворения и трогается. Я знаю это выражение лица, оно такое, когда все идет, как ему нужно.

По дороге молчим под звуки тихой музыки какого-то старого плейлиста. Мне хорошо в этом молчании. И Макс тоже, я точно знаю.

А еще я точно знаю, что ни один мужчина в этом мире не смог бы вытащить наружу меня настоящую, кроме него.

Возможно, этому поспособствовало разнообразие эмоций, которые он во мне вызывал, возможно, мое состояние взаперти, из которого я искала выход, выплескивая это в чувствах. Но эта экспрессивная лавина накрыла меня с головой.

А потом он показал мне, что чувства можно выражать не только словами. Мы горели, выжигая друг друга дотла, а после снова возрождались из пепла и притягивались по закону собственной взаимной гравитации.

Я всегда считала себя спокойной и рассудительной, воздвигнув вокруг себя рамки допустимого и неприемлемого. Так бы, наверное, и жила, не появившись в моей жизни стихия по имени Макс Градов. Он разжег такое пламя, подарил такие краски, что моя жизнь приобрела другие смыслы и ощущения. С ним я по-другому чувствую этот мир и сейчас мысленно обещаю себе, что сделаю все, чтобы он чувствовал рядом со мной то же самое.

— Алиса, доедай быстрее свои ягоды, спать пора, — говорю, загружая посудомойку.

Они с Максом сидят за столом, уплетая малину из одной тарелки и кривляются друг перед другом рожцами, на что Алиса заразительно смеется.

— Мама, ну можно еще мультик?

— Завтра в садик вставать, поздно уже. Мы и так на ночь глядя домой добрались.

— Мм, — делает она несчастное лицо — папа, уговори маму.

— Мама, ну разреши нам мультик, — говорит Макс — мы совсем недолго посмотрим, а потом Алиса быстро уснет, да, малыш?

— Да, меня папа уложит, а у тебя будет свободное время.

Две пары совершенно одинаковых глаз вопросительно смотрят на меня, а я так устала за сегодня, что нет моральных сил спорить.

— Двадцать минут.

— Ура! — хлопает в ладоши дочка.

Макс берет ее на руки, и они уходят в гостиную. Через минуту слышу звуки из «Король Лев» и комментарии Алисы.

Так уж сложилось, что папа у нас — добрый полицейский. Когда он приходит вечером с работы, эта егоза летит к нему на всех парах, запрыгивает на руки с криками: «Папа, кружи меня!» и в доме начинается армагеддон. Прятки, догонялки, мыльные пузыри, битва подушками, Макс ей позволяет слишком много и мне приходится тормозить эту вседозволенность.

Алисе недавно исполнилось три, но она уже, как истинная женщина, четко понимает свою власть над всеми мужиками в нашей семье. Дедушки, Артур, не говоря уже о Максе, никто не может ей отказать — папина харизма, ни дать, ни взять.

Внешне она похожа на меня, а вот глаза достались Градовские — карие, с огромными черными ресницами. Николай Семенович называет ее исключительно, куколкой.

Запускаю пылесос, делаю тесто для блинов, чтобы завтра подольше поспать, ставлю в холодильник и отправляюсь в гостиную.

День сумасшедший. Еще утром мы завтракали в Доминикане, где отдыхали две недели семьями со старшими Градовыми, потом многочасовой перелет и только к позднему вечеру попали домой. Устали нереально, кроме Алисы, которая долго спала в самолете, а перед снижением проснулась в самом бодром настроении.

Захожу в гостиную и прыскаю со смеху. Макс спит на диване под песню из мультфильма, а Алиса прицепила ему несколько заколок с бантиками на волосы и удовлетворительно рассматривает свою работу.

— Зайка, что ты делаешь? — снижаю голос и улыбаясь, подхожу к ним.

— Делаю папе красоту.

— Мальчики не носят бантики, ты же знаешь. Давай снимем?

— Нет! Пусть будет, я старалась.

— Алиса, папе не понравится.

— А мне нравится, пусть будет так.

— Ладно, пойдем спать.

Беру ее на руки, выключаю телевизор и поднимаемся в ее комнату. Уложил спать,

смеюсь про себя.

— А мы еще поедem на море? — уже в кровати спрашивает дочка, зевая, глаза уже слипаются, но она все еще в эмоциях от поездки.

— Конечно поедem.

— Я хочу в этот отель, где мы были. Там самый лучший детский бассейн и горки.

Раньше, мы тоже много путешествовали, но она была маленькая, а сейчас уже делится воспоминаниями.

— В других отелях тоже такие есть.

— В другой стране?

— Угу.

— А папа мне еще обещал, что мы поедem кататься на лыжах. А там есть детские лыжи?

А то я на больших не смогу.

— Даже не знаю, есть, наверное.

— Мама, а ты мне купишь туфельки, как у Евы?

— Ты имеешь ввиду чешки?

— Да, белые. Но лучше блестящие.

— Куплю, при условии, что ты сейчас закроешь глазки и уснешь.

— Хорошо, спокойной ночи, — она чмокает меня в щеку и устало закрывает веки.

— Спокойной ночи, золотце.

Смешная. В последнее время стала задавать миллион вопросов, рассуждать и делать выводы. Порой такие, что мы удивляемся, откуда в таком возрасте подобные мысли.

Недавно заметили, что все повторяет за Евой. Когда приходим к ним в гости, пытается пикировать на фортепьяно, а еще, затаив дыхание, подолгу смотрит видео с танцами коллектива Евы, пытается воспроизвести движения. И нужно признать, у нее получается. Вот и чешки уже просит, неугомонный ребенок. Обожаю, мой маленький мир и смысл, моя копия с глазами и характером Макса. Гремучая смесь, как говорил дядя.

Еще раз целую уснувшую Алису, беру с собой радионяню и спускаюсь вниз.

Макса в гостиной нет, а в нашей спальне уже горит ночник и расстелена кровать.

Мой муж выходит из ванной в повязанном вокруг бедер полотенце, улавливает меня взглядом, улыбается.

— Прости, отрубился.

— Мм, тоже мне переговорщик в бантиках, — смеюсь я.

Макс тоже начинает смеяться.

— Пошел почистить зубы, чуть не умер со смеху, когда увидел себя в зеркале.

— Алиса настояла, что тебе очень идет, и мы решили оставить так.

— Я так и понял. Ты устала? — переключается на другую тему, взгляд блуждает по мне, похоже, уснуть не получится.

— Если честно, предпочла бы поспать.

Он подходит, одной рукой обнимает за талию, обволакивая таким знакомым запахом геля для душа, другой запролаживает выбившуюся из пучка прядь, за ухо.

— Давай ты сходишь в душ, а потом уже определимся с твоими предпочтениями, — снимает мой халат, оставляя в одном белье.

— Не определяюсь, а капитулирую, ты хотел сказать?

— Хотел, но ты сама догадалась.

Выйдя из душевой, застаю Макса за пересмотром в телефоне наших фотографий с

отдыха. В этот раз мы нафотографировались от души. И вообще поездка получилась замечательная. Столько эмоций, столько позитива, да и с Алисой уже полегче, подросла.

Он откладывает телефон на тумбочку и впивается жадным взглядом.

— Скажи, откуда у тебя столько энергии? — подхожу и сажусь рядом — Я просто выжатый лимон.

— Лиза, ты плохо знаешь свои ресурсы, — сгребает и перекидывает меня на спину, оказавшись сверху.

— И ты их решил поискать?

— Просто кайфуй, я все сделаю сам, — хрипит мне в губы, и я отдаюсь на его милость.

Он проходится по шее, спускается к груди, вызывая волну сладкой дрожи. Ладонью ласкает бедро, сгибает мою ногу в коленке и подтягивает вверх. Переключается языком на внутреннюю часть бедра, и я издаю глубокий стон.

Почему мы живем вместе не один год, но каждый раз мне с ним так хорошо?

Макс проходится от колена вниз, рукой сжимает ягодицу. Выгибаюсь навстречу, пьянею от его прикосновений. Тыльной стороной ладони касаюсь его щеки, повернув голову, он захватывает мой указательный палец и засасывает в рот.

— Ммм! — вырывается из легких.

Внизу собирается влага, возбуждаюсь и забываю про усталость и сон. Макс поднимается, тянет на себя, переворачивает меня на колени и медленно заполняет до упора. Сначала его движения размеренны, а потом он входит в азарт, и я теряю голову, упиваясь яркостью ощущений, взлетаю, стону и несусь по волнам удовольствия.

Когда накрывает оргазм, обмякаю и падаю лицом вниз — просто блаженство.

— Живая? — обнимает меня муж, после отходняка.

— Частично.

Он хмыкает в мои волосы.

— Люблю тебя, безумно... Если бы мне до тебя кто сказал, что буду хотеть каждую ночь одну и ту же женщину, рассмеялся бы.

— Я твоя карма, Градов, за самоуверенность.

— Это точно.

— Давай спать, завтра на работу.

— Ладно мне, а тебе что, горит? Отдохни еще день.

— Нет, нужно наведаться. У подчиненных же два отпуска — свой и начальника, они там и так расслабились, пора расшевелить. Разберу чемоданы и съезжу хоть ненадолго.

Встаю и ухожу в душ. Планов на завтрашний день, действительно, немало. Макс отвезет Алису в сад, ему по пути в офис, а я займусь накопившимися делами.

Год назад я открыла языковую школу, а недавно мы решили расширяться и запустили платформу онлайн-курсов. Макс помог с программным обеспечением, а Гриша Ловцов усовершенствовал сайт так, что все наши преподаватели пришли в восторг. Гриша сразу сказал, что сделает конфетку, конкуренты обзавидуются. Так, собственно, и получилось. Плюс Макс вложил приличную сумму в рекламу и дело пошло.

— Ты уже пятнадцать минут плещешься, — заходит Градов в кабинку.

Надо же, даже не заметила в своих мыслях, что застряла так надолго.

— И спать уже не хочется, — улыбаюсь я — давай чай заварим.

— Давай.

Выношу чайник с чашками на террасу, Макс приносит мой кардиган и накидывает на

плечи. Ночь сегодня светлая, даже не приходится включать уличное освещение, достаточно света из кухни. Откидываюсь на подушки кресла и вдыхаю аромат весеннего сада.

— Обожаю вечернюю тишину нашего поселка, особенно если сидеть на террасе. Более уютного места для меня нет во всем мире.

— Согласен. Я лишь однажды здесь чувствовал себя неуютно.

Делаю вопросительное лицо, не припомню такого.

— Когда ты вышла сюда в одном шелковом халате на голое тело, и я зарядил Лехе, чтоб не приставал к тебе.

— Я была в трусах.

— Не была ты ни в каких трусах.

— Макс, не сочиняй. Ты не можешь этого не помнить. Или ты прикалываешься надо мной?

Он смеется, и я понимаю, что так и есть.

— Да все я помню. Помню, как коротнуло, когда вышла, как Леху двинул, потому что чердак снесло. Как снимал эти трусы, как тащился от тебя в постели, все поминутно.

— А у меня тогда случился первый оргазм в моей жизни.

— Что?!

— Угу, — кутаюсь в плед, наконец, решила ему в этом признаться.

— Ты же была до этого замужем.

— В страшном сне я была, а не замужем. Я только теперь понимаю, что такое семья и мужчина рядом, что такое поддержка и сильное плечо. Каким может быть секс, каким должен быть муж. Та ночь стала открытием, я поняла, что я другая, а чуть позже поняла, что другая я лишь с тобой.

Макс надпивает чай, некоторое время молчит.

— Я часто спрашивал себя: когда я влип? Когда понял, что ты та, с которой я готов остаться на всю жизнь? Прокручивал каждый момент, пока не дошел до самого начала. И понял, что это случилось еще там, в вашем доме. Ты ворвалась с такими огромными сверкающими глазами, вся такая гордая, неприступная. Произнесла несколько слов и все... случилось замыкание. Наверное, подсознательно, потому что тогда я точно не осознавал, для чего ты мне нужна. Просто что-то в мозгу прострелило, и я решил тебя забрать.

— Спасибо, что забрал, — улыбаюсь я.

— Спасибо, что поверила.

Больше книг на сайте - Knigoed.net